

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

С. К. Роцин

П. ГЭНДЭН
МОНГОЛЬСКИЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛИДЕР

Штрихи биографии

ИВ РАН
2008

ББК 63.6 (5МО) 61

Р 81

Роцин С. К.

Р 81 П. Гэндэн, монгольский национальный лидер. Штрихи биографии. — М.: Институт востоковедения РАН, 2008. — 160 с.

ISBN 978-5-89282-350-0

Первая в современной российской историографии книга о П. Гэндэне — крупном государственном деятеле Монголии 20–30-х годов XX в. Судьба Гэндэна сложилась трагично: в 1937 г. он был репрессирован.

Автор на основе архивных документов и официальных материалов того времени показывает основные вехи жизненного пути П. Гэндэна — верного и преданного сына своей страны.

ББК 63.3 (5МО) 61

ISBN 978-5-89282-350-0

© С. К. Роцин, 2008

© Институт востоковедения РАН, 2008

1895-1937

Предисловие

В бурные 20–30-е годы XX века в Монголии выдвинулась плеяда крупных политических деятелей, ярких личностей, оставивших глубокий след в истории своей страны. Среди них одно из первых мест принадлежит Пэлжидийн Гэндэну. Простой арат, он в 1924 г. стал Председателем Президиума Малого хурала, в 1928–1932 гг. был секретарем ЦК правящей Народно-революционной партии, в 1932–1936 гг. — премьер-министром. В 1936 г. за «политические ошибки» снят со всех постов, в 1937 г. расстрелян по сфабрикованному «делу». Долгие десятилетия его имя ассоциировалось с проявлениями «правого оппортунизма», «антипартийности», «карьеризма» и т.п.

В наше время историческая правда о деятельности П. Гэндэна во властных структурах Монголии восстановлена. Архивные материалы, современные публикации монгольских историков убеждают, что Гэндэн был достойным представителем своего народа, стойким борцом за национальное возрождение Монголии, в меру своих сил и возможностей отстаивавшим ее интересы. Он внес свой вклад в укрепление сотрудничества с Советским Союзом, хотя его позиции по вопросам, касающимся Монголии, не всегда совпадали с советской позицией.

Имя Гэндэна у нас в прошлом было хорошо известно только специалистам, да и то под густым туманом идеологических оценок. Широкий читатель знал о нем очень мало. Представляется важным устранить, хотя бы в какой-то степени, этот пробел, донести до российского читателя правду об этом незаурядном человеке. Приходится учесть и следующее: Гэндэн был репрессирован в Советском Союзе. Как отмечалось в заявлении ТАСС (июль 1990 г.), «...некоторые граждане МНР, включая ряд руководящих деятелей МНРП и членов правительства страны, были незаконно осуждены и погибли в СССР. Впоследствии они были полностью реабилитированы»*. П. Гэндэн был в их

* Известия, 07.07.1990.

числе. Пусть данная работа будет нашей скромной данью его светлой памяти.

Цель монографии — на основе имеющихся источников и литературы рассмотреть основные вехи жизненного пути П. Гэндэна, дать краткий анализ его разносторонней деятельности в сложных условиях того времени.

При ее подготовке автор опирался на материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), а также Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), которые помогают восстановить подлинную картину общественной жизни Монголии 20–30-х годов, раскрыть роль представителей Коминтерна и Советского Союза, характер и особенности советско-монгольского сотрудничества. Много ценных, закрытых ранее, материалов из российских и монгольских архивов включено в изданные на монгольском языке сборники документов «Коминтерн ба Монгол» («Коминтерн и Монголия»), УБ., 1996, и «Монголын тухай БХК(б) Н-ын баримт бичигт, I–II боть» («Монголия в документах ВКП(б), тома I–II»), УБ, 2002, 2005.

Другой круг источников — материалы съездов, конференций, пленумов ЦК Монгольской народно-революционной партии (МНРП), сессий Великого и Малого хуралов, постановления монгольского правительства и другие документы. Назовем среди них «Монгол Ардын Хувьсгалт Намын их, бага хурал, Тов Хорооны бугд хурлуудын тогтоол шийдвэр» («Резолюции съездов, конференций, пленумов ЦК МНРП»), опубликованные в Улан-Баторе в 1956 г., «Бугд Найрамдах Монгол Ард Улсын их бага хурлуудын тогтоол» («Постановления Великого и Малого хуралов МНР») — Улан-Батор, 1956 г., первый том двухтомного сборника документов и материалов «Советско-монгольские отношения», изданный в Москве и Улан-Баторе в 1975 г.

Разумеется, важнейший источник — работы самого П. Гэндэна, его брошюры, статьи по вопросам государственного и партийного строительства, но прежде всего — его выступле-

ния и доклады на высоких монгольских форумах. Его первые известные выступления относятся к 1924 г. — он неоднократно брал слово на заседаниях I Великого народного хурала. А затем, вплоть до 1936 г., он, один из ведущих руководителей страны, регулярно выступал и на сессиях Великого и Малого хуралов, и на партийных съездах и пленумах. Наиболее значимы его выступления на VII съезде МНРП (1928 г.), отчетный доклад на VIII съезде (1930 г.), но особенно важен доклад на III Чрезвычайном пленуме ЦК и ЦКК МНРП (1932 г.), в котором вскрыты корни левацких извращений и определены основные направления нового курса, а также отчетный доклад на IX съезде МНРП (1934 г.), где подведены первые результаты работы по-новому и намечены очередные задачи. Выступления П. Гэндэна содержат богатый материал по новейшей истории Монголии, раскрывают его роль в происходивших событиях, его эволюцию как политика, государственного деятеля.

Использовалась вся доступная литература, в которой в той или иной степени отражена деятельность П. Гэндэна. Из последних работ на русском языке отметим коллективную монографию «История Монголии. Век XX» (М., 2007), в которой исследуются основные этапы развития страны в минувшем столетии. О роли П. Гэндэна немало сказано в обстоятельной книге С.Г. Лузянина, основанной на архивных материалах, «Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг.» (М., 2000). В двухтомном «документальном повествовании» Л.И. Шинкарева «Цеденбал и его время» (М., 2006) содержится много важных сведений, оригинальных суждений и наблюдений не только об эпохе Ю. Цеденбала, но и в целом по истории Монголии XX века. Особую ценность для нас представляют документы и материалы, собранные во втором томе.

При изложении главных событий 20–30-х годов, осмыслении роли и места П. Гэндэна в разные периоды первостепенное значение имеют монгольские издания последних лет,

особенно те из них, которые целиком посвящены Гэндэну или в которых ему отведено много страниц. В 1991 г. в Улан-Баторе историк Т. Лахагваа опубликовал монографию о Гэндэне под броским названием «Сталиныг алгадсан хун» («Человек, давший пощечину Сталину»). Если отвлечься от заглавия, носившего, полагаем, отпечаток особенностей времени издания (начало либеральной революции в Монголии), то в целом книга явилась первой удачной попыткой дать верное представление о жизни и деятельности Гэндэна. В 1994 г. вышла работа С. Ичиннорова «Пэлжидийн Гэндэн. Узэл баримтлал. Уйл ажиллагаа («Взгляды, деятельность»). В ней, на основе широкого круга источников, показаны с объективных позиций многогранная деятельность Гэндэна, его роль в политическом развитии страны. Весьма заметным событием в общественной жизни стал выход в свет в 2000 г. воспоминаний Г. Цэрэндулам — дочери П. Гэндэна. Это — ценнейший источник при изучении биографии Гэндэна. Книга насыщена фактическим материалом, в ней много неизвестных ранее документов, незаменимы, ни с чем не сравнимы личные воспоминания и наблюдения автора.

Немало важных сведений и оценок содержится в коллективных трудах «Хорьдугаар зууны Монгол» («Монголия двадцатого века». Руководитель авторского коллектива М. Санждорж. УБ., 1995), «Монгол Ардын Хувьсгалт намын туухэн товчоон» («Краткая история МНРП». Главный редактор Ч. Дашдаваа. УБ., 2001), «Монгол улсын туух. Тавдугаар боть» («История Монголии». Том пятый. УБ., 2003), в монографиях Б. Ширэндэва «Монгол ардын хувьсгалын туух» («История Монгольской народной революции». УБ., 1999), Ч. Дашдаваа «Улаан туух. Коминтерн ба Монгол» («Красная история. Коминтерн и Монголия». УБ., 2003), О. Батсайхана «Монгол ундэстэн бүрэн эрхт улс болох замд (1911–1946)» («Монголия по пути государства-нации». УБ., 2005), Ц. Батбаяра «Монгол ба их гурнууд XX зууны эхний хагаст» («Монголия и великие державы в первой половине XX в.» УБ., 2006), в книге Ж. Болдбаатара

«Монгол улсын засгийн газрын тэргүүн» («Главы правительств Монголии». УБ., 2003) и др.

Характер внутриполитического положения Монголии, взаимоотношения П. Гэндэна с другими партийными и государственными деятелями можно лучше уяснить, знакомясь с публикациями о ведущих руководителях того времени: о Х. Чойбалсане (работы А. Бат-Очира, П. Шагдарсурэна, Д. Гомбосурэна, Ш. Агваана), о Б. Цэрэндорже (Б. Ширэндэв), об А. Амаре (Ж. Болдбаатар), о Б.-О. Элдэв-Очире (Х. Магсаржав), о З. Шижээ (Д. Дашдулам), о С. Довчине (С. Ичинноров) и др. (см. Библиографию).

Настоящая работа — лишь штрихи биографии П. Гэндэна, наброски его политического портрета. Автор не претендует на большее, но надеется, что книга будет полезна читателю, поможет глубже понять всю сложность и противоречивость развития Монголии в ту, казалось бы, теперь далекую, но в то же время близкую нам эпоху, полнее узнать, чем жили, за что боролись, на что надеялись монгольские араты и их руководители. А одним из самых сильных, самобытных, влиятельных лидеров был П. Гэндэн.

Автор выражает глубокую благодарность всем коллегам, российским и монгольским, за оказанное содействие при подготовке этой работы.

Глава первая

Председатель президиума Малого хурала (1924–1927)

Начало общественной деятельности

Пэлжидийн Гэндэн родился в июле 1895 г. в аймаке* Сайн-ноенхан Уйзэн-гуний хошуне (ныне Убурхангайский аймак, Тарагт сомон). Его мать — аратка** Пэлжид, отец — неизвестен (поэтому звали по матери — Пэлжидийн Гэндэн)¹. Свое имя Гэндэн получил от местного ламы, так было принято в то время. Гэндэн в переводе с тибетского хувраг — ученик ламы, послушник. Лама надеялся, что Гэндэн подрастет и уйдет в монастырь, станет ламой. Этого не случилось, у мальчика была совсем другая судьба².

Мать Гэндэна была младшей сестрой ученого ламы Нангилжава, весьма уважаемого в хошуне*** (умер в 30-е годы, в 100-летнем возрасте). Он, вероятно, оказал немалое влияние на ребенка. Можно предполагать, что он был первым учителем Гэндэна, обучил его началам монгольской и тибетской грамоты (школьного образования Гэндэн так и не получил). Почитание религии, честность, стойкость — это шло от домашнего воспитания и влияния окружающих. А в общем детские годы Гэндэна мало чем отличались от детства его сверстников — аратских детей. Уход за скотом, помощь матери в домашних заботах, а когда немного подрос — участие в уртонной службе****, это уже общение со взрослыми, расширение кругозора. Семья Пэлжид была небольшой — двое детей, сын Гэндэн и дочь Жамбаапулжин. Жили сносно, не богато, но и не бедно: в лучшие годы семья имела до 15 верблюдов, 300 овец, 120 лошадей, 40 голов крупно-

* Аймак — крупная административная единица.

** Арат — крестьянин-скотовод.

*** Хошун — княжеский удел, административная единица.

**** Уртон — конно-почтовая станция. Уртонная повинность — обслуживание аратами уртонов.

го рогатого скота³. Хозяйственных забот у Гэндэна было много, он старался за всем успеть, был работящим, расторопным.

Детство и юность Гэндэна проходили в тревожное, переломное время. В Монголии, входившей в состав Цинской империи, усиливалось национально-освободительное движение за отделение от Китая, за восстановление независимости. В Китае в 1911 г. началась Синьхайская революция, в результате которой Цинская династия пала и утвердился республиканский строй. Монголия при поддержке России в декабре 1911 г. провозгласила независимость, возродилась государственность в форме феодально-теократической монархии во главе с Богдо-гэгэном. Но независимость отстоять не удалось, в 1915 г. на тройственной Кяхтинской конференции (Монголия, Россия, Китай) после сложных переговоров она была низведена до широкой автономии. При этом элементы государственности сохранились — Богдо-гэгэн, глава ламаистской церкви*, остался монархом, функционировало монгольское правительство. В стране начались первые прогрессивные преобразования.

В жизни молодого Гэндэна большую роль сыграл приезд в хошун в июле 1922 г. представителя ЦК Ревсомола, который проводил разъяснительную, агитационную работу среди местного населения, особенно молодежи, и организовал хошунную ревсомольскую ячейку. Надо сказать, что Ревсомол тогда занимал особое место в политической структуре новой Монголии. Поддерживая партию в начавшихся преобразованиях, помогая ей, Ревсомол в то же время претендовал на самостоятельность, на место второй политической партии, более левой, чем МНП. В этом он тогда находил понимание и поддержку со стороны Коминтерна молодежи. К 1924 г. эта линия была скорректирована, главенствующая роль МНП укрепилась, но в первые годы роль РСМ была весьма значительной.

В организации ревсомольской ячейки Гэндэн принял деятельное участие, он стал одним из ее руководителей. В ячейку

* Ламаизм — тибето-монгольская форма буддизма.

вступили 30 человек, они и стали первыми проводниками политики МНП и РСМ в своем хошуне. Им, в их числе и Гэндэну, многое было еще непонятно, неясно, трудно было противостоять влиянию, силе родовой знати, старых опытных чиновников. Но молодые энтузиасты, опираясь на помощь из Урги, делали что могли, авторитет их среди аратов возрастал. Главное — Гэндэн и его товарищи поняли, что новая власть стоит за них, за простых аратов, что начавшиеся перемены отвечают их интересам.

Важная веха в жизни молодого Гэндэна — участие в работе II съезда РСМ в июле-августе 1923 г. Он был избран делегатом съезда от своего хошуна, что свидетельствовало о его активной работе и растущей известности среди местного населения. Это был первый приезд Гэндэна в монгольскую столицу. Урга поразила его множеством храмов, монастырей, обилием торговых лавок, преимущественно китайских, разноплеменными толпами людей: здесь были не только монголы (миряне и ламы), но и китайцы, русские и другие. Однако главное впечатление, конечно, было от работы съезда Ревсомола и II съезда Монгольской Народной партии, проходившего в те же дни. Пребывание в Урге, участие в работе съезда РСМ, информация о заседаниях партийного форума — все это дало Гэндэну чрезвычайно много. Он впервые окунулся в городскую жизнь, почувствовал ритм революционных преобразований, познакомился со многими делегатами, с некоторыми руководителями страны. Это был такой заряд, который определил дальнейшую жизнь Гэндэна. И партийный съезд, и съезд РСМ приняли ряд решений, направленных на демократизацию разных сфер общества, местного самоуправления, улучшение положения аратства. Перед Ревсомолом, в частности, была поставлена задача дальнейшего расширения участия в демократических преобразованиях, усиления просветительской и образовательной работы среди молодежи и женщин, повышения их общественной активности и т.д.

Гэндэн вернулся в худон*, обогащенный новыми мыслями

* Худон — сельская местность.

и планами, полный решимости выполнить намеченные в Урге задачи. Вместе с другими активистами он разъясняет молодежи и всему населению решения ревсомольского и партийного съездов и, главное, участвует в их реализации. А в марте 1924 г. — новая важная веха в его жизни. В хошуне создается партийная ячейка. В нее вступили 38 человек, и одним из первых в своем хошуне членом партии стал Гэндэн. Более того, на общем партийном собрании его избрали председателем ячейки. Это было неожиданно для него самого, так как в организации были и более грамотные, и более опытные люди. Но выбор пал на него. Это говорило о многом — земляки распознали у него задатки вожака, знали о том, что ему близка и понятна жизнь простых аратов, таких же, как он сам, знали, что он, особенно после поездки в Ургу, лучше других представляет цели революции, смысл происходящих перемен. Так Гэндэн стал партийным руководителем, пока еще на низшем уровне. Работы, забот, переживаний было много. В худоне продолжалась борьба за реорганизацию органов местного самоуправления, вытеснение представителей феодального сословия и рост влияния аратов, за изменение к лучшему условий их жизни. В этой борьбе партийным активистам отводилась первая роль, тяжкая, ответственная, и Гэндэн уже тогда испытал это в полной мере.

Решающим в жизни и политической деятельности Гэндэна оказался 1924 г. Это был особый, знаменательный год в истории Монголии. В мае умер Богдо-гэгэн, ограниченный в правах монарх (хан) Монгольского государства. В июне правительство приняло постановление о переходе к республиканской форме правления. Предстоял созыв Великого народного хурала*, призванного утвердить это решение и принять первую Конституцию Монгольской Республики. Но до Всемонгольского хурала на местах состоялись аймачные хуралы депутатов, решавшие местные проблемы и избравшие своих представителей на Общереспубликанский хурал.

* Хурал — собрание, заседание.

П. Гэндэн как партийный руководитель хошуна был избран депутатом аймачного хурала. В сентябре хурал Цэпэрлэг Мандал аймака избрал своих посланцев на I Великий народный хурал. Среди них был и П. Гэндэн.

*Депутат I Великого народного хурала.
I Избрание Председателем президиума
малого хурала*

Накануне Великого народного хурала — в августе 1924 г. — произошло другое важное событие, состоялся III съезд Монгольской народной партии. Он знаменателен прежде всего тем, что на съезде развернулась острая борьба между «левыми» (Э. Ринчино, Ц. Дамбадорж и др.) и «правыми» (С. Данзан и др.) вокруг главной проблемы — пути дальнейшего общественного развития республики. «Левые» выступали за постепенное движение к социализму, за полную ориентацию на Советский Союз и Коминтерн, «правые» — за умеренные реформы и широкие международные связи. «Правые» потерпели поражение, их лидер Данзан был обвинен в контрреволюционном заговоре и расстрелян. Вместе с ним погиб один из лидеров Ревсомола Бавасан. В резолюции съезда, в частности, говорилось: «Монголия не должна повторять путь, ранее пройденный другими народами мира, являющийся путем мучительного капиталистического рабства, а должна развиваться в духе подлинного народного строя в соответствии с современным международным развитием»⁴. Состоявшийся после партийного форума III съезд Ревсомола постановил работать в единстве с Народной партией, под ее началом.

Совсем непростым было внутреннее положение Монголии перед Великим хуралом. Не менее сложным было ее внешнее положение. 31 мая 1924 г. в Пекине состоялось подписание советско-китайского Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой, по которому Советский Союз признал Внешнюю Монголию

составной частью Китая. Советский Союз пошел на этот вынужденный шаг во имя нормализации советско-китайских отношений и обстановки на Дальнем Востоке в целом, но с трезвым расчетом на то, что фактически статус-кво новой Монголии не изменится. Этот расчет оправдался: монгольское правительство отказалось признать советско-китайское Соглашение в части, касающейся Монголии, Китай, в силу внутренних трудностей, не в состоянии был «заняться» монгольскими делами. Между тем, продолжало действовать советско-монгольское Соглашение от 5 ноября 1921 г. об установлении дружественных отношений, и сотрудничество между СССР и Монголией успешно развивалось по всем направлениям.

Усиливалось и влияние Коминтерна в Монголии. В августе 1924 г. Президиум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) принял специальную резолюцию по монгольскому вопросу, смысл которой, в соответствии с итогами V Конгресса Коминтерна, добиться укрепления «левого» руководства, распространить идеи «большевизации» на МНП, как на партию, сочувствующую Коминтерну. В Улан-Батор был направлен официальный уполномоченный ИККИ Турар Рыскулов с ответственной миссией содействовать сближению МНП, РСМ с Коминтерном, оказать возможную помощь монгольскому руководству в проведении демократических реформ, способствовать вместе с советским полпредством расширению связей Монголии с Советским Союзом.

Сложная внутренняя и внешняя обстановка наложила свой отпечаток на работу Великого хурала, характер выступлений, дебатов, на принятие решений. Главным, однако, было осознание депутатами своей ответственности перед народом, государством — это был первый хурал такого рода. I Великий народный хурал заседал с 8 по 28 ноября 1924 г. В его работе приняли участие 77 депутатов со всех регионов страны, в том числе 71 арат, 6 тайджи (дворян), беспартийных — 13, остальные — члены МНП и РСМ. Среди депутатов — 9 лам (ламы — партийцы из аратов).

Неграмотных — 7, остальные в той или иной мере грамотны (по-монгольски, по-русски или знавшие другой язык)⁵. Состав депутатов в целом отражал структуру монгольского общества. Но характеризовался он прежде всего тем, что абсолютное большинство депутатов — араты и члены МНП и МРСМ. Хурал наглядно демонстрировал, в чьих руках власть и судьба страны.

Хурал открылся в торжественной обстановке, депутаты пребывали в приподнятом настроении, в ожидании важных выступлений и решений. Большую приветственную речь произнес премьер-министр Б. Цэрэндорж, обрисовавший положение страны и задачи, стоящие перед Великим хуралом. Депутаты избрали председателем своего форума Н. Жадамбу (заместитель председателя ЦК МНП), его заместителем дюрбетского депутата (Западная Монголия) О. Бадраха, секретарями — Г. Гэлэгсэнгэ и Дугаржанцана. Был избран почетный президиум: М.И. Калинин, Г.В. Чичерин, А.Н. Васильев, М.Н. Ербанов, Т. Рыскулов, Ц. Дамбадорж. После многочисленных приветствий от различных организаций и иностранных делегаций Хурал приступил к работе по повестке дня. Она включала целый ряд вопросов государственного значения: отчет правительства, доклады министерств и ведомств и самый главный вопрос — принятие первой монгольской конституции.

Хурал проходил в живой, непринужденной, деловой обстановке. Араты (т.е. большинство депутатов) быстро освоились в новой обстановке, поняли, что именно они призваны решать все эти сложные проблемы, и по каждому докладу сыпалось множество замечаний, вопросов, предложений. Как писал в информации в Москву Т. Рыскулов, произошел «переворот в умонастроениях за 20 дней работы. Люди почувствовали свои возможности...»⁶.

П. Гэндэн оказался одним из самых активных и инициативных депутатов. Его голос был слышан на каждом из 15 заседаний Хурала. Он выступал свыше 20 раз с замечаниями и предложениями почти по каждому обсуждаемому вопросу, участвовал

в работе одной из комиссий. Это не была показная активность. Таков был его характер — не быть пассивным наблюдателем, иметь свое мнение о рассматриваемых вопросах и высказывать его, влиять на события, на принятие решений. Это было присуще и многим другим депутатам, и все же Гэндэн в чем-то выделялся, был более заметен...

И вот главный вопрос — принятие конституции. Премьер Б. Цэрэндорж выступает с докладом от имени комиссии по разработке проекта Основного закона и зачитывает его. Затем начинается постатейное обсуждение проекта. И снова — замечания, предложения, глубокая заинтересованность.

Конституция закрепила республиканский строй и фактическую независимость страны. Статья 1 гласила: «Отныне вся Монголия объявляется полноправной Народной Республикой, в которой высшая государственная власть принадлежит трудящемуся народу...». Конституция, в числе прочего, явилась своего рода ответом на советско-китайское Соглашение от 31 мая 1924 г.: вопреки этому Соглашению Монголия считает себя — вне Китая, будучи полноправным государством. Примечательно, что в Основном законе содержалось следующее положение: «... будет дан решительный во всех случаях отпор всем, кто будет покушаться на независимость Монгольской Народной Республики».

Первая Монгольская Конституция по многим признакам была конституцией демократического типа (с некоторыми ограничениями, продиктованными временем). «Основная задача Монгольской Республики заключается в уничтожении с корнем остатков старого деспотического порядка и мировоззрений, существовавших при поработителях и угнетателях, и в укреплении основ нового республиканского строя на основе полной демократизации государственного управления». Гражданам Монголии гарантировалась «свобода устраивать праздники, собрания, митинги, шествия, увеселения, церемонии и обряды». Им предоставлялась «полная свобода в отношении религиозного верования» и в связи с этим религия отделялась от государства. Ставилась

задача организации «полного, всестороннего и бесплатного образования». Конституция декларировала предоставление равных прав всем гражданам, независимо от их национальности, религии и пола. Вместе с тем устанавливалось активное и пассивное избирательное право. Лишались избирательных прав бывшие ваны, гуны*, хутухты**, хубилганы*** и ламы, постоянно проживающие в монастырях, а также лица, живущие за счет чужого труда.

Власть в центре и на местах принадлежала хуралам (Великому, Малому, местным). «Верховная власть в Монгольской Народной Республике принадлежит Великому народному хуралу; в период между сессиями Великого хурала — Малому хуралу, а в период между сессиями последнего — совместно президиуму его и правительству».

Отметим важную особенность монгольской конституции: ее определенную антикапиталистическую направленность. Тесные связи с Советским Союзом, с Коминтерном, намечавшиеся перспективы развития по некапиталистическому пути отразились в конституции довольно явственно. Приведем некоторые положения: «Вся земля и ее недра, леса, воды и их богатства... являются общенародным достоянием... Частная собственность на них не допускается». «Сосредоточить в руках государства руководство народным хозяйством и экономической политикой... Ввести государственную монополию внешней торговли...»; «Ввиду того, что трудящиеся всего мира стремятся к уничтожению в корне капитализма и к достижению социализма и коммунизма, Народная Республика трудящихся должна проводить внешнюю политику в соответствии с интересами и основными задачами угнетенных малых народов и революционных трудящихся всего мира»⁷.

26 ноября I Великий народный хурал утвердил Конституцию Монгольской Народной Республики. 27 ноября

* Ваны, гуны — князья разных степеней.

** Хутухта — высший буддийский духовный сан.

*** Хубилган — духовное лицо, «перерожденец».

в соответствии с конституцией Великий хурал избрал Малый хурал в составе 30 человек. 29 ноября Малый Хурал на своем первом заседании избрал президиум: Гэндэн (председатель), Ламжав (секретарь), Цэрэндорж, Дамбадорж, Дангаа. Тогда же было образовано правительство Монгольской Народной Республики. Приводим его первый состав: премьер-министр Цэрэндорж, вице-премьер Амар, председатель Военного Совета Элбэгдорж, председатель Экономического совета Амгаа, главком Чойбалсан, председатель Государственной контрольной комиссии Бурнээбаатар, министр внутренних дел Наваан-Нэрин, министр иностранных дел Гиваабалжир, военный министр Магсаржав, министр финансов Бадрах, министр промышленности Амар, министр юстиции Найдансурэн, министр просвещения Батхаан⁸.

Итак, первым председателем президиума Малого хурала МНР стал П. Гэндэн, до 1924 г. мало кому известный простой арат. Ведущие лидеры республики Цэрэндорж, Дамбадорж, Жадамба были едины во мнении — избрать на эту высокую должность арата, хорошо знающего жизнь, преданного своему народу и стране. Самой подходящей кандидатура, как показал Великий хурал, стал П. Гэндэн. Почему все-таки выбор пал именно на Гэндэна? Он ведь был тогда малограмотный, практически не имел никакого опыта государственной работы, не знал особенностей городской жизни и только на Хурале поближе познакомился с главными руководителями... Но зато он великолепно знал худон и его людей, понимал, что требуется населению. Привлекал и его характер — энергичный, активный, независимый, самобытный, с явными признаками лидера, организатора. Но самое главное — такова была эпоха, таков был дух времени, в Монголии, как и в Советском Союзе, на авансцену политической жизни выходили деятели из простого народа⁹. При выдвижении Гэндэна, несомненно, положительную роль сыграла позиция уполномоченного Коминтерна Т. Рыскулова. Информировав Москву он писал: «Председателем Малого хурала

избран Гэндэн — простой арат, но обещающий многое, произнес целую программную речь, отметивший, что свободу монголы завоевали благодаря помощи Советской России и поэтому нужно быть всегда в тесном союзе с Советской Россией»¹⁰.

Нам неизвестно, как вначале отнесся сам Гэндэн к предложению о своем выдвижении. Можно только строить предположения, учитывая общую обстановку на Хурале и в стране и, конечно, характер и настроение самого Гэндэна. Думается, что такое выдвижение было для него неожиданностью, и первая реакция — смущение и сомнения. Едва ли он предполагал, приехав на Хурал, что и дальше останется в столице, да еще таким большим начальником. Но ему были присущи уверенность в себе, в своих силах и наблюдательность, он убеждался, что вокруг свои люди, которые верят ему, надеются на него. Были, правда, и такие, которые аудивлялись его быстрому выдвижению и возражали против этого, но таких было немного. Доверие руководства, большинства депутатов, советских представителей явно перевешивало. И он почувствовал прилив сил, гордость за то, что ему, рядовому арату, выпала столь высокая честь и такая ответственная должность.

А должность формально была высокая и ответственная. Обратимся к соответствующим статьям конституции. Высший орган государственной власти — Великий народный хурал избирался сроком на один год и, следовательно, собирался раз в год. Он избирал Малый хурал, сессии которого созывались дважды в год. Малый хурал избирал президиум (5 человек) во главе с председателем. Президиум Малого хурала работал на постоянной основе и вел все текущие дела по подготовке законов, контролю за проведением в жизнь принятых постановлений, руководству правительством, назначению и устранению отдельных министров. Полномочия весьма обширные. Председатель Президиума Малого хурала, если строго следовать букве закона, — глава государства. Но здесь надо учитывать особенности, фактическую сторону деятельности властных структур новой Монголии.

В МНР, как и в Советском Союзе, государством реально руководила партия, единственная в стране. Монгольская народно-революционная партия (МНРП)*, ее ЦК, президиум ЦК имели решающее слово при определении и реализации главных вопросов социально-экономического развития и государственного строительства. Высший исполнительный орган — правительство проводило конкретное управление страной в соответствии с партийными решениями. Так что позиции президиума Малого хурала, по конституции весьма сильные, надо оценивать с учетом указанных особенностей. Первыми лицами в МНР по своей роли и месту во властных структурах в 1924–1927 гг. были председатель ЦК МНРП Ц. Дамбадорж, его заместитель Н. Жадамба, премьер-министр Б. Цэрэндорж. П. Гэндэну отводилась почетная роль номинального, официального главы государства, роль скорее представительская, чем решающая.

Нам думается, что П. Гэндэна в первое время такое положение вполне устраивало. Человек умный, рассудительный, он понимал, что ему остро не хватает грамотности, знаний, опыта. И он решил: для него сейчас главное — учиться, набираться опыта, чтобы поскорее соответствовать своему новому положению. Он чутко прислушивался к тому, что и как говорят глава правительства Цэрэндорж, его министры и особенно партийные руководители — молодые, образованные деятели Дамбадорж, Жадамба и другие.

Деятельность на высоком государственном посту

Глава государства первое время не имел своего жилья и поселился у председателя Книжной палаты (Ученого комитета) О. Жамьяна. Свою просьбу о «месте жительства» он высказал без умысла: Жамьян был одним из самых образованных людей и опытным педагогом. Он преподавал Гэндэну монгольскую

* С 1925 г. партия стала называться Монгольская народно-революционная.

письменность, литературу, историю, право и другие науки. Рядом жил другой известный просветитель и общественный деятель, родом из Бурятии, Ц. Жамцарано. У него Гэндэн учился русскому языку, черпал знания в области всеобщей истории, международных отношений, политики и т.д. Учителя были отменные, а «ученик» — прилежным, старательным, чутким к новому, и учеба шла успешно. П. Гэндэн быстро менялся, через год-другой он уже мало походил на прежнего арата, занятия и повседневная работа в верхах делали свое дело — он становился государственным деятелем, имеющим свое представление и позицию по решаемым проблемам.

А проблем было великое множество — политических, социально-экономических, культурных. Они постепенно решались — по инициативе и под руководством ЦК МНРП, правительства. Но, разумеется, не был в стороне и президиум Малого хурала, прежде всего — его председатель П. Гэндэн. Он все глубже вникал в государственные дела и вносил свою лепту в реализацию очередных задач. Назовем лишь некоторые преобразования тех лет. Продолжалось формирование и укрепление местных демократических органов власти, улучшались вся система и взаимодействие органов государственного управления в центре и на местах. Была проведена судебная реформа (1925 г.), в результате которой складывалась единая демократическая судебная система. Был принят закон об отделении церкви от государства (1926 г.), регламентировавший отношения между церковью и государственными органами, лишивший церковь прежних возможностей вмешиваться в государственные и гражданские дела. Вместе с тем, в законе отмечалось, что правительство «уважая религию Шакья-муни, гарантирует законом почитание религии, ее распространение и свободу религиозных проповедей»¹¹.

В 1925 г. упразднено Шабинское (духовное) ведомство, являвшееся государством в государстве, в стране утвердилась единая система административного устройства. В 1924 г. открылся торгово-промышленный банк, а в 1925 г. началась денежная

реформа, в итоге которой национальная денежная единица — тугрик — стал единственным полноправным платежным средством в стране. В 1926 г. принят закон о едином скотоводческом налоге, основанный на принципах прогрессивного обложения по количеству скота, отвечавший интересам бедняцких и средняцких слоев аратства. Строились мелкие промышленные предприятия (по обработке животноводческого сырья, кирпичный, лесопильный заводы и др.). Усиливались позиции национальной торговли (Монценкооп), которая в сотрудничестве с советскими торговыми организациями все успешнее конкурировала с иностранными торговыми фирмами. Важные изменения происходили в сфере культуры — увеличивалось число школ, медицинских учреждений, налаживалось книгоиздательское дело, повышалась роль Ученого комитета.

Вся эта многогранная работа, в которой деятельно участвовал П. Гэндэн, шла отнюдь не гладко, трудно, имелись и недочеты, упущения из-за недостатка кадров, опыта, но и первые весомые достижения были налицо. А достижения соответствовали общему курсу на демократизацию страны, модернизацию всех сфер общественной жизни, улучшение жизни народных масс. Много времени и сил у П. Гэндэна отнимали подготовка и проведение очередных сессий Великого и Малого хуралов. В ноябре 1925 г. состоялся II Великий народный хурал, в октябре 1926 г. — III Великий народный хурал, в октябре—ноябре 1927 г. — IV Великий народный хурал. В установленные сроки созывались также сессии Малого хурала. На сессиях Великого и Малого хуралов обсуждались очередные отчеты правительства и министерств о текущей работе, рассматривались и утверждались соответствующие законоположения. П. Гэндэн как председатель президиума Малого хурала внес большой вклад в успешную работу монгольского парламента (Великого и Малого хуралов). В то же время парламент послужил для него хорошей школой, где он рос и мужал как государственный деятель, где раскрывались его незаурядные способности организатора и руководителя.

Инициативная, плодотворная работа Гэндэна была очевидной и заметной, его позиции в высших эшелонах власти укреплялись. На IV съезде МНРП (сентябрь 1925 г.) он был избран членом президиума ЦК и до 1936 г. оставался одним из высших руководителей партии. По поручению ЦК Гэндэн стал одним из основателей монгольских профсоюзов, в 1926 г. по совместительству работал председателем центрального бюро профсоюзов, в 1927 г. руководил работой I съезда монгольских профсоюзов, на котором выступил с основным докладом. Выдвиженец I Великого народного хурала оправдал доверие руководителей страны и депутатов, он становился видным общественным и государственным деятелем, с ним все больше считались, внимательно прислушивались к его мнению, росли его влияние и авторитет.

П. Гэндэн начинает вникать и в международные проблемы. Его дружественное отношение к Советскому Союзу, к советским специалистам и консультантам, работавшим в Монголии, тогда не вызывало сомнений. В 1926 г. он впервые побывал в Москве во главе многочисленной парламентской делегации. Большую часть делегации составляли араты и понятно, что на них, как и на самого Гэндэна, столица великой страны произвела сильное впечатление. Гэндэна и делегатов знакомили с работой ЦИК СССР, других государственных органов, с достопримечательностями Москвы, ее крупными предприятиями, культурной жизнью столицы. Делегации был оказан теплый прием, состоялись переговоры с наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным и другими советскими руководителями о дальнейшем расширении сотрудничества, в том числе по парламентской линии.

Но характерно при этом и другое. Много полезного извлек Гэндэн из поездки в Москву, однако у него возникли и замечания. В беседе с советским полпредом П.М. Никифоровым о результатах визита (май 1926 г.) он, в частности, отметил: «...не удалось все обговорить с ответственными работниками. Плохо работает полпред Баянчулган, занимается международ-

ными вопросами, а не отношениями с СССР. Его надо заменить худонцем». Но при этом основной вывод Гэндэна от встреч в Москве был таков: «Я убедился в главном — СССР искренне хочет помочь Монголии. А наши чиновники мешают...»¹². В этих высказываниях — и отношение Гэндэна к СССР, и мнение о «своих чиновниках», и истоки возникавшей «худонской» оппозиции партийному руководству.

Не прост теперь был П. Гэндэн, совсем не прост, строг, критичен к себе и другим, думал о будущем...

¹ Один из биографов Гэндэна — Т. Лхагваа считает, что мать звали Балжид, а Пэлжид — ее старший брат (Т. Лхагваа. Сталиныг алгасан хун, УБ., 1991, с. 6). Мы придерживаемся официальной версии, подтверждаемой в книге дочери Гэндэна — Цэрэндулам: имя матери Гэндэна — Пэлжид (Г. Цэрэндулам. П. Гэндэн. Эцгийн тухай дурьтгал. УБ., 2000, с. 5).

² Интересно, что другой лама-астролог предсказывал, что Гэндэн станет известным человеком, а вот сын хошунного князя превратится в нищего (Г. Цэрэндулам. Указ. соч., с. 7). Вот это предсказание оказалось пророческим.

³ Г. Цэрэндулам. Указ. соч., с. 7.

⁴ Монгол Ардын Намын гуравдугаар их хурал. Дэлгэрэнгүй тэмдэглэл. УБ., 1966, с. 45.

⁵ Бугд Найралдах Монгол Ард улсын анхдугаар их хурал. Дэлгэрэнгүй тайлан. УБ., 1984, с. 114.

⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 24, л. 147.

⁷ Революционные мероприятия народного правительства Монголии. Документы. М., 1960, с. 191–200.

⁸ БНМАУ-ын анхдугаар их хурал, с. 308.

⁹ Напомним, что в СССР председателем ЦИК — высшего органа государственной власти между Всесоюзными съездами Советов — являлся М.И. Калинин, бывший крестьянин, затем рабочий.

¹⁰ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 21, л. 148.

¹¹ Цит. по: Очерки истории МНРП. М., 1971, с. 110.

¹² РНАСПИ, ф. 144, оп. 1, д. 7, л. 49.

Глава вторая

Секретарь ЦК МНРП (1928–1932)

Формирование «левой», «худонской» оппозиции.

П. Гэндэн — один из ее лидеров

Первые проявления «худонской» оппозиции относятся к 1926 г. Что касается 1925 г., то руководство страны демонстрировало единство и взаимопонимание. Данзан и его сторонники (правые) устранены, левое направление победило, отношения между МНРП и МРСМ урегулированы, мартовский пленум ЦК МНРП 1925 г., а затем IV съезд партии приняли временную программу, ориентированную на дальнейшее укрепление связей с Коминтерном. Ведущими партийными лидерами были Ц. Дамбадорж, Н. Жадамба, а также Х. Чойбалсан, Г. Гэлэгсэнтэ и др. Но и они, и представители ИККИ воздавали должное старым государственным деятелям, руководителям правительства Б. Цэрэндоржу, А. Амару и другим, ценили их опыт и знания.

Возникший в конце 1924 — начале 1925 г. конфликт между уполномоченным ИККИ Т. Рыскуловым и председателем Военного совета Э. Ринчино завершился отъездом в Москву обоих деятелей. ИККИ утвердил новым уполномоченным М.И. Амагаева, хорошо известного в Монголии бурятского партийного деятеля, который принял активное участие в работе IV съезда МНРП (сентябрь—октябрь 1925 г.). Понятно, что в 1925 г. никаких причин для появления «худонской оппозиции» не было. П. Гэндэн, О. Бадрах, В. Дорлигжав и другие худонские выдвиженцы, хотя и занимали высокие посты, но усердно учились, набирались опыта и считали своим долгом поддерживать партийную линию и участвовать в ее реализации. Дамбадорж, Жадамба, Цэрэндорж, Амар и другие ведущие партийные и государственные деятели оставались для них примером, они ориентировались на их действия, на их подходы к решению тех или иных вопросов.

Но жизнь шла, обстановка постепенно менялась, менялись и люди, их взаимоотношения. Важнейшим политическим событием 1925 г. стал IV съезд МНРП, на котором были рассмотрены итоги бурного 1924 г., и те перемены, которые происходили в 1925 г. Нам важно отметить, что на съезде, наряду с другими проблемами, особо подчеркивалась роль аратства в жизни страны, его представителей в государственных структурах. Председатель ЦК Ц. Дамбадорж говорил, что решения III съезда в 1924 г. проведены усилиями худонских делегатов, что партия ориентируется на средняцкие и бедняцкие массы. Уполномоченный ИККИ М.И. Амагаев отмечал, что необходима тесная смычка с аратскими массами, перенесение центра тяжести партийной работы в худон. В резолюции съезда указывалось, что коренной задачей партии является укрепление работы среди аратов, опора на их бедняцкие и средняцкие слои.¹

Выступления руководителей партии, представителя ИККИ, решения съезда, несомненно сыграли свою роль в умонастроениях худонских выдвиженцев, прямых посланцев аратов в органах власти. Их позиции усиливались, роль их становилась все более заметной. 1925 г. — это время, когда росло их общение, взаимопонимание, сближение точек зрения по решаемым вопросам. Среди аратских представителей выделялись П. Гэндэн, О. Бадрах, В. Дорлигжав, Л. Лааган и некоторые другие. Гэндэн, напомним, был председателем президиума Малого хурала, Бадрах — министром финансов, Дорлигжав — министром иностранных дел, Лааган — одним из руководителей Кобдоского аймака. Нельзя сказать, что уже в 1925 г. это была единая команда, некая сплоченная группа. Гэндэна и Бадраха разделяло уже то, что первый был халхасцем, а второй дюрбетом, Дорлигжав — из Селенгинского аймака, а Лааган — из Кобдоского. И по возрасту не все совпадало: Лааган — с 1887 г., Дорлигжав — с 1893 г., и только Гэндэн и Бадрах — ровесники — с 1895 г. Эти, казалось бы, несущественные отличия в определенных условиях свою роль играли. Но важно то, что все

они чувствовали себя художественными выдвигенцами, подлинными представителями бедняцких и середняцких слоев аратства, на которых, как указывалось на IV съезде, опиралась партия. Это сближало их, побуждало действовать сообща.

И все же это было не главное. Главное заключалось в том, что в 1926 г. в Монголии начали возникать события, которые в Коминтерне квалифицировались как признаки «правого уклона», ухода от той линии, которую наметили III и IV съезды МНРП. С устранением Данзана и его сторонников «правые» в Монголии не исчезли. Оставались и активно работали «старые правые» — глава правительства Б. Цэрэндорж, его заместитель А. Амар, один из ведущих идеологов Ц. Жамцарано и другие. Они выступали за «мягкие» реформы, за осторожное отношение к ламству, за укрепление самостоятельности. Как и все руководство, они понимали всю важность приоритетов сотрудничества с Советским Союзом, но считали целесообразным расширение международных связей. Надо сказать, что «левые» руководители МНРП все более сочувственно воспринимали настроения и идеи «правых». К этому их побуждала реальная обстановка в Монголии, отвергавшая «резкие движения» в отношении старого уклада жизни, в отношении ламства и т.д. Сказывались также недостатки в практическом осуществлении советско-монгольских отношений. Официально Советское правительство проводило политику всемерного развития связей с Монголией на принципах взаимопомощи, содействия укреплению монгольской государственности, экономики страны. Но эта линия не всегда соблюдалась хозяйственными организациями, в которых нередко перевешивали ведомственные интересы. Отсюда возникали проблемы с ценообразованием, организацией экспортно-импортных операций, работы новых предприятий и т.д. Немало нареканий вызывало недружественное, «командное» поведение некоторых советских специалистов и инструкторов, которые зачастую превышали свои полномочия, не помогали, а подменяли монгольских работников. Кстати, этим «качеством» страдали и

отдельные коминтерновские представители, в то время оказывавшие большое влияние на политическую жизнь Монголии. Нельзя не учитывать и общую международную обстановку, известную стабилизацию капиталистической системы хозяйства, а отсюда и растущий интерес к опыту западных стран.

С учетом всего этого становится понятным начавшееся сближение партийного руководства со «старыми правыми». В 1926 г. широкую популярность приобрел лозунг «обогащайтесь», выдвинутый, надо полагать, с согласия партийных лидеров. В Советском Союзе этот призыв (автор Н.И. Бухарин) был осужден как проявление «правого уклона». Пришлось свернуть дискуссию вокруг него и в Монголии, хотя — это теперь ясно — претворение в жизнь этого лозунга дало бы экономический и политический выигрыш, способствовало бы экономическому росту и улучшению жизни народа. Для коминтерновских работников слишком мягкими представлялись меры в отношении бывших феодалов и церкви. Они критически воспринимали высказывания Ц. Жамцарано о религии, который считал, что буддизм не противоречит партийной идеологии, и призывал «развивать религию в ее чистоте». Объектом критики оставались панмонгольские настроения. В Москве считали, что они осложняют отношения с Китаем, не способствуют развитию китайской революции.

Руководство фактически независимой Монголии стремилось укреплять свои суверенные права и самостоятельность, остро воспринимало разного рода рекомендации и проявления неравноправия. Показательны в этом отношении высказывания Ц. Дамбадоржа после поездки в Москву в 1926 г.: «...Москва имеет сумбурное представление о нашей стране... Нас мало знают, о нас плохо информируют. Когда говорят о нас только одну неправду, только плохое, то у нас получается очень неважный осадок от Москвы...»².

Вот на этом фоне и появляется так называемая «худонская», «левая» оппозиция. При обсуждении отдельных проблем

стали замечаться первые расхождения, а затем и явные разногласия между партийными лидерами и представителями с мест. Нельзя сказать, что худонцы выступали против по всем вопросам. Нет, конечно. Точек соприкосновения было немало, да и авторитет партийных «вождей» был слишком высок. Гэндэну, Бадраху и их окружению, как и «правым», импонировал лозунг «обогащайтесь» (он ведь весьма полезен аратам), худонцы, как и «правые», не стремились слишком притеснять ламство (уж кто-кто, а они-то знали силу церкви на местах). Были и другие важные вопросы, по которым согласие достигалось быстро. Но что настораживало худонцев, так это возникавшие трения с советскими организациями, специалистами, крен в сторону развития отношений с Западом. Особенно их раздражали методы работы чиновничьего аппарата, в котором преобладали прежние кадры, оставшиеся от старых времен. Вспомним высказывания Гэндэна, что монгольский посол в Москве занимается «международными делами», а не советско-монгольскими отношениями, что «чиновники мешают...».

Но самое важное — худонские выдвиженцы в 1926–1928 гг. были уже не те малограмотные новички, какими они выглядели в 1924 г. Они все больше набирались опыта, знаний, все лучше ориентировались в политических хитросплетениях. П. Гэндэна, человека властного, «хозяина», уже не удовлетворяла роль «свадебного генерала», почетного представителя власти в президиуме различных совещаний и собраний. Формально он — глава государства, а фактически — на вторых и третьих ролях, исполнитель решений партийного руководства, да и председатель правительства имел несравнимо больший вес. Неудовлетворенность испытывал и другой лидер худонцев О. Бадрах, человек образованный, способный, с задатками хорошего организатора, пропагандиста, оратора. К финансам, которыми он ведал с 1924 г., имел весьма слабое отношение. В 1926 г. стал заведующим орготделом ЦК МНРП, власти появилось побольше, но не настолько, чтобы весомо влиять на принимаемые решения.

У худонцев складывалось мнение, что их недооценивают, что чиновники не считаются с ними, а чтобы считались — нужна реальная власть, нужны перемены в кадровом составе ведущих органов власти. Вот эти новые настроения худонских выдвиженцев и решили использовать коминтерновские представители. МНРП «правеет», нужен противовес, нужна оппозиция склоняющемуся «вправо» руководству, и эта оппозиция легко проглядывается в местных выдвиженцах, в худонских представителях в органах власти. Такой, как представляется, была логика рассуждений М.И. Амагаева и его помощников. Худонцы — подлинные представители бедняцких и середняцких слоев, и именно они призваны «исправить» положение в МНРП, повернуть ее «влево». Они пока слабы — и организационно, и по уровню подготовки, — но у них большое преимущество: им обеспечена необходимая поддержка коминтерновских работников. Давление, нажим на худонцев со стороны представителей ИККИ стали усиливаться.

Однако, как нам представляется, было бы упрощенчеством преувеличивать роль последних в формировании «худонской» оппозиции. П. Гэндэн, да и другие худонские лидеры, обладали твердым характером и имели собственные взгляды на происходящие события. Амагаев, вероятно, был первым уполномоченным ИККИ, убедившимся в неподатливости Гэндэна. С тем же «препятствием» столкнулся другой представитель ИККИ — В.Н. Кучумов в 1930 г. Да и сам И.В. Сталин испытал силу характера П. Гэндэна в 1934 и 1935 гг. Так что дело не только в давлении и нажиме, а прежде всего в том, что худонские лидеры начали искренне верить, что коминтерновцы правы, что руководство делает все больше и больше ошибок, что надо исправлять положение, а для этого — идти к власти.

По документам видно, что П. Гэндэн пришел к такому выводу уже в 1926 г. В мае этого года, беседуя с полпредом П.М. Никифоровым, он сказал: «Чиновники ведут политику оттирания нас от ответственной работы. Мы к власти не лезем, понимаем, что пока не справимся с управлением государством.

К власти придем года через 3–4...»³. В политотчете полпредства за 1926 г. отмечалось: «Худонская группа Гэндэна держится особо и от правых и от левых групп. Худонцы вскоре придут к власти...» Здесь же приводится новый (как окажется, точный) прогноз Гэндэна: «В 1927 г. мы будем расчищать дорогу, а в 1928 г. мы будем у власти»⁴.

Все же в целом обстановка в стране в 1926 г. была относительно спокойной. Национальные демократы (партийное руководство, постепенно впадавшее в «правый уклон» и «старые правые») действовали пока осторожно, худонцы укрепляли свои ряды. М.И. Амагаев в информации в ИККИ об итогах V съезда МНРП (сентябрь—октябрь 1926 г.) отмечал: «Партсъезд... прошел активно. Общее впечатление самое благоприятное, активность худона растет... По всем основным вопросам съезда была полная договоренность с ним (Дамбадоржем) и с ЦК...»⁵.

Но в 1927 г. внутривластная обстановка заметно обострилась. Размежевание политических сил продолжалось, партийное руководство стремилось контролировать ситуацию, ведя свой курс, а худонцы «расчищали путь», пользуясь поддержкой коминтерновцев. В январе Дальневосточный секретариат ИККИ принял очередную резолюцию по монгольскому вопросу, в которой, в частности, отмечалось наличие в ЦК МНРП «большинства» и «меньшинства» и содержалась критика некоторых аспектов политики МНРП.⁶ В Улан-Баторе отношение к резолюции оказалось неоднозначным. Руководство партии во главе с Дамбадоржем выступило с резкими возражениями, тогда как Гэндэн и его сторонники сочли содержание резолюции правильным. В результате решили направить в Москву партийную делегацию с официальным письмом ЦК МНРП, в котором присутствовал явный намек на то, что в ИККИ недостаточно учитывают монгольские условия, особенности страны. В ИККИ такой демарш был сочтен как еще одно проявление «правой опасности» в МНРП, «ненормальностей» в отношениях между ИККИ и ЦК МНРП. Руководство ИККИ (Н.И. Бухарин и другие) тог-

да воздержалось от резких движений в отношении МНРП, но надо учитывать, что в аппарате Коминтерна, следовавшем курсу ЦК ВКП(б), тон все более задавали сторонники леводогматических, узкоклассовых представлений.

Уполномоченный ИККИ М.И. Амагаев в мае получил от Дальневосточного секретариата ИККИ предписание проводить линию, фактически направленную на всемерную поддержку худонцев и изоляцию и разгром «правых» на предстоящем в сентябре-октябре VI съезде МНРП. Но этот наказ оказался трудновыполнимым. Дело в том, что в 1927 г. произошло дальнейшее сближение партийных руководителей со «старыми правыми». Ц. Дамбадорж и его соратники не приняли отставку Б. Цэрэндоржа с поста премьер-министра, которая была вызвана недружественными акциями в отношении премьера со стороны худонцев. Дамбадорж продемонстрировал солидарность с позицией Цэрэндоржа, суть которой заключалась в укреплении монгольского национального корня (т.е. в обеспечении национального возрождения монгольского народа), устранении разграничений на ургинцев и худонцев, на «старых» и «новых» (т.е. в обеспечении единства партии).

Фактически состоялось объединение всех «правых» сил (национальных демократов) во имя реализации идей национального возрождения и согласия. Противостоять этим объединенным силам худонцам было не по плечу. И все же Амагаев надеялся, что ему удастся, с помощью делегации ИККИ, выполнить установки ДВС и на VI съезде добиться перевеса «левых» худонцев. Но этого не произошло. И не только потому, что национальные демократы были сильнее, опытнее. А прежде всего потому, что глава делегации ИККИ А.В. Шотман прибыл на съезд с новыми установками (к ним, вероятно, приложил руку Н.И. Бухарин) — добиться примирения «правых» и худонцев, обеспечить единство партии. Его речь «правые» приветствовали с энтузиазмом. Худонцев, нацелившихся на победу, она, понятно, разочаровала. Вместе с тем показательно, что открытого недовольства, несогла-

сия со стороны художников не последовало. Во время работы съезда состоялось совместное совещание сторонников Дамбадоржа и Гэндэна, и обе стороны высказались за устранение разногласий, за единство, при этом надо отдать должное Гэндэну, Бадраху и другим лидерам оппозиции. Конечно, свою роль сыграла примиряющая позиция делегации ИККИ, но лидеры художников и сами понимали, что они во многом уступают действующему руководству и еще не готовы взять на себя бремя власти.

А.В. Шотман сообщал в Москву: «Имевшиеся до съезда разногласия были изжиты, что выразилось в принятых единогласно резолюциях и в выборах»⁷. Совсем иначе оценивал итоги съезда М.И. Амагаев: «Правые... вышли победителями, более сильными, чем раньше»⁸. Эти выводы отражали два подхода в ИККИ к событиям в Монголии: подход взвешенный, спокойный, рассчитанный на достижение согласия, и подход квазиклассовый, идеологизированный, нацеленный на искусственное разжигание внутренней борьбы. Руководители страны сохранили свои посты. Амагаев вынужден был покинуть Монголию.

А дальше открывалась альтернатива — либо укрепление достигнутого согласия, либо возврат на стезю вражды. К сожалению, было выбрано второе. Примирение оказалось показным. Дамбадорж и его сторонники решили, что ими одержана решительная победа, что Коминтерн отвернулся от художников и теперь их можно добить. Лидер оппозиции П. Гэндэн вскоре после съезда был освобожден от обязанностей председателя президиума Малого хурала и направлен на работу председателем Госбанка. Другой художник лидер О. Бадрах лишился влиятельного поста заведующего орготделом ЦК МНРП, ему был рекомендован отъезд на работу в Кобдоский аймак. Руководители оппозиции и их сторонники откровенно отодвигались на второстепенные и третьестепенные роли. Более того, началось прямое преследование художников активистов (вплоть до арестов), на них стали заводить «дела».

Развязка наступила в 1928 г.

*VII съезд МНРП.**Победа оппозиции.**П. Гэндэн — секретарь ЦК МНРП*

После VI съезда МНРП состоялся обмен письмами между Ц. Дамбадоржем и заведующим ДВС ИККИ Ф.Ф. Петровым. Дамбадорж понимал, что своим успехом на съезде он обязан прежде всего изм

енениям в тактике ИККИ и вновь подтверждает свою приверженность политике дружбы и сотрудничества с Советским Союзом. Вместе с тем он дает прежние пояснения своей позиции по спорным вопросам, защищает особенности политики монгольского правительства, которые вызывали возражения со стороны ИККИ. Он считает правильной свою наступательную линию в отношении «худонской» оппозиции. «История с Бадрахом (т.е. снятие его), — говорилось в письме, — пусть будет предупреждением. Если они не прекратят своей закулисной работы, я больше не буду так терпеливо относиться, как раньше. Ведь нет у них платформы, одни личные мотивы»⁹.

В ответном письме Ф.Ф. Петров делает акцент на то, что руководство МНРП фактически недооценивает правую опасность. «Сущность правого уклона, — пояснялось в письме, — сводится к стремлению приостановить дальнейшее развитие революции, закрепить привилегированное положение бюрократии, предоставить реакционным хозяйствующим чиновникам широкий простор для их бесконтрольного обогащения за счет трудящихся масс...» Что касается «худонской» оппозиции, то в письме отмечалось: «Мы считаем необходимым самое решительное и неуклонное выдвижение худонцев на руководящие посты в партии и госаппарате... Отвод из Президиума ЦК Бадраха, снятие с работы и предание суду ЦКК Гэндэна было неправильно, т.к. эти действия были выражением политической борьбы со стороны правых против представителей худонских масс. И ваша ошибка состояла в том, что Вы не воспротивились этому

разгрому худонцев...»¹⁰.

Документ свидетельствовал о возвращении ИККИ к прежним, досъездовским жестким позициям. К этому подталкивала недалёковидная линия монгольского руководства, но главная причина — общая ситуация в ВКП(б) и ИККИ, обострение борьбы с правым уклоном. Нетрудно представить, что руководство МНР встретило письмо Петрова весьма прохладно. Начинался новый виток противостояния и расхождений, характеризующийся ужесточением политики Москвы в отношении Монголии. В записке нового руководителя Восточного секретариата ИККИ П.А. Мифа Н.И. Бухарину от 6 апреля 1928 г., в частности, говорилось: «Положение в Монголии остается весьма напряженным. Подтверждается правая ориентация монгольского руководства. Намеченный еще ранее правый курс... направлен на полную изоляцию нашего влияния на Монголию...» Имеются «все основания считать, что монголы заняли враждебную нам позицию и не рвут с нами только из-за своей неподготовленности...»¹¹

Лидеры МНРП возлагали большие надежды на пленум ЦК и объединенный пленум ЦК и ЦКК партии (апрель 1928 г.). Цель состояла в том, чтобы укрепить ряды руководства, показать, что и теперь, после кончины премьера Б. Цэрэндоржа (13 февраля), оно верно прежней политике. И главное — добиться полного «разоблачения» худонцев, их окончательного поражения. Последовательность политики руководства Ц. Дамбадорж стремился подтвердить принятием новой программы партии. Но программу не удалось принять из-за противодействия уполномоченного ИККИ И.Л. Райтера. Также благодаря ему не были «добиты» худонцы. Гэндэн и Бадрах были в трудном положении, они хотели беспрепятственного рассмотрения в ЦКК предъявленных им обвинений. Райтер всячески доказывал, что главная опасность — «правая», а не «дело» Гэндэна-Бадраха. В общем, был достигнут компромисс, разгром левых не последовал, стороны остались на своих позициях, хотя, конечно, возможности оппозиции в первой половине 1928 г. слабели, все ее надежды

были связаны с поддержкой представителей Коминтерна.

Многое прояснилось в мае-июне, когда в Москву прибыли от ЦК МНРП Ц. Дамбадорж и Б. Дугаржав, а также один из лидеров оппозиции О. Бадрах (приехавший «на лечение») и уполномоченный ИККИ И.Л. Райтер. Доклады Дамбадоржа и Бадраха в ИККИ разительно отличались: Дамбадорж — у нас нет никаких политических уклонов, есть отдельные ошибки, Бадрах — в партии налицо правая опасность, официальный курс не реализуется, ослабляются связи с СССР.

В ходе переговоров и консультаций в Москве вновь обозначились два подхода к «монгольскому вопросу» — умеренный и леводогматический, силовой. Был составлен пространный проект резолюции из 52 пунктов, но из-за разногласий в ИККИ и возражений Дамбадоржа он не был принят. Ситуация рассматривалась в ЦК ВКП(б). Судя по дальнейшим событиям, в ЦК склонялись ко второму подходу, но не полностью, осторожно. Разрыв, как таковой, был отвергнут, и вместе с тем была предложена линия на «заострение», на усиление борьбы с «правыми». В результате в ИККИ 14 сентября была утверждена новая, радикальная резолюция из 4 пунктов, смысл которой можно сформулировать так: если правое руководство безраздельно останется у власти, ухудшение отношений МНРП с Коминтерном неизбежно со всеми вытекающими последствиями. Документ предусматривал необходимость пересмотра прежних форм связей, отзыв постоянного представителя Коминтерна при ЦК МНРП. Одновременно была принята инструкция о задачах делегации ИККИ на предстоящем VII съезде МНРП. Важно отметить в ней три момента: делегация обязывалась свои действия согласовывать с ИККИ, руководствуясь его резолюцией; полный переход власти в руки левых не предусматривался, допускался блок с «националистами»; в любом случае не ставить под удар межгосударственные отношения¹².

Следовательно, предполагалась активная поддержка «худонской» оппозиции, не исключавшая, однако, контактов с

действующим руководством, блока с отдельными его представителями. В ИККИ все же проявляли известную осторожность, многие отдавали отчет в том, что правые в Монголии объективно сильнее, опытнее, что худонцы слабы, плохо организованы, пока еще мало компетентны.

Но было бы неверно считать, что худонцы бездействовали, они явно готовились к борьбе, при этом всячески использовали поддержку Москвы. В июне в ИККИ было получено письмо от Л. Лаагана, одного из активных участников оппозиции, председателя Кобдоской аймачной партийной контрольной комиссии. В письме содержались жалобы на центральное руководство и просьбы о содействии: «Группа руководящих товарищей терроризирует отдельных членов партии, учиняет допросы и т.п.... Некоторые из руководства защищают феодальные элементы, другие заняты личным обогащением, третьи — стремятся к единоличной власти. Просим указаний и советов»¹³. 9 июля О. Бадрах (он все еще в Москве) пишет П.А. Мифу: «Есть все основания считать раскрытыми предательские взгляды и подлинное изменническое лицо Дамбадоржа и других. Надо действовать. Я тороплюсь с возвращением, не дожидаясь улучшения здоровья...» Он просит сообщить, «какую работу Коминтерн предполагает у нас провести» и выражает готовность «идти безбоязненно под Вашим руководством и указаниями...»¹⁴

Между тем, обстановка в Монголии становилась все напряженнее и запутаннее. Руководство продолжало прежнюю политику давления на «противников», «дело» Гэндэна-Бадраха не прекращалось, искусственно раздувается так называемый «сепаратизм» Бадраха, Лаагана, продолжались аресты «неблагонадежных», в том числе преподавателей и слушателей Партийной школы. Худонцы отбивались как могли, но понятно, что многие были растеряны, дезорганизованы. Свою роль играло и то, что ведущие лидеры оппозиции Гэндэн и Бадрах летом 1928 г. отсутствовали в Улан-Баторе. Бадрах долго не возвращался из Москвы, где он «лечился», но главным образом вел политичес-

кие консультации с сотрудниками ИККИ, чтобы лучше подготовиться к VII съезду. Гэндэн находился в Монголии, но с ним приключилась беда — он попал в серьезную автокатастрофу. Его дочь Г. Цэрэндулам подробно описывает, как это произошло (ей было тогда всего 1 год и, очевидно, она рассказывает со слов матери): в начале 1928 г. мои родители и я ехали из Улан-Батора в Арвай-хээр (ныне центр Убур-хангайского аймака) на машине «бьюик». Русский шофер, мы трое, родственник Дэнзэн, местный лама. Проезжая по льду Онгийн-гол (20 км от Арвай-хээр) наша машина перевернулась. Родственника выбросило из окна машины. Остальных прижало машиной и грузом. Родственник не пострадал. Он вытащил остальных из-под машины. У отца ногу сильно придавило, произошел перелом. Мать вытащили из-под груза. Шофер повредил ребро, не мог дышать. Я в своей люльке уцелела. Лама пострадал очень, он умер. Прискакали араты из ближних айлов, перевезли нас в аймачный центр, там нас лечили русские врачи и ламы. Ногу отца лечил костоправ Б. Намдаг. Я болела, но обошлось. Русский шофер поправился, мать — тоже. Из аймака через какое-то время нас переправили в Улан-Батор. Отец тогда был председателем Монголбанка. Русские специалисты и сотрудники полпредства помогли лекарствами, лечением. Но в общем в Улан-Баторе советские врачи лечили отца долго. Медицина была тогда на низком уровне, отец остался хромым¹⁵.

Как бы то ни было, в сентябре, к приезду делегации ИККИ, подлечившийся Бадрах и похрамывающий Гэндэн были на месте, в Улан-Баторе, среди своих сторонников.

Дамбадорж и его окружение тоже ждали приезда делегации. Они осознавали нависшую опасность, но не предполагали ее истинных размеров и, скорее всего, зная свои возможности и относительную слабость оппозиции, надеялись сохранить статус-кво. Но этого не произошло. Простое соотношение сил было не в пользу руководства (делегатов-худонцев, сторонников оппозиции было больше). Но главное состояло не в этом. Главным было следующее: позиция делегации ИККИ

(явная поддержка левых), отсутствие единства среди руководства («сплоченность» Дамбадоржа, Жадамбы, Амара не выдержала испытаний), неожиданная для руководства активность руководителей оппозиции.

VII съезд МНРП продолжался беспрецедентно долго — с 23 октября до 10 декабря 1928 г. (борьба оказалась на редкость жесткой, изнурительной). Делегация ИККИ во главе с членом президиума ИККИ, членом ЦК Компартии Чехословакии Б. Шмералем прибыла в Улан-Батор 24 сентября и находилась в Монголии в общей сложности около трех месяцев. Делегация, руководствуясь резолюцией ИККИ, развернула целенаправленную работу среди делегатов съезда, убеждая их в необходимости исправления «ошибок» правого руководства, поворота влево, что предполагало укрепление сотрудничества с Советским Союзом и Коминтерном. Эта пропаганда находила живой отклик среди большинства делегатов съезда, которые были наслышаны о трениях руководства с советскими представителями и не хотели ухудшения отношений с СССР.

Среди худонских делегатов снова выделялся Гэндэн. Он был очень замечен еще в 1924 г. на I Великом народном хурале. Теперь он имел немалый опыт политической борьбы и работы в высших эшелонах власти и не воспринимал слепо мнения и взгляды московских гостей. Но он был уверен в их правоте и сознательно возглавил выступления худонцев против партийного руководства. Ведь это по вине руководства росли трудности в отношениях с Москвой и намечался крен в сторону сближения с Западом. И ведь это оно лишило его, Гэндэна, и других оппозиционеров высоких государственных постов. Гэндэн, человек по натуре властный, в меру честолюбивый, твердый в отстаивании того, во что поверил, естественно, хотел вернуть утраченное, добиться победы над правыми, к чему так настойчиво подталкивала делегация ИККИ. Полагаем, что он не стремился тогда к единоличной власти, это был простой, земной человек, знавший свои возможности. Но он понял и то, что с помощью делегации

ИККИ оппозиция может одержать верх, что он вместе со своим окружением уже теперь может прийти к власти — не ради личного благополучия, а ради национальных интересов страны.

Гэндэн на съезде был активен и решителен как никогда. Вместе с Бадрахом и другими сторонниками, при прямом участии делегации ИККИ был составлен программный документ оппозиции, опираясь на который худонские делегаты развернули острую критику Дамбадоржа, Жадамбы и других прежних руководителей. Делегация ИККИ сначала, согласно инструкции, не исключала блока с «националистами». Однако, она постепенно убедилась, что влияние прежних руководителей падает, они разобщены, действуют не согласованно, а худонские оппозиционеры, ведомые полными боевого азарта Гэндэном, Бадрахом и их соратниками, а также пришедшими им на помощь выпускниками КУТВ'а*, набирают силу и побеждают. Был сделан вывод — возможен «полный переворот».

Позиция Гэндэна была вполне определенной и накануне съезда и в дни его работы. Уже 29 сентября при встрече с делегацией ИККИ он обмолвился, что считает возможным полную победу оппозиции, что некоторых руководителей можно использовать, но большинство нового руководства должно состоять из аратов и «левых»¹⁶. 9 октября он заявил члену делегации ИККИ Амагаеву, что Дамбадоржу надо уйти, за ним сам уйдет и Жадамба...¹⁷ 22 октября, накануне открытия съезда, Гэндэн был уверен: «Съезд пройдет под левым настроением. Недостаточно бить Дамбадоржа и Гэлэгсэнгэ, надо бить и Жадамбу, и Дугаржава» (т.е. всех наиболее активных «правых»). А вот Амара, Лосола, Чойбалсана, по его мнению, можно использовать¹⁸.

И съезд, полный драматизма и напряжения, действительно прошел «под левым настроением». Делегации ИККИ было на кого опереться. Это верно, что она сыграла решающую роль на съезде. Но верно и то, что было бы упрощением объяс-

* КУТВ — Коммунистический университет трудящихся Востока в Москве, который окончили многие монгольские руководители.

нять итоги съезда только происками и интригами делегации, ее давлением. Все было сложнее. В МНРП существовали разные группировки, существовала реальная оппозиция, которая преследовала свои цели и активно их добивалась.

Съезд закончился принятием резолюции. В ней резко критиковались основные направления политики прежнего руководства. Решительно осуждалась недружелюбная позиция в отношении СССР. В качестве важнейшей задачи называлось неуклонное претворение в жизнь курса на некапиталистическое развитие, определялись конкретные пути и методы преобразований в сфере экономики, управления, религии, культуры. Новое руководство обязывалось проводить линию «левого крыла», усилить связи с Коминтерном, СССР. «Наша партия является подлинно народно-революционной партией, которая в деле укрепления монгольского государства на действительно демократических началах опирается на аратов-бедняков и середняков и стремится к тому, чтобы обеспечить переход страны к социализму»¹⁹.

Адальшесостоялись выборы нового руководства. Прежние ведущие партийные лидеры — Ц. Дамбадорж, Н. Жадамба и другие — были освобождены от всех постов. В новом составе ЦК и президиума абсолютно преобладали худонцы, «левые». Членами президиума ЦК стали П. Гэндэн, О. Бадах, Б. Элдэв-Очир, В. Дорлигжав, З. Чойжил, Г. Гэндэн, Д. Цэрэнлхам, А. Амар, Х. Чойбалсан, Р. Загд, Г. Содном, Р. Мэнд, З. Шижээ, Г. Нанзад, Л. Шархуу, Ц. Жигжиджав, Ж. Дамдинсурэн. Из прежних «правых» и «центристов» в президиум вошли лишь А. Амар и Х. Чойбалсан (для «преемственности»). А. Амар сохранил пост премьер-министра, а Х. Чойбалсан стал председателем президиума Малого хурала. Их лояльность в новых условиях особых сомнений не вызывала.

Было принято очень важное решение — упразднить должности председателя ЦК и его заместителя и перейти — в целях усиления коллективности в руководстве — на систему секретариата (три равноправных секретаря). В секретариат были

избраны О. Бадрах, П. Гэндэн, Б. Элдэв-Очир. Именно они стали главными фигурами нового руководства. Формально они обладали одинаковыми правами, но очень скоро стало ясно, что «первым среди равных» в этом триумvirате является П. Гэндэн. Во-первых, по своим деловым качествам. Он ведь уже поработал председателем президиума Малого хурала и, пусть под руководством партийных лидеров, но так или иначе был причастен к решению важнейших государственных проблем. Он также успел поработать председателем Госбанка, это уже сфера экономики — завершение денежной реформы, взаимодействие с промышленными и торговыми предприятиями и т.д. На этом посту он трудился рядом с советскими специалистами, не считал зазорным учиться у них, перенимать опыт. У него были нормальные отношения с официальными советскими и коминтерновскими представителями. Правда, он, прагматик, и тогда, и позже отдавал предпочтение полпреду А.Я. Охтину и другим работникам полпредства, которые все-таки глубже знали монгольские проблемы, чем часто меняющиеся коминтерновские представители. Впрочем, он хорошо понимал, что без поддержки последних, особенно делегации Б. Шмерая, худонцы не смогли бы прийти к власти. Во-вторых, он имел все задатки лидера, обладал властным, решительным, независимым характером. Простой, добродушный, самобытный человек, со своими слабостями (бывал вспыльчив, горяч, не сдержан), он имел много друзей и сторонников, его хорошо знали в худоне, где считали своим.

Другой секретарь ЦК — О. Бадрах, ровесник П. Гэндэна. У них было немало общего — оба из худона (правда, из разных аймаков: Гэндэн — халхасец из Убурхангая, Бадрах — дюрбет из Западной Монголии, Увс аймак), оба — выдвиженцы I Великого народного хурала, оба стояли у истоков «худонской» оппозиции, фактически ее возглавив. Но было немало и такого, что их отличал О. Бадрах, поработавший до революции мелким чиновником, был грамотнее, образованнее, и дальше сохранял тягу к знаниям, много читал. Старался больше контактировать

с коминтерновскими представителями, и не случайно именно он делал доклад от оппозиции в ИККИ в июне 1928 г. и готовился в Москве к VII съезду, пользуясь советами коминтерновских функционеров. Был настойчив, энергичен, честолюбив. Хороший организатор, оратор. Его слабости — недостаточная решительность, колебания, не всегда был готов взять на себя ответственность. Уязвимое место — как дюрбет он был очень чуток к национальному вопросу, его упрекали (и противники, а иногда и друзья) часто надуманно, но, возможно, и с некоторыми основаниями, за чрезмерное внимание к Западной Монголии, за возможные проявления сепаратизма. Элементы соперничества между Гэндэном и Бадрахом наблюдались и до VII съезда, и на самом съезде и, особенно, после него. Точнее, имело место не просто соперничество, а разные подходы к некоторым важным вопросам. Но Гэндэна и Бадраха объединяло главное: до VII съезда — борьба с «правыми», после съезда — общая ответственность за судьбу страны.

Еще один секретарь ЦК — Б. Элдэв-Очир был совсем молод, он родился в 1905 г., в Завханском аймаке. Учился в Улан-Баторе в партшколе, затем — в Москве, в КУТВ'е, который окончил в 1928 г. В Монголию вернулся как раз к VII съезду, в котором принял активное участие на стороне левой оппозиции. Его отличали высокая ответственность, активность, умение разобрататься в хитросплетениях политической борьбы. Но он тогда еще был мало известен, ему не хватало опыта, мешали слабая волевая закалка, недостаточная деловитость. В практической работе (это уже после съезда) он обычно поддерживал П. Гэндэна.

Президиум ЦК, секретариат ЦК оказывали определяющее влияние на работу правительства, Великого и Малого хуралов, других государственных и общественных структур. Новое руководство приступило к осуществлению задач, поставленных VII съездом МНРП.

Левацкий эксперимент. Позиция П. Гэндэна

Первые шаги нового руководства в области внешней политики можно оценивать по-разному, но в целом, на наш взгляд, они играли положительную роль, соответствовали интересам Монголии. И ЦК МНРП, и ЦК ВКП(б), и ИККИ были заинтересованы в полном восстановлении и развитии межпартийных связей. В Москве были внимательно обсуждены отчет делегации ИККИ и итоги VII съезда МНРП. 1 марта 1929 г. Политсекретариат ИККИ принял очередную резолюцию по монгольскому вопросу. В ней одобрялись решения VII съезда, смена партийного руководства. Прежнее сотрудничество, существовавшее до середины 1928 г., восстанавливалось в полном объеме. В резолюции указывалось: «Новому руководству МНРП необходимо направить все усилия на проведение решений съезда... При реализации этих решений необходима тщательная разработка и подготовка всех намеченных мероприятий с соблюдением необходимой осторожности». Борьба с ламством определялась как одна из основных задач. Резолюция призывала решительно преодолевать феодальные и буржуазные влияния внутри партии, сохранять единство, выдвигать худонцев на руководящую работу²⁰.

Для монгольской стороны особенно важным было упорядочение и укрепление межпартийных связей. В конце марта 1929 г. в Улан-Батор вновь прибыл М.И. Амагаев в качестве уполномоченного ИККИ. Еще большее значение имело упрочение межгосударственных советско-монгольских отношений. При «левых» они становились более тесными, более доверительными, более масштабными. Уже в начале февраля 1929 г. в Москву отбыла монгольская партийно-правительственная делегация во главе с секретарем ЦК МНРП П. Гэндэном и председателем президиума Малого хурала Х. Чойбалсаном. Ее целью было подготовить вместе с советскими представителями проект Соглашения об основных принципах взаимоотношений между СССР и МНР. Делегация вернулась в Улан-Батор в апреле. Затем

последовало долгое обсуждение и взаимное согласование статей проекта. Соглашение было подписано в столице Монголии 27 июня 1929 г. Оно было всеобъемлющим, охватывало основные сферы сотрудничества. Документ включал разделы об общих принципах хозяйственного взаимодействия, об особом благоприятствовании, о деятельности монгольских хозяйственных организаций на территории СССР и советских — на территории МНР, о таможенных пошлинах, о сотрудничестве в банковской сфере, в области транспорта, здравоохранения, ветеринарии, культуры, о направлении инструкторов и специалистов²¹.

Надосказать, что в Монголии отношение к Соглашению — и до, и после его подписания — не было однозначным. П. Гэндэн и другие партийные руководители полностью его поддерживали, стремясь поскорее оформить укрепление монголо-советских связей, получить реальные плоды от сотрудничества. Но глава правительства А. Амар и его сторонники, не возражая в принципе против Соглашения, в то же время выражали обеспокоенность, что оно предоставляет односторонние преимущества Советскому Союзу, что Монголия в чем-то слишком уступает. Возможно, некоторые статьи документа давали повод к такому беспокойству, поскольку Советский Союз получал все преимущества наиболее благоприятствуемой стороны, правительство МНР обязывалось оказывать всяческое содействие деятельности советских хозяйственных организаций, а советские инструкторы приобретали широкие права и полномочия. Все же Гэндэну удалось успокоить Амара. Ведь Монголия была жизненно заинтересована в сотрудничестве, она сама получала немало выгод и льгот в конкретных формах взаимных связей.

Новое монгольское руководство, заключая данное Соглашение, проявило дальновидность: последовавшие достижения в деле развития промышленности, транспорта, связи, культуры и других отраслей — прямой результат реализации этого Соглашения и других советско-монгольских договоренностей. А таких договоренностей в период «левого» руководства было немало: согла-

шения об организации транспорта, о телеграфных сношениях, об упрощенном переходе госграницы гражданами СССР и МНР, об урегулировании вопросов в области гражданства, о подготовке в СССР монгольских кадров, о совместных экспедициях, о геологоразведочных работах и др. Все они были обоюдовыгодны, отвечали интересам обеих стран, но прежде всего — Монголии.

Сложнее, драматичнее было с внутренними проблемами. Шел 1929 год. В Советском Союзе это был год «великого перелома», год начала массовой коллективизации крестьянства, перехода к политике «ликвидации кулачества как класса». «Левые» монгольские руководители, подталкиваемые коминтерновскими представителями, считали своим долгом следовать советскому опыту, учитывать коренные перемены, которые происходили в Советском Союзе. К этому их обязывали и решения VII съезда МНРП, а также последовавшего за ним V Великого хурала (декабрь 1928 г. — январь 1929 г.). В постановлении Хурала прямо говорилось о предстоящей конфискации скота и имущества феодалов, о стимулировании объединения аратов в кооперативы²². Состоявшийся в мае 1929 г. пленум ЦК МНРП знаменовал начало перехода к практическому проведению леворадикальной политики. Предписывалось принять срочные меры по конкретной реализации решений VII съезда и V Великого хурала²³. Началась подготовка к принятию соответствующих постановлений.

Следует отметить, что уже тогда в ЦК обнаружились разные подходы к решению проблем конфискации феодальной собственности и кооперирования аратов. Группа О. Бадраха выступала за более радикальные меры, за ускоренные темпы. П. Гэндэн и его сторонники тяготели к более осторожной, умеренной тактике, к всемерному учету монгольской специфики. Группу Бадраха всячески поддерживал и направлял уполномоченный ИККИ М.И. Амагаев, к группе Гэндэна сочувственно относился полпред СССР А.Я. Охтин. После жарких дебатов президиум Малого хурала и правительство в сентябре приняли два принципиально важных постановления, в которых тог-

да можно было обнаружить признаки достигнутых компромиссов. Согласно постановлению о конфискации феодальной собственности определялся круг лиц, подлежащих «раскулачиванию» (феодалы, теократы, крупные чиновники) причем экспроприровалось не все имущество, небольшая часть оставалась в распоряжении прежних владельцев²⁴. В постановлении об организации колхозов и госхозов говорилось о необходимости приступить к созданию кооперативов охотников, возчиков, рыбаков, товариществ по совместному сенокосению, совместно-му содержанию скота, рытью колодцев, обработке земли и т.д. Отмечалось при этом, что основное внимание следует обращать на создание простейших кооперативов²⁵.

К сожалению, «компромиссы» вскоре были забыты. Расширялся круг лиц, имущество которых конфисковывалось — вплоть до зажиточных аратов. «Простейшие кооперативы» уступали место артелям и даже коммунам, в которые зачислялись не только «охотники, возчики, рыбаки», а прежде всего сами араты-скотоводы. К 1932 г. преобладающей части своей собственности лишились 1100 хозяйств²⁶. Конфискованный скот и недвижимое имущество передавались аратам в основном для совместного пользования в создаваемых колхозах (некоторую часть получили госхозы). На проведение конфискации и организацию колхозов были направлены многочисленные активисты из партийного, ревсомольского и государственного аппарата. Не оставались в стороне (хотя и не участвовали прямо) и советские инструкторы, работавшие в аймаках.

Монгольская степь бурлила. Шел дележ собственности, одни лишались основной части своего добра, другие — получали его бесплатно, но зато, чаще всего, обязывались вступать в неведомые колхозы. Артели и тем более коммуны оказывались чисто искусственными, нежизнеспособными образованиями. Араты не понимали, чего от них хочет власть, да и сами активисты-организаторы далеко не всегда могли разъяснить им суть происходящего. Добровольность, учет условий, постепенность,

подготовительная работа — все это оказалось пустыми словами. На деле — чисто административные методы, нажим, прямое давление, в лучшем случае — обещания счастливой жизни, а чаще — неприкрытые угрозы...

И вот тут П. Гэндэн, А. Амар, Х. Чойбалсан и другие политики, тесно связанные с худоном, аратством, серьезно беспокоились. Они могли понять и одобрить меры по конфискации феодальной собственности — как-никак революция 1921 г. была антифеодальной, аратской. Но неподготовленное, ускоренное, массовое кооперирование аратства их пугало и настораживало. Рушились вековые устои жизни и быта аратов, способы ведения кочевого хозяйства, а вместо них вводились кооперативы с неприспособленным, неподготовленным для кочевников устройством. П. Гэндэн и его сторонники уже в 1929 г. начали понимать, что они, руководители, торопятся, что волнения в худоне неизбежны, что трудности будут нарастать. На этой почве споры Гэндэна с Бадрахом, Шижээ и поддерживающим их Амагаевым продолжались, в связи с чем уже тогда к Гэндэну стали приклеивать ярлык «новый правый».

Гэндэн решил довести до сведения Москвы свои сомнения и беспокойство. 5 июля 1929 г. он обратился с письмом к П.А. Мифу, в котором сообщал о разногласиях внутри ЦК МНРП. В письме, в частности, говорилось: «Уполномоченный Коминтерна Амуга держит сторону Бадраха, не поддерживает левых, меня. Использует свое положение для личного диктаторства, будирует разногласия в ЦК, вмешивается в мелкие внутренние вопросы»²⁷.

Уполномоченный ИККИ М.И. Амагаев часто не находил общего языка с секретарем ЦК МНРП П. Гэндэном. Отчасти то же можно сказать и о его отношениях с полпредом А.Я. Охтиным. Как уже отмечалось, Охтин, в отличие от Амагаева, был сторонником более взвешенной, более умеренной, более осторожной политики, особенно в вопросах кооперирования. Не удивительно, что Гэндэн обычно находил у него понимание и поддержку.

На совещании в полпредстве 11 октября 1929 г. Охтин прямо дал понять, что форсировать колхозное строительство в условиях Монголии — это значит проявлять чрезмерную смелость. Он говорил: «Колхозы надо развивать, но реальное значение могут иметь только госхозы». И далее: «Нужно отдавать себе отчет, что мы хотим от Монголии? Хотим ли мы сегодня ввести в Монголии советскую систему? Можно совершить колоссальные ошибки. Основной недостаток левого руководства — отсутствие ясных хозяйственных перспектив, блуждания и поиски...»²⁸

В Москве решили не обострять отношений с ведущим монгольским лидером П. Гэндэном, призвать к устранению разногласий в руководстве МНР, учесть позицию полпреда А.Я. Охтина, его объективную информацию. М.И. Амагаев в октябре был отозван из Улан-Батора, хотя его линия фактически не была осуждена (это было бы странно в условиях всеобщего угара от массовой коллективизации). И все же, казалось, победило благоразумие, верх взял здравый смысл. Гэндэн вздохнул с облегчением и с удвоенной энергией настаивал на проведении более продуманной, щадящей тактики в худоне. Но это «безвременье» длилось слишком недолго. В декабре в Улан-Батор прибыл новый представитель ИККИ В.Н. Кучумов, который затмил Амагаева своей «революционностью». Он приехал для участия в очередном VIII съезде МНРП, но затем остался в качестве уполномоченного ИККИ — до осени 1930 г. Кучумов привез с собой письмо Восточного секретариата ИККИ в ЦК МНРП от 4 декабря. Документ был вполне определенным и конкретным. В нем ИККИ высказался за резкое расширение рядов МНРП, за твердый отпор «правой» опасности, за немедленное составление народнохозяйственного плана, за реконструкцию сельского хозяйства на основе коллективизации, за ослабление частного сектора в торговле, за решительную политику в отношении феодалов и ламства, за широкое использование опыта СССР²⁹.

Нетрудно представить состояние Гэндэна после ознакомления с посланием ИККИ. Он был удручен, расстроен. Коминтер-

новцы, а стало быть и советское руководство, упорно подталкивали монгольских руководителей на проведение левацкой, авантюристической политики. Он знал о трудностях с коллективизацией в Советском Союзе, отражением которых вскоре явилась статья Сталина «Головокружение от успехов». Гэндэну становилось все яснее, что еще большие трудности ожидают Монголию из-за ее специфических условий, полной неподготовленности к таким радикальным переменам, но он не был одинок. Его тревогу в определенной мере разделяли Ц. Жигжиджав, Б. Элдэв-Очир, которых постепенно стали нарекать «новой оппозицией», «новыми правыми». Кроме того, были еще «старые правые», «центристы» — А. Амар, Х. Чойбалсан, С. Довчин, которые тоже не скрывали опасений по поводу проводимого курса. Однако тон задавали леворадикалы — З. Шижээ, О. Бадрах, Л. Лааган и другие. Они с полным согласием и надеждой восприняли Письмо ИККИ. Их активно поддерживал и направлял В.Н. Кучумов.

Уполномоченный Коминтерна не мог не видеть сложности и проблемы в монгольском руководстве, отражавшие тяжелое, напряженное положение в стране. Кучумов стремился максимально усилить позиции леворадикалов и в то же время ослабить, дискредитировать, разобщить «новых оппозиционеров». «Старых правых» возглавлял премьер-министр А. Амар, он не отказывался от своих взглядов, хотя и понимал, что ему грозит отставка. С некоторыми «новыми правыми» можно было договориться, но не со всеми. Главным «препятствием» для Кучумова стал Гэндэн. Неформальный лидер в руководстве, с растущим авторитетом и влиянием, народный самородок, ставший сильной личностью, ведущим государственным деятелем, он продолжал критически относиться к ряду положений Письма ИККИ. Кучумова особенно настораживало намечавшееся сближение Гэндэна с Амаром, с Чойбалсаном. Представителю ИККИ пришлось немало потрудиться, чтобы убедить Гэндэна и других «новых правых», что все идет нормально, что положения письма ИККИ вполне правильны, надо только основательно, грамот-

но поработать в худоне, укрепить партию, ее единство. В конце концов Гэндэн согласился на совместное выступление против «старых правых», заявил о согласии с Письмом ИККИ.

На состоявшемся в феврале 1930 г. объединенном пленуме ЦК и ЦКК МНРП было достигнуто показное «единство», проявлена решимость добить «правых» и осуществлять «левый» курс. Кучумов был особенно доволен, что удалось оторвать Гэндэна и его группу от Амара. Он с удовлетворением писал в Москву: «Настроение у Гэндэна хорошее. Он рад, что выбрался из тяжелого положения, чувствует себя увереннее. Наша твердость спасла не только нашу линию на съезде, но и самого виновника кризисов — Гэндэна»³⁰. Думается, не во всем прав был Кучумов. Очень сомнительно, что настроение Гэндэна было «хорошим». Просто он вынужден был уступить, «согласиться» с увещеваниями Кучумова, не хотелось ему быть «новым правым». На пленуме ЦК и ЦКК он, в частности, сказал: «Я сам лично подумаю еще, может быть и у меня имеются недостатки, готов признать ошибки...»³¹. Не просматриваются в этих словах «хорошее настроение», «полное согласие»...

VIII съезд МНРП работал с 21 февраля до 3 апреля 1930 г. Главным оратором на съезде был П. Гэндэн. Он произнес вступительное слово и выступил с двумя докладами — политотчетом ЦК и о пятилетнем плане. Он был центральной фигурой на съезде, и это было естественно. Другой секретарь ЦК — О. Бадрах был не совсем здоров, а еще один секретарь — Б. Элдэв-Очир — слишком молод. К голосу Гэндэна прислушивались все остальные, несмотря на споры и разногласия. Его по-прежнему поддерживал полпред А.Я. Охтин, отдавая должное объективным представлениям Гэндэна о положении в стране, его здравому смыслу. Да и В.Н. Кучумов не видел иного варианта, особенно после формального согласия Гэндэна с доводами представителя Коминтерна.

Выступления Гэндэна, как и других докладчиков на съезде, строились в соответствии с основными положениями письма Восточного секретариата ИККИ в ЦК МНРП от 4 декабря 1930

г. Иначе было нельзя. Иначе — новый разрыв с ИККИ со всеми вытекающими последствиями. Вот главный тезис политотчета, нашедший отражение и в резолюции съезда: «Революция вступает в третий этап своего развития. В связи с этим непосредственное осуществление основных задач строительства социализма является важнейшей практической задачей сегодняшнего дня». На чем основывался этот смелый вывод? На умозрительных схемах, на самообмане: «Быстрые темпы коллективизации аратских хозяйств являются реальным свидетельством того, что страна развивается по социалистическому пути»³².

Основные решения съезда носили откровенно левацкий характер: превратить МНРП в «действительно массовую партию батрацких и бедняцких слоев аратства», усилить «диктатуру аратства», бороться и с феодалами, и с капиталистическими элементами, кооперировать к концу пятилетки 70% бедняцких и 50% середняцких хозяйств, содействовать переходу аратов от кочевничества к оседлому образу жизни, вытеснять частника и т.д. Авантюристический курс был принят съездом без серьезного сопротивления. Ведь его поддерживали представители Коминтерна, перед которыми не устояли монгольские лидеры. К тому же некоторые из них — Шижээ, Бадрах, Лааган и другие — сознательно, с энтузиазмом подхватили идею о переходе к строительству социализма.

А что же П. Гэндэн? Он не решился на бунт, счел своим долгом вести общую линию. Возможно, это был тот редкий случай, когда он, уже зрелый политик, пошел на сделку с совестью, наступил «на горло собственной песне». Вывод наш не голословный. Мы исходим из всего поведения Гэндэна до и после съезда. До съезда он не уставал доказывать Кучумову и его сторонникам в ЦК, что не надо спешить, что Монголия — страна аратская, кочевая, отсталая, требующая особых подходов. После съезда продолжал спорить и с В.Н. Кучумовым, и с прибывшим ему на смену М.Б. Черномордиком, и со своими друзьями-оппонентами О. Бадрахом, З. Шижээ и другими, призывал их при-

глядеться внимательно к действительности.

И все же в 1930–1931 гг. он пошел на крупные уступки и компромиссы вопреки собственному пониманию ситуации в стране. Мог ли иначе? Мог — но тогда уход с политической сцены, отказ от участия в дальнейшей борьбе (слишком памятна была судьба Ц. Дамбадоржа и Н. Жадамбы, бывших «левых», а потом «правых»). Так что поведение Гэндэна на VIII съезде партии, если брать во внимание глубинные факторы, на наш взгляд, оправданно. Он устоял, сохранил себя для новой борьбы в будущем.

Вернемся, однако, к VIII съезду МНРП. При всем показном «энтузиазме» и аплодисментах не гладко он проходил. На настроение делегатов не могла не влиять напряженная обстановка в стране. То и дело вспыхивали мятежи, не прекращались волнения. Делегаты не могли не реагировать на протесты в народной среде, на бесконечные запросы аратов. К этому надо добавить определенные различия в действиях советских и коминтерновских представителей. Полпред Охтин по долгу службы поддерживал общий настрой съезда, но поддерживал «дипломатически». Кучумов информировал центр: «... Линия VIII съезда проведена против Охтина»³³. Так что полного единодушия не было. И дух демократизма еще не был утрачен. И Гэндэна нет, да и прорывало. Характер не позволял во всем соглашаться с другими. При голосовании резолюции о единстве партии он, секретарь ЦК, и Л. Лаган, председатель ЦКК, воздержались. При выборах нового ЦК то и дело следовали отводы...

Состав нового ЦК и его органов претерпел серьезные изменения. Бывшие «правые» и даже некоторые «левые», которые проявляли колебания, допускали «ошибки» — оказались вне ЦК. В первую очередь следует назвать А. Амара, который после съезда был освобожден от обязанностей премьер-министра и направлен на работу в Ученый комитет. Х. Чойбалсан, которого много критиковали на съезде, все же был избран в ЦК и даже в президиум ЦК, но зато резко понижен в должности: вместо председателя президиума Малого хурала — министр иностран-

ных дел. ЦК пополнялся людьми, которые в то время твердо придерживались «левой» ориентации. В президиуме заметное место заняли Д. Лувсаншарав, Г. Дэmid, Ж. Лхумбэ.

Произошли изменения и на самом верху — в секретариате ЦК. Б. Элдэв-Очир и З. Шижээ поменялись местами — Элдэв-Очир стал начальником Государственной внутренней охраны (ГВО), а Шижээ — секретарем ЦК, вместе с Бадрахом и Гэндэном. Если в прежнем секретариате Элдэв-Очир обычно действовал заодно с Гэндэном, то теперь ситуация изменилась в пользу Бадраха, поскольку Шижээ был убежденным проводником «левого» курса. И в составе президиума ЦК, и в секретариате обозначился дальнейший крен влево, а точнее — в сторону левацких загибов. То же произошло и с руководством правительства. Премьер-министром стал Ц. Жигжиджав — один из лидеров «левых» еще со времен VI и VII съездов МНРП. Председателем президиума Малого хурала избрали Л. Лаагана, соратника О. Бадраха. После VIII съезда на авансцену политической жизни Монголии, кроме П. Гэндэна, О. Бадраха, Б. Элдэв-Очира, выдвинулись З. Шижээ, Ц. Жигжиджав, Л. Лааган, председатель ЦКК А. Дэндэв, председатель Военного совета Г. Дэmid, заместитель секретаря ЦК и заведующий орготделом ЦК Д. Лувсаншарав.

Уполномоченный ИККИ В.Н. Кучумов возлагал большие надежды на «новый актив», образовавшийся после съезда. Среди активистов он в первую очередь выделял З. Шижээ, молодого секретаря ЦК (родился в 1901 г.), с 1923 по 1928 г. находившегося в Москве, учившегося в КУТВ³⁴. Кучумов считал, что «Шижээ, вопреки подозрениям Охтина, безупречный человек в смысле политической линии»³⁴. И действительно, не колеблющийся и болезненный Бадрах, и не «новый правый» Гэндэн, а Шижээ с его упорством и уверенностью становится главным проводником левацкой политики. Нетрудно заметить, что позиции Гэндэна и в секретариате ЦК и вообще в «новом активе» после съезда несколько ослабли. Появились новые люди, которые рвались

в бой и стремились занять свое место под солнцем. Полагаем, что Гэндэна это в целом устраивало. Реальность настоятельно диктовала ему: не быть в стороне, но и не играть ведущей роли в левацких загибах, по возможности выправлять положение.

Ультралевые вместе с В.Н. Кучумовым стремились сплотить ядро партийного и государственного руководства. Но единства не получалось, разногласия в «новом активе» не исчезали. Напряженность в стране «давила» на позицию и деятельность руководителей, Бадрах и Гэндэн давно испытывали личную неприязнь, но это не главное. Важнее было то, что Гэндэн тоньше, глубже чувствовал обстановку в стране и считал своим долгом реагировать на нее. Шижээ старался быть выше их споров и претендовал на роль наиболее последовательного ревниителя «левого» курса. Вокруг них создавались группировки, возникали дискуссии, одни верили в правильность курса, другие все больше сомневались, третьи считали за благо соглашаться с руководством.

Нельзя было абстрагироваться и от тех трудностей, с которыми столкнулся Советский Союз в ходе «великого перелома». Монгольские руководители не могли не задаваться вопросом: если так трудно, сложно идут перемены у «старшего брата», то что ждет их, в кочевой феодальной Монголии?

Однако решения VIII съезда никто не отменял, их надо было выполнять. И в этой связи у уполномоченного ИККИ В.Н. Кучумова наибольшие опасения вызывал опять-таки П. Гэндэн. В письме в ИККИ от 18 июля 1930 г. он прямо противопоставляет Гэндэна «новому активу». Кучумов считал, что «Гэндэн быстро катится к тому, чтобы занять место Амара в ЦК. Его ошибки и высказывания не случайны. В них есть определенная, правая линия». «Он против расширения связей с СССР... Он крепко связан с известной частью ламской верхушки... В отношении тайж и кулаков — систематическая защита... В отношении правых — Амара, Дамдинсурэна — прямая или косвенная защита». Кучумов ссылается на мнение Шижээ и Дэндэва

о том, что Гэндэн — «защитник и представитель всего реакционного в партии». Кучумов не стесняется в выражениях, когда описывает прегрешения Гэндэна: «Он умеет соединять социальную демагогию... с прямой защитой кулачества. Он метил попасть в диктаторы. Под маской простоты и добродушия скрывается на редкость злопамятный и мстительный человек...» Если передать в его руки все руководство, то «это было бы нашим собственным самоубийством». Все же Кучумов сдерживает себя: «... я открыто не выступаю против Гэндэна, поскольку он пользуется в партии значительной поддержкой». И снова: «... С Гэндэном неизбежна большая и нелегкая борьба...»³⁵.

Оставим на совести автора записки выражения насчет «реакционности», «диктаторства», «злопамятства» Гэндэна. Все это весьма субъективно. Ведь люди тянулись к Гэндэну, уважали его, прислушивались к нему, поддерживали его — не потому, что он был секретарь ЦК, а потому, что был «свой», понятный, деловой, принимающий близко к сердцу нахлынувшие беды. Не стремился он к диктаторству, интуитивно ощущал свой потолок — не хватало образования, знаний, эрудиции, но он и знал себе цену как человеку и политику. А Кучумов просто не смог сработаться с ведущим руководителем Монголии, не смог понять глубинные причины поведения Гэндэна, объективно разобраться в монгольских реалиях. Не смог — в отличие от полпреда Охтина, который по-прежнему старался ориентироваться не на откровенных леваков, а на более умеренную часть монгольского руководства. Вторая половина 1930 г. — 1931 г. — это время, когда левацкие преобразования достигли своего апогея. К началу 1932 г. в стране насчитывалось 717 колхозов, в том числе 503 артели, 174 товарищества, 40 коммун. Они объединяли около трети всех аратских хозяйств³⁶. В своем подавляющем большинстве кооперативы были искусственными образованиями, готовыми рассыпаться столь же быстро, как и создавались. Поголовье скота неуклонно сокращалось (араты забивали скот), а это было верным признаком

явного неблагополучия в худоне. Джасская* кампания (передача монастырского скота на выпас аратам) встретила настороженное отношение аратов и глухой ропот лам. Такая кампания вела к экономическому упадку монастырей. Наступление на частную торговлю привело к товарному голоду. Монценкооп не справлялся с возросшими нагрузками, не мог полностью заменить вытесненных китайских купцов. Напряжение в стране возрастало. Протесты, волнения выливались в открытое сопротивление. Мятежи носили пока очаговый, локальный характер, но властям все чаще приходилось прибегать к силе.

В таких условиях некоторые руководители просто выходили из строя, предпочитали на какое-то время покинуть Улан-Батор. Так, О. Бадрах летом и осенью 1930 г. находился в Советском Союзе на лечении. Он затеял там переписку с высокими советскими руководителями. Нам неизвестно, привела ли она к каким-либо практическим результатам. Часто отсутствовали Б. Элдэв-Очир, Г. Содном (отпуска, командировки). А вот З. Шижээ обычно был на месте, его не покидали боевое настроение, оптимизм. Волнения, сопротивление, мятежи — это естественно, идет классовая борьба, идет строительство социализма.

П. Гэндэн тоже был на месте. Ему, секретарю ЦК, нельзя было не участвовать в работе по конфискации, коллективизации, планированию, товароснабжению, работе трудной и неблагодарной. Сам левацкий курс внушал ему все большую тревогу. Он уже открыто критиковал проводимую политику, в которой вынужден был участвовать, и все чаще задумывался — как быть, как избежать надвигающейся катастрофы. В одном из документов, полученных секретариатом ИККИ, датированном 21 октября 1930 г., говорилось: «Гэндэн оценивает теперешнее состояние колхозов как наметившийся крах колхозного движения. Он считает, что факты проедания многими колхозами полученного ими скота, распада многих колхозов, отсутствие перехода на настоящую производственную деятельность — все это указывает на

* Жас (джаса) — монастырское хозяйство.

неудачу колхозного дела в Монголии». Джасская кампания ведет к «проеданию и монастырского скота». «В результате, по мнению Гэндэна, еще более уменьшится товарность монгольского хозяйства со всеми вытекающими отсюда последствиями». Он счел ошибкой начавшееся судебное преследование верхушки ламства, считая, что это «лишь усилит контрреволюционные силы страны». Гэндэн делает вывод о неправильности линии большинства ЦК во главе с Шижэе, которого поддерживал Кучумов³⁷.

Состоявшаяся в Улан-Баторе конференция МНРП (26 декабря 1930 г. — 13 января 1931 г.) никаких изменений в политический курс не внесла. Она закрепила левацкий курс руководства, подтвердила «правильность» линии VIII съезда. Постановления конференции шли в русле решений съезда и были пронизаны идеями последнего письма Восточного секретариата ИККИ от 8 декабря 1930 г. Конференция, в частности, отметила, что «колхозы развиваются на здоровой основе», что кооперативное движение «превратилось в массовое движение батрацко-бедняцких и середняцких слоев аратства»³⁸. Этим все сказано.

В начале 1931 г. в Улан-Батор прибыл новый уполномоченный ИККИ М.Б. Черномордик. Действительность оказалась много хуже, чем виделось из Москвы. В информации от 15 апреля 1931 г. он пишет, что «положение в Монголии достаточно напряженное». Экономические трудности нарастают, существует реальная угроза новых восстаний, наблюдаются попытки перехода границы целых групп населения. Обстановку в ЦК он характеризует как «большой разброд». Все друг на друга жалуются, дерутся между собой. «Гэндэн наиболее прочно чувствует себя в ЦК и в стране». А наиболее последовательный проводник партийной линии — Шижэе. «Под влиянием трудностей колеблются все понемногу... Авторитет ЦК крайне низок. ЦК не слушаются и не боятся...»³⁹. В сообщении от 11 июня М.Черномордик вновь писал о серьезности положения в стране, об «организационной беспомощности» колхозов, с беспокойством отмечал отсутствие единства в партийном руковод-

тве. Интересны его замечания о ведущих руководителях страны. «Жигжиджав настойчиво проводит линию на укрепление связи с СССР, крайне ценная фигура в руководстве... Его обвиняют в том, что он считается только с мнением советских инструкторов и не считается с монгольскими товарищами». «Наиболее активно выражает свои настроения и свою линию Гэндэн, очень часто он выражает явно правые настроения. Ценность его в том, что он по-прежнему более всех связан с широкими аратскими массами и более точно чем другие улавливает настроения в худоне. Правда, он часто истолковывает эти настроения с точки зрения крепкого мужика, кулака. Его положительная черта — прямота...» «Бадрах внешне, формально не делает серьезных ошибок, крайне скрытен и не отказывается от инспирации других для проведения того, что он считает опасным для себя... Его работоспособность выше, чем у других, но она сводится на нет его плохими отношениями как с основными работниками монгольского руководства, так и явно плохим отношением к советскому инструктажу. Характерным для Бадраха является его крайне пессимистическая оценка положения в стране и в партии...»⁴⁰ Шижээ в это время находился в Москве, и Черномордик отрицательно воспринял весть о приеме Шижээ в ВКП(б), полагая, что это осложнит его отношения в ЦК МНРП⁴¹.

М.Б. Черномордик, встревоженный ситуацией в стране, в начале своего пребывания в Монголии пытался что-то подправить, как-то помочь монгольским руководителям улучшить положение, советовался с А.Я. Охтиным. Но вскоре понял, что дела зашли слишком далеко, что коррективы запоздали и остается одно — содействовать «новому активу» в проведении курса VIII съезда. В ноябре 1931 г. в своем итоговом отчете он уже оптимистично информирует центр, что «колхозы Монголии живут и вовлекают новые тысячи арат», что «единственной серьезной опорой для роста производительных сил страны являются только колхозы», что «монгольское стадо развивается лучше, чем в прошлые годы...» Он не скрывает и серьезные трудности,

но старается писать о них поменьше... Критикует полпредство за то, что его опорой «являются элементы, которые социально дальше от МНРП (Жигжиджав), или из бывших активных «правых» (Чойбалсан, Довчин), или сильно колеблющиеся вправо — Гэндэн...»⁴².

Не было единства в «левом» монгольском руководстве, не было единства между представительством ИККИ и советским полпредством, что накладывало свой отпечаток на и без того удручающую картину происходивших перемен... В начале 1932 г. М.Б. Черномордик отбыл в Москву. Он оказался последним уполномоченным ИККИ в Монголии.

Между тем положение в стране становилось все хуже. П. Гэндэн и другие умеренные монгольские деятели понимали, что медлить больше нельзя, что нужны срочные меры по предотвращению социального взрыва. В тех условиях для этого требовалась поездка в Москву — нужны были консультации, советы, помощь. Гэндэн знал, что Советский Союз сам испытывает серьезные трудности и с выполнением пятилетки, и с коллективизацией, но надеялся, что в Москве с должным пониманием отнесутся к монгольским проблемам. В Москве тоже пришли к выводу, что пора детально обсудить вопрос о положении в Монголии, учитывая все более тревожную информацию об обстановке в стране и партии. Решили, что следует пригласить по согласованию с монгольской стороной представителей двух основных направлений в ЦК МНРП — умеренно-прагматичное и леворадикальное.

В феврале 1932 г. П. Гэндэн и З. Шижээ прибыли в Москву. Гэндэн был настроен по-боевому, был предельно откровенным. Уже в одной из первых бесед в Москве — 17 февраля — с начальником отдела внешних сношений Штаба РККА он говорил: «В ЦК нет единства по проводимой общеполитической линии. Есть две тенденции, поэтому ЦК делегировал с докладом в ИККИ двух секретарей. Разногласия — не только по линии оценки внутреннего положения, но и о взаи-

моотношениях с СССР. Я хотел встретиться с т. Ворошиловым и т. Берзиным и доложить им ряд вопросов. Но отдельно от Шижэе... Своеобразные монгольские условия и внешняя обстановка требуют известного маневрирования при проведении всех мероприятий...». Гэндэн особо выделил наличие разных мнений по вопросу о коллективизации — за сплошное кооперирование и за сугубо постепенное. «...Я считаю, что надо закрепить имеющиеся достижения, подкрепить материально эти колхозы, поставить их хозяйство на должную высоту. Не нужно гнаться за количеством, а необходимо больше обращать внимание на их качество... Я считаю, что сплошная коллективизация в настоящих условиях МНР преждевременна...»⁴³

Совместные заседания и переговоры проходили в ИККИ под председательством руководителя Восточного секретариата ИККИ П.А. Мифа с 21 по 28 марта. Были заслушаны доклады П. Гэндэна и З. Шижэе, а также доклад М.Б. Черномордика, выступление П.А. Мифа. Выступления и само поведение монгольских представителей значительно отличались. Гэндэн был активнее, держался независимо, вникал в детали, старался донести до коминтерновских и советских работников монгольскую специфику и — что главное — привлечь их внимание к кризисным явлениям в экономике и обществе. Шижэе считал своим долгом прежде всего внимательно слушать их и обычно выражал согласие. Серьезной тревоги в его докладе не чувствовалось, как, впрочем, и в основных выступлениях коминтерновцев.

22 марта состоялась беседа секретаря ИККИ И.А. Пятницкого и П.А. Мифа с П. Гэндэном и З. Шижэе, которая, в частности, прояснила очень важный вопрос о дальнейшем представительстве ИККИ в Монголии. Пятницкий заявил, что, учитывая имеющийся опыт, «мы склонны к тому, чтобы попробовать не иметь там постоянного представителя», при этом «ЦК МНРП всегда может обращаться в Коминтерн по любому вопросу». Это означало, что многолетняя практика работы уполномоченных Коминтерна в Монголии закончилась. Курс брался на прямые

приоритеты двусторонних межпартийных связей (ВКП(б) — МНРП) и межгосударственных отношений (СССР — МНР). При реализации этой линии уполномоченному Коминтерна места уже не находилось. Другой вопрос, который оттенял Пятницкий во время встречи с монгольскими руководителями, — необходимость прекращения групповой борьбы. При этом он заметил, что «мы относимся одинаково и к Гэндэну, и к Шижэе, и к руководству в целом»⁴⁴.

Итогом переговоров явились резолюция Восточного секретариата по отчету ЦК МНРП от 31 марта 1932 г. (утверждена Политсекретариатом ИККИ 3 апреля) и Особое постановление Политкомиссии ИККИ о МНРП от 3 апреля 1932 г. В них затронуты многие вопросы, но, к сожалению, изложены они так, словно речь идет о стране, переживающей пору стабильности и покоя, и нет более важной задачи, чем добить «правых» и «феодалов», развивать и впредь колхозное движение. Не было главного — серьезной обеспокоенности внутривластным положением, острой тревоги по поводу происшедших событий и системы мер по нормализации обстановки. П. Гэндэну не удалось убедить советских и коминтерновских функционеров, что кризис в Монголии обострился до предела, что нужны глубоко продуманные срочные меры по предотвращению социального взрыва. Не удалось, на наш взгляд, потому, что в Москве все-таки недооценивали степень опасности сложившейся обстановки в Монголии, полагали, что все постепенно «обойдется», «утрается». Не удалось еще и потому, что другой представитель Монголии — З. Шижэе и в Москве оставался оптимистом, не разделял по-настоящему тревог Гэндэна и, тем более, его мрачных прогнозов.

А прогнозы уже становились реальностью. 1 апреля (т.е. когда принималась спокойная резолюция в ИККИ) пришла весть о восстании в Восточном аймаке. 14 апреля стало известно о восстании в Хубсугульском и Архангайском аймаках, которое перекинулось в Убурхангайский и Завханский аймаки.

В начале мая — мятеж в Южнобийском аймаке, неустойчивое положение — в Алтайском аймаке. Волнениями, переходящими в мятежи, была охвачена значительная часть территории страны. В них участвовали тысячи людей, и не только «японские шпионы» (были, очевидно, и такие), не только ламы и феодалы, но и многие араты, и часть колхозников, и даже некоторые члены МНРП и Ревсомола. В донесениях Государственной внутренней охраны сообщалось, что восставшие «грабят, разрушают кооперативы, колхозы и общественные организации. Активистов арестовывают, убивают...»⁴⁵. Повстанцы выступали с лозунгами свержения существующей власти, за устранение партии, ревсомола. Восстание не было стихийным, оно имело своих организаторов, которые опирались на широкое недовольство масс. А среди организаторов и идейных вдохновителей — крупные ламы и феодалы, намерения которых были понятны. Но слишком разношерстным был состав повстанцев, чтобы сводить все дело к ведущей роли крупных лам и «японских ставленников». Было немало и таких «мятежников», которые поддались общему порыву, но не хотели крайних мер, не хотели устранения власти, а хотели лишь «исправить» ее политику.

В боях против отрядов повстанцев были задействованы армейские части и подразделения ГВО, использовалась и советская помощь. Правительственные потери превысили 400 человек убитыми и замученными (у нас нет данных о потерях среди повстанцев). Страна понесла огромный материальный ущерб. Основные силы восставших к июлю были рассеяны, но полная ликвидация повстанческого движения завершилась лишь в октябре 1932 г.⁴⁶

Гэндэн и Шижээ в апреле вернулись в Улан-Батор. Вместе с Бадрахом (который снова оказался в больнице) и другими руководителями им пришлось возглавить борьбу с повстанцами за сохранение существующего государственного строя. Потребовались немалые усилия по мобилизации воинских частей, партийных и ревсомольских активистов, работников властных структур. Шел постоянный обмен информацией с Москвой

об изменениях в обстановке, о направлении советской помощи. Тревожные дни тогда переживал Улан-Батор. Ведь всякое могло случиться — усилят нажим повстанцы, проявят слабость цирики*, запоздает помощь из Советского Союза, активизируются японцы на востоке...

Гэндэн — весь в работе. Но и у него, по свидетельству Бадраха, однажды мелькнула мысль — а не примкнуть ли к повстанцам⁴⁷ и тем самым закончить кровопролитие, ведь приходится воевать не только с князьями и ламами, но и с простыми ара-тами... Полагаем, что если и было так, то это лишь мимолетная слабость, навеянная тягостным состоянием, усталостью... Нет, это был бы не выход. Гэндэн не мог не понимать, что восстание обречено. Плохо организованным, разношерстным, слабо вооруженным отрядам повстанцев противостояли регулярная армия, ГВО, государственные структуры, советская помощь. Выход был в другом — в кардинальной смене политического курса.

Президиум ЦК МНРП и правительство в то тяжелое время продолжали активно функционировать, хотя и не в полном составе — некоторые ответственные работники принимали непосредственное участие в операциях против повстанцев в аймаках. Выше уже говорилось о повседневной текущей работе, которую вели ведущие руководители республики. Добавим здесь, что 14, 25 мая, 1 и 13 июня 1932 г. состоялись заседания президиума ЦК МНРП. П. Гэндэн выступил на них с предложениями о первых мерах по устранению наиболее одиозных проявлений левацких перегибов. Предложения были приняты членами президиума⁴⁸.

Москва не осталась в стороне от чрезвычайных событий, которые переживала Монголия. Уже говорилось о необходимой помощи, которая была оказана оперативно, вовремя. Но главное — были приняты принципиально важные решения о пересмотре ЦК ВКП(б) и ИККИ прежней политики в отношении Монголии, о рекомендациях по смене внутривластного

* Цирик — солдат, боец.

курса МНРП. 16 мая 1932 г. вопрос о положении в Монголии обсуждался на заседании политбюро ЦК ВКП(б). 29 мая принято совместное постановление ИККИ и ЦК ВКП(б), которое в виде письма за подписью И.В. Сталина, Д.З. Мануильского, О.В. Куусинена было направлено в Улан-Батор в адрес ЦК МНРП. В письме вскрывались «серьезные ошибки», допущенные руководством МНР и содержались советы по их исправлению. Что касается роли ИККИ, советской стороны, то сказано было очень глухо, одной фразой о том, что советские инструкторы и советники, приглашенные помогать монгольским товарищам, не только плелись в хвосте событий, но и нередко помогали монгольским руководителям совершать ошибки⁴⁹.

В Улан-Батор в качестве представителя ЦК ВКП(б) и ИККИ срочно прибыл член президиума ЦИК СССР Ш.З. Элиава. Он принял активное участие в подготовке и работе III Чрезвычайного пленума ЦК и ЦКК МНРП, который состоялся 29–30 июня 1932 г. Его открыл Д. Лувсаншарав. Затем выступил Ш.З. Элиава. Он изложил основное содержание постановления ИККИ и ЦК ВКП(б) с соответствующими комментариями и пояснениями. Слово для доклада о внутривнутриполитическом положении МНР и задачах партии было предоставлено П. Гэндэну. Едва ли требуются особые пояснения, почему именно Гэндэну. Два других секретаря ЦК — О. Бадрах и З. Шижээ — леворадикалы, а П. Гэндэн — «новый правый», не скрывавший своего неприятия многих левацких начинаний. И потом — его авторитет, влияние, популярность... Так что появление П. Гэндэна на трибуне пленума было вполне естественно и ожидаемо.

П. Гэндэн в своем обширном выступлении прежде всего подчеркнул всю серьезность положения, наличие реальной угрозы самому существованию Монгольской Народной Республики. «Восстание, — говорил Гэндэн, — не могло возникнуть только в результате контрреволюционной агитации и при поддержке внешних врагов. Причины гораздо глубже... Значительная доля вины за перегибы и извращения ложится на ЦК, на большинс-

тво его работников, на партию в целом. Мы допустили целый ряд больших ошибок, которые должны исправить. Проводились мероприятия, которые не отвечают экономическому и культурному состоянию Монголии, данному этапу антифеодальной революции... Борьбу против феодализма мы подменили борьбой за развернутое социалистическое наступление. Мы подражали СССР, но условия другие...»

Далее Гэндэн подробно говорил о внутривнутрипартийной борьбе, о группе леваков, составлявших большинство в ЦК, и группе, выступавшей против левацкой политики. «И мы делали ошибки, и я в том числе, но имели ряд расхождений с «левой» группировкой. Ее ядро составляли Шижээ, Бадрах, Лааган, Дэндэв, Чимэд и другие. И здесь — важная деталь. Гэндэн заявил, что «духовным руководителем» леваков был Кучумов, что их работу, кроме него, направляли Черномордик, Нацов, Ванданов. Гэндэн, а за ним и другие, могли позволить себе открытую критику коминтерновских работников — сама атмосфера пленума, обстановка в стране звали к правде и откровенности. (К тому же, повторим, в постановлении ИККИ и ЦК ВКП(б) осторожное признание ответственности Коминтерна и советской стороны все же содержалось). В докладе большое место отведено изложению новых задач, раскрыта сущность поворота к принципиально новой политике.

В прениях выступили многие участники пленума. В их речах звучали боль за происходящее, признание ошибок и просчетов, надежды на будущее... Приведем краткие выдержки из выступлений секретарей ЦК. З. Шижээ, говоря о своих ошибках, о личной ответственности, налегал на то, что «не понимал действительной сути...», что «не только я, но и многие другие товарищи из ЦК ошибались...» Все же — «самая главная ошибка — это моя ошибка...» Как и Гэндэн, он не считал нужным скрывать ведущую роль в левых загибах коминтерновских работников — Кучумова, Черномордика, Полонского, Нацова. О. Бадрах заявил: «До последнего времени думал, что я безусловно прав в своих взглядах на

нашу политику». «До чего мы страну довели своей слепотой...», Шижээ — «грамотнее, развитее, образованнее меня», а тоже не разобрался. Упомянув, что все принципиальные вопросы согласовывал с Кучумовым и Черномордиком, он не стал снимать с себя ответственность за происшедшее. «Я руководил группировкой, но никогда не думал вредить революционному делу».

П. Гэндэн в заключительном слове отметил, что основные положения доклада одобрены участниками пленума. Он заявил, в частности: «В дальнейшем надо прекратить всякие разговоры о строительстве социализма в Монголии...» «Неправильно думать, что здесь произошла борьба между Гэндэном и Бадрахом — вопрос глубже и шире...»⁵⁰

Пленум принял развернутое постановление по докладу П. Гэндэна. В нем была дана принципиальная оценка «левому» уклону, решительно осуждены левацкие действия, отмечалось, что «партия в целом игнорировала экономические и национально-бытовые особенности Монголии. Она копировала политику и методы хозяйственно-политической работы СССР». Был сделан важный вывод о том, что МНР, в силу своих национальных особенностей, «может существовать лишь как народно-революционная, противоимпериалистическая буржуазно-демократическая республика нового типа, закладывающая основы для постепенного перехода на путь некапиталистического развития». Определялись основные политические ошибки партии: проведение сплошной коллективизации аратских хозяйств; ликвидация частной торговли; нарушение свободы религиозных верований; административное и экономическое давление на зажиточных аратов; подмена партийными организациями работы правительства и других органов власти; массовые нарушения законности; погоня за искусственным ростом численности партии.

В постановлении определялась система мер, которые должны были вывести страну из кризиса, указаны основные направления дальнейшей политики: развитие и поощрение частнохозяйственной инициативы населения; содействие частному

товарообороту, частной торговле; усиление внимания животноводству, содействие хозяйственной деятельности всех слоев аратства; пересмотр бюджетно-налоговой политики с учетом обеспечения нормального развития всех хозяйств; предоставление банковского кредита не только государственным и кооперативным предприятиям, но и индивидуальным хозяйствам и торговцам; недопустимость административных методов борьбы с религией; повышение полномочий правительства. «Национальное правительство должно руководить всей жизнью страны. Задача партии — мобилизовать массы вокруг решений правительства...»⁵¹

III Чрезвычайный пленум избрал новый состав партийного руководства. В Президиум ЦК вошли: П. Гэндэн, Г. Дэמיד, Б. Элдэв-Очир, Д. Лувсаншарав, Ж. Лхумбэ, Д. Намсрай, Р. Мэнд, Х. Чойбалсан, Ц. Жигжиджав, О. Равдан, Ш. Эрэнцэв. Лидеры «левых» — З. Шижээ, О. Бадрах, А. Лааган и другие — получили отставку. В секретариат ЦК были избраны Б. Элдэв-Очир, Ж. Лхумбэ, Д. Лувсаншарав.

В июле 1932 г. состоялась 17-я чрезвычайная сессия Малого хурала, законодательно закрепившая решения партийного пленума. Было принято постановление об амнистии, сыгравшее важную роль в нормализации обстановки. Все арестованные повстанцы, за исключением руководителей, освобождались. Освобождались и бывшие феодалы, осужденные по делам, связанным с конфискацией их имущества.

На сессии председателем президиума Малого хурала был избран А. Амар. Воздавалось должное заслугам известного национального демократа и патриота, косвенно признавалась правомерность его действий в прошлом. Премьер-министром и министром иностранных дел стал П. Гэндэн. Находившийся в составе руководства с 1924 г., он оказался наиболее стабильным и крепким политиком, неизменно одерживавшим верх над своими оппонентами. Он и в годы правления «левых» являлся «неформальным лидером», «центральной фигурой» в стране, одновременно пребывая в роли руководителя «новоправого»

меньшинства. Теперь, в 1932 г., его позиции значительно упростились. Принимая во внимание возросшую роль правительства, можно считать, что он как премьер-министр официально стал первым лицом Монгольского государства.

¹ Четвертый съезд МНРП (23 сентября — 2 октября 1925 г.). УБ., 1925, с. 55, 72, 102.

² РГАСПИ, ф. 144, оп. 1, д. 40, л. 117–121.

³ Там же, л. 39.

⁴ Там же, д. 40, л. 23, 26.

⁵ Там же, ф. 495, оп. 152, д. 46, л. 81, 83.

⁶ Там же, д. 48, л. 3–13.

⁷ Там же, л. 236.

⁸ Там же, д. 50, л. 79.

⁹ Там же, д. 54, л. 56–72.

¹⁰ Там же, д. 62, л. 3–9.

¹¹ Там же, д. 61, л. 38–40. Надо сказать, что и в Москве, и в Улан-Баторе не все разделяли столь пессимистические настроения советских и коминтерновских функционеров. Полпред СССР в МНР А.Я. Охтин, в отличие от коминтерновских представителей, оценивал обстановку в Монголии несколько иначе, более спокойно. Но верх брала другая, тревожная линия...

¹² Там же, д. 59, л. 50–51, 74.

¹³ Там же, д. 80, л. 10–14.

¹⁴ Там же, л. 23–30.

¹⁵ Г. Цэрэндулам. П. Гэндэн. Эцгийн тухай дурьтгал. УБ. 2000, с. 121–122. Мы сознательно привели столь подробную выдержку, чтобы вслед за Г. Цэрэндулам опровергнуть встречающиеся в литературе другие версии — якобы хромым П. Гэндэн был уже в 1924 г.

¹⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 66, л. 82–83.

¹⁷ Там же, л. 144.

¹⁸ Там же, д. 67, л. 153–154.

¹⁹ МАХН-ын долдугаар их хурал. Баримт бичиг, материалууд. УБ., 1980, с. 391–440.

²⁰ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 84, л. 1–9.

²¹ Подробнее см.: М.С. Капица, В.И. Иваненко. Дружба, завоеванная в борьбе (советско-монгольские отношения). М., 1965, с. 72–74.

²² БНМАУ-ын их бага хурлуудын тогтоол, Ундсэн хууль, Тунхгууд. УБ., 1956, с. 82–115.

- ²³ МАХН-ын их бага хурал, Тов Хорооны бугд хурлуудын тогтоол шийдвэр, I хэсэг, с. 260
- ²⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 88, л. 30–31.
- ²⁵ Там же, л. 70–72.
- ²⁶ История МНР, М., 1983, с. 358.
- ²⁷ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 89, л. 53–54.
- ²⁸ Там же, л. 91, л. 20–23.
- ²⁹ Там же, л. 85, л. 77–91.
- ³⁰ Там же, л. 98, л. 65.
- ³¹ Там же, л. 108, л. 59–254.
- ³² МАХН-ын их бага хурал, Тов Хорооны бугд хурлуудын тогтоол шийдвэр, I хэсэг, с. 297–298.
- ³³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 98, л. 265.
- ³⁴ Там же, л. 253.
- ³⁵ Там же, л. 256–258.
- ³⁶ Там же, л. 120, л. 169.
- ³⁷ Там же, л. 97, л. 32, 33.
- ³⁸ МАХН-ын их бага хурал..., с. 418–474.
- ³⁹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 120, л. 11–17.
- ⁴⁰ Там же, л. 63–79.
- ⁴¹ В то время практиковался прием отдельных монгольских работников в ВКП(б) и ВЛКСМ и соответственно некоторые советские специалисты привлекались к работе в монгольских партийных ячейках. В 1931 г. Восточный секретариат ИККИ принял решение воздерживаться впредь от приема монгольских граждан в ВКП(б), поскольку это «создает опасность организационного их обособления и отрыва от широких масс — членов МНРП» (Там же, л. 119, л. 64, л. 119, л. 64, 65, 112). Прием Шнжээ был уже исключением из общего правила.
- ⁴² Там же, л. 120, л. 169–242.
- ⁴³ Там же, л. 132, л. 29–32.
- ⁴⁴ Там же, л. 130, л. 123–134.
- ⁴⁵ Там же, л. 140, л. 15.
- ⁴⁶ Там же, л. 81.
- ⁴⁷ Там же, л. 153, л. 2.
- ⁴⁸ С. Ичинноров. Пэлжидийн Гэндэн. Узэл баримтал, уйл ажиллагаа. УБ., 1994, с. 17–18.
- ⁴⁹ Коминтерн ба Монгол. УБ., 1996, с. 393–398.
- ⁵⁰ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 133, л. 487–516.
- ⁵¹ Там же, л. 368–372; МАХН-ын их бага хурал..., с. 475–484.

Глава третья

Премьер-министр (1932–1936)

«Новый курс» и П. Гэндэн

Решения III Чрезвычайного пленума ЦК и ЦКК МНРП и 17-й сессии Малого хурала означали, что определен новый политический курс монгольского руководства. В современных монгольских изданиях даются разные характеристики сути этого курса. Нам наиболее близки определения, содержащиеся в коллективной монографии «Монголия двадцатого века» под редакцией М. Санждоржа и в пятом томе «Истории МНР». Кратко они сводятся к тому, что «новый курс» — это отказ от прежней, левацкой линии, возрождение политики национальных демократов¹. Действительно, «новый курс» сильно перекликался с тем, что пытались проводить Цэрэндорж, Амар, Дамбадорж, Жадамба и другие монгольские деятели в 20-е годы — формально в русле «некапиталистического развития», а фактически в интересах национальной демократии, укрепления национальных устоев и самобытности.

И все же это было не просто возрождение старой политики. Со стороны монгольского руководства это была попытка вернуться к ней, но в новых условиях, в другое время, на новом витке общественного развития. Отличий по сравнению с 20-ми годами было немало: «новый курс» провозглашен после левацких перегибов и потребовалось сначала много усилий по их устранению; усложнилась международная обстановка — к неурегулированности монгольско-китайских отношений прибавилось нарастание японской угрозы. Было устранено прямое вмешательство представителей Коминтерна, но зато укрепился приоритет межгосударственных и межпартийных советско-монгольских связей; «некапиталистическое развитие» при Гэндэне отодвигалось на отдаленную перспективу, характер развития

МНР и СССР отнюдь не совпадал. Вместе с тем, нельзя забывать, что выработка основных положений «нового курса» и их осуществление происходило при деятельном участии советских представителей. Советский Союз стремился помочь стабилизировать положение в Монголии, обеспечить ее поступательное развитие, но с учетом собственных интересов и планов. В результате получилось сочетание реализма и утопий, достижений и провалов, крепнущей национальной государственности и растущего внешнего воздействия.

Но нам здесь важно подчеркнуть, что основа, суть «нового курса» заключались в полном отказе от левацкой политики и ее последствий, реализации линии на всемерную поддержку частнохозяйственной инициативы аратства и других слоев населения, на развитие многоукладной экономики с преобладанием частного мелкотоварного сектора, на обеспечение свободы религиозных верований при ослаблении административного давления на церковь, на устранение подмены партийными структурами органов государственной власти в центре и на местах.

Творцом этой новой политики, ее главным организатором и исполнителем по праву стал премьер-министр П. Гэндэн. Почему все-таки Гэндэн? Разве не он боролся в 1926–1928 гг. против Дамбадоржа и Жадамбы, которых обвиняли в «правом уклоне» за то, что они, бывшие «левые», стремились максимально учесть национальные особенности и не торопиться с радикальными реформами? Разве не он, Гэндэн, вместе с членами «худонцкой» оппозиции, при поддержке Коминтерна, в 1928 г. одержал верх в политической борьбе с «правыми» и стал — под «левыми» лозунгами — секретарем ЦК МНРП? Разве не он в 1929 г. был одним из зачинателей левацкой политики? Это все так. Но правда и в том, что он, Гэндэн, будучи чистым прагматиком, практиком, не оторвавшимся от своих корней, человеком, далеким от теоретических дебрей, раньше других понял, что левацкая политика не соответствует потребностям аратов и интересам монгольского государства. Он понял, что она пагуб-

на, что ее надо менять. В 1926–1928 гг. он, вместе с художниками, в основном боролся за власть, еще не понимая всех тонкостей и отличий «правой» и «левой» политики, доверяя подсказкам посланцев Коминтерна, многие из которых, кстати, часто слабо разбирались в монгольской специфике и просто ориентировались на директивы ИККИ и политическую ситуацию в СССР. Но уже с конца 1929 г. Гэндэн и его сторонники отрезвели от первых успехов, оказавшись на вершине власти, и уже тогда он стал превращаться в «нового правого». Его знание действительности, весь его жизненный опыт, твердый характер диктовали такую линию поведения, которая отличалась от действий большинства ЦК, послушного исполнителя директивных писем ИККИ. Были, конечно, и мучительные колебания, были и моменты, когда ему приходилось идти вместе с большинством, поддерживать общую линию. Но в целом по своему умонастроению он оставался «новым правым», и был таковым в глазах других. Он еще не знал, как изменить положение, но в 1932 г., когда кризис перерос в открытое восстание, которое чуть было не смело власть, его власть, и когда собрался III Чрезвычайный пленум, он уже знал, как быть и что делать. Устранение всех последствий политики леворадикалов, максимальный учет опыта национальных демократов 20-х годов, последовательное выполнение решений пленума и сессии — отныне на это были направлены все его усилия. Он с головой окунулся в эту работу, считая ее правильной, справедливой, полностью отвечающей национальным интересам Монголии. И пока он был премьером, «новый курс» проводился, пусть с ошибками, огрехами, но проводился, особенно в сфере экономики и производительных сил.

П. Гэндэн поистине выстрадал право и обязанность быть главным организатором и исполнителем «нового курса».

Внутренняя политика правительства П. Гэндэна

После III Чрезвычайного пленума ЦК и ЦКК МНРП и 17-й сессии Малого хурала новое правительство во главе с П. Гэндэном немедленно приступило к реализации их решений. Прежде всего была организована широкая разъяснительная работа среди населения о причинах постигшего страну кризиса и о содержании новой политики государственной власти. В частности, важную роль сыграла представительная аратская конференция, созванная в июле 1932 г., на которую прибыли 400 аратов со всех концов страны. Заслушав и обсудив выступления руководства, делегаты, в свою очередь, вернувшись домой, вели долгие беседы с земляками о том, что узнали в столице. Повторим, что наказаниям подверглись лишь главари восстания, его рядовые участники не преследовались, были амнистированы.

Серьезную реорганизацию претерпела партия. Слишком много в ней оказалось случайных людей, принятых в последние годы буквально «по разнарядке». Была проведена основательная чистка. В партии тогда осталось 11,5 тыс. членов (вместо 42,8 тыс.)². Партийным организациям запрещалось прямое вмешательство в дела государственных учреждений. Одновременно велась и чистка госаппарата. В июле 1932 г. принято новое положение о выборах, которое, в частности, восстанавливало избирательные права зажиточных аратов. В конце года на основе этого положения состоялись выборы в местные органы власти. Были уточнены функции всех министерств и ведомств, расширены права и обязанности органов суда и прокуратуры.

В сфере экономики первейшая задача — остановить сокращение поголовья скота (за годы левацкого эксперимента оно уменьшилось на треть), обеспечить его дальнейший рост. Поощрение частнохозяйственной инициативы аратов и другие меры создавали необходимые условия для решения этой жизненно важной задачи. В развитие постановлений пленума и сессии

правительство и Малый хурал в 1932–1933 гг. приняли ряд законодательных актов, направленных на нормализацию положения в сельском хозяйстве. Прежде всего были распущены насильственно созданные колхозы (артели и коммуны). Допускалась деятельность лишь простейших кооперативов по совместному проведению некоторых видов работ в животноводстве и земледелии. При роспуске колхозов скот и имущество распределялись между аратами в соответствии с размером внесенного ранее пая. Был принят новый закон о скотоводческом налоге, существенно облегчавший положение аратских хозяйств. В 1933 г. от уплаты налога освобождались свыше половины всех хозяйств, одна треть их получила различные льготы. Расширилось предоставление кредитов всем категориям хозяйств. Было утверждено положение о найме рабочей силы частными хозяйствами — состоятельные араты теперь могли на законных основаниях нанимать работников (в установленных пределах). Разрешалась свободная частная торговля на внутреннем рынке — этим правом обладали и аратские хозяйства, и частные торговцы (число последних стало быстро расти).

П. Гэндэн выступил с инициативой возродить в новых условиях лозунг «обогащайтесь» (впервые он выдвигался в МНР в 1926 г., но ненадолго — из-за отрицательной реакции в Советском Союзе). Глава правительства говорил на IV пленуме ЦК МНРП в октябре 1933 г., что призыв «обогащайтесь» «направлен к тому, чтобы поднять на должную высоту индивидуальное аратское хозяйство...»³. П. Гэндэна активно поддерживал А. Амар: «Нельзя ограничивать обогащение монголов. Не надо бояться, что при этом могут зарождаться капиталисты, имеющие тысячи голов скота, скот надо увеличивать...»⁴ Все это, несомненно, способствовало оздоровлению и стабилизации социально-экономической обстановки в стране, улучшению жизни народа. Поголовье скота увеличивалось (к 1934 г. оно возросло на 3,5 млн. голов)⁵, укреплялось доверие аратов и всего населения к политике государства.

Правительство уделяло большое внимание активизации процесса превращения экономики МНР из моноотраслевой в многоотраслевую. Были достигнуты заметные сдвиги в развитии промышленности, строительства, современного транспорта, связи и торговли. В 1933–1934 гг. были сданы в строй такие крупные предприятия, как шерстемойная фабрика в Хатгале, Уланбаторская ТЭЦ, промкомбинат в Улан-Баторе, объединивший ряд цехов по обработке животноводческого сырья. Велись геологоразведочные работы с перспективой развития горнорудной отрасли. Успешно работала кустарно-промысловая кооперация. В грузоперевозках повышался удельный вес автомобильного транспорта, число автомашин в 1934 г. увеличилось вдвое против 1932 г. С 1933–1934 гг. началась радификация страны. В 1934 г. заработала центральная радиостанция в Улан-Баторе. В выступлении П. Гэндэна по монгольскому радио в сентябре 1934 г. говорилось о той большой роли, которую призвано играть радио и как средство связи, и как надежный информатор и проводник культуры среди населения.

И все же важнейшей задачей в области культуры оставалась борьба за ликвидацию неграмотности. В те годы подавляющее большинство населения все еще были неграмотным (в 1935 г. грамотных насчитывалось менее 6%)⁶, большая часть детей, если и училась, то в монастырских школах, поскольку светских школ было слишком мало. Государство стало выделять все больше средств на строительство школ для детей в аймаках и использовало разнообразные формы (домашние школы, кружки, курсы и пр.) для обучения грамоте взрослого населения. Не меньшего внимания требовало здравоохранение, слишком большой урон наносили болезни, отсутствие квалифицированной медицинской помощи. В стране постепенно увеличивалось число больниц, фельдшерских пунктов, расширялась подготовка медицинских кадров.

Отдельно необходимо сказать об отношениях правительства с ламаистской церковью, монастырями. Ламство оставалось

многочисленным, сильным сословием (оно насчитывало до 100 тыс. человек), оказывавшим большое влияние на устроение и всю жизнь аратов. За годы народной власти духовные и хозяйственные позиции монастырей серьезно ослабли и все же они выглядели пока достаточно прочными. Слабость, уязвимое место ламства заключались в том, что оно было далеко неоднородным. Тон задавали верхи, высшие иерархи, а средние и особенно низшие ламы находились в подчиненном, зависимом положении, причем многие из них часто жили вне монастырей и были близки аратам. И все же это отдельное, в прошлом привилегированное сословие, за которым стояли вековые традиции и сила религии, настороженно, да и просто враждебно было настроено к действующей власти, что наиболее открыто проявилось в 1932 г.

П. Гэндэн исходил из того, что нельзя не считаться с ламством, что тут требуются особые подходы. Выходец из глухого худона, впитавший с молоком матери почитание религии и уважение к ламам, он был сторонником осторожной, лояльной, мягкой политики в отношении монастырей и ламства. Он понимал, что Москва в итоге не приемлет такую линию (хотя временно, по тактическим соображениям, может пойти навстречу — все-таки «новый курс»). Но, повторим, в принципиальных вопросах он был тверд, несговорчив, его влияние на принятые в 1932–1933 гг. законы в отношении церкви ощутимо.

Прежде всего был прекращен насильственный перевод лам в светское состояние, теперь они могли вернуться к прежнему положению священнослужителей. Упорядочилось налогообложение, по новому закону о монастырском налоге он взимался только с поголовья скота, имущество монастырей и предметы культа налогообложению не подлежали. Укреплялся дифференцированный подход к различным слоям ламства, в том числе и при налогообложении: наиболее высокие налоги устанавливались для высших лам. И, конечно, подтверждался конституционный принцип обеспечения полной свободы религиозных

верований для всех граждан МНР.

Определенные изменения в сторону ужесточения политики в отношении ламства произошли в конце 1934-го и особенно в 1935-м. Был принят новый закон об отделении религии от государства, по которому запрещалось выявление новых хубилганов, передача по наследству имущества высших лам, строительство новых монастырей. В монастыри запрещалось принимать детей и подростков, не достигших 18 лет, а для лиц, достигших этого возраста, при поступлении в монастырь вводились ограничения. Цель была ясна — устранить главный источник пополнения ламства. При крупных монастырях учреждался штат специального представителя правительства. При ЦК МНРП образована специальная комиссия по работе среди ламства, а при ГВО — Управление по делам религии. Значительно увеличивались и без того высокие налоги на монастырские хозяйства, особенно с высших лам.

Среди священнослужителей усилилось глухое брожение, шли протесты в адрес правительства и его главы П. Гэндэна. Не знали еще ламы, что ждет их впереди...

А Гэндэн в принятии жестких решений в конце своего премьерства был повинен менее других. При всей своей стойкости он вынужден был уступать в силу ряда складывающихся обстоятельств, его позиции и возможности слабели, он уже не мог, как прежде, контролировать ситуацию. И все же, несмотря на все перипетии, ламство как сословие при Гэндэне продолжало существовать...

Политическая жизнь в годы «нового курса» была сложной, переменчивой. В руководящей элите единства не было, общее согласие при выработке решений и их реализации достигалось с трудом. Одни, в первую очередь сам Гэндэн, искренне верили, что «новый курс» — «всерьез и надолго», ибо он отвечает национальным интересам, потребностям народа, другие считали, глядя на события в Советском Союзе, что проводимая политика — явление временное, своеобразный тактический маневр. Лидерство

Гэндэна вроде бы никем не оспаривалось, но как-то незаметно, постепенно формировалась оппозиция премьеру, его «авторитарным» методам. Весьма негативное влияние на политический климат оказывало то, что уже в 1933 г. возникли первые признаки того зловещего, что в полной мере проявилось в 1937 и последующих годах.

Обратимся, в связи со сказанным, к работе IV пленума ЦК МНРП (октябрь 1933 г.) и 18-й сессии Малого хурала (март 1934 г.). На них подводились первые результаты «нового курса». Они были вполне положительными, это отмечали все выступавшие. Программа, намеченная в середине 1932 г., успешно выполнялась — и в сфере экономики, и в области культуры, и в деле укрепления обороны. Руководству было в чем отчитаться, оно в этом отношении вело правильную, продуманную линию. С воодушевлением, например, было выслушано следующее высказывание А. Амара: «Каждый монгол должен поставить своей главной задачей защиту монгольской государственности, своей нации, оборону своей страны, каждый должен учиться своей национальной грамоте, каждая семья, каждое хозяйство должны стремиться к развитию своего частного хозяйства»⁷. Но уже тогда не всем партийным функционерам нравилось то, что П. Гэндэн настойчиво повторял мысль о необходимости строгого разграничения функций партийных организаций и органов государственной власти, о повышении роли правительства и других властных структур в жизни страны. Он говорил на пленуме: «Партия должна помогать проводить в жизнь законы правительства, мобилизовать массы. Решения Совета Министров должны быть обязательны не только для местных органов власти, но и для партийных органов...»⁸.

1933–1934 гг. были омрачены напумевшим «делом Лхумбэ», затронувшим тогда очень многих — и простых людей, и видных деятелей. Его истоки связаны с обострением международного положения вокруг Монголии. Японская военщина вторглась на азиатский континент, захватила Маньчжурию,

в 1932 г. было создано марионеточное государство Маньчжоуго. Напряжение на восточных границах Монголии нарастало. Укрепление обороноспособности, борьба с происками иностранных разведок, повышение бдительности — все это было естественной ответной реакцией монгольского государства на создавшуюся обстановку. Но эта реакция у инициаторов «дела Лхумбэ» приобрела явно неадекватный, нездоровый характер. Под предлогом борьбы с «японскими шпионами», с готовящимся «заговором» против действующей власти с мая 1933 г. начались массовые аресты среди бурятских иммигрантов, покинувших Советскую Россию в годы гражданской войны. Преследованиям подверглись также «неблагонадежные» партийные и государственные работники, а также бывшие «левые», руководившие страной в 1929–1932 гг. В орбиту этого «дела» в той или иной степени попали около 2 тыс. человек. Судили 316 человек, из них расстреляны 56, а 260 приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Свыше 700 бурятских хозяйств выдворены с территории Монголии⁹. Бадрах, Шижээ, Шархуу и некоторые другие отправлены в Советский Союз. Бывший премьер Жигжиджав (тоже оказался «сообщником» Лхумбэ) погиб от несчастного случая. Глава «заговора» Ж. Лхумбэ после долгого и мучительного следствия был расстрелян в июне 1934 г.

Трудно понять, почему инициаторы «дела» выбрали в качестве руководителя «заговора» Ж. Лхумбэ. Он был широко известен в стране, работал секретарем ЦК МНРП, председателем Центрального совета профсоюзов. Окончил КУТВ в Москве, был твердым сторонником монголо-советского сотрудничества. И вдруг — главный «японский шпион», главный «заговорщик», тесно связанный с «контрреволюционной бурятской эмиграцией». Чем он помешал советским чекистам, если почин за ними? «Гайна сия великая есть...» С другой стороны, Лхумбэ, Гэндэн, Намсрай — земляки, все трое из Убурхангая. По сведениям Б. Баабара, Гэндэн и Лхумбэ дружили во время VII съез-

да МНРП и первое время после него. Отношения разладились в 1930 г.¹⁰ (напомним, Гэндэн — «новый правый», и вообще в руководстве тогда шли жаркие споры). С тех пор они часто ссорились. Но ведь в 1932 г. Лхумбэ был избран секретарем ЦК, все трое вошли в состав президиума ЦК МНРП и, казалось бы, вместе трудились над общими задачами...

В современных монгольских изданиях история «дела» трактуется неодинаково, в одних основная вина возлагается на инструкторов НКВД¹¹, в других — на Гэндэна и Намсрая¹². При этом почти все авторы делают соответствующие оговорки. Так, С. Ичинноров, который ответственными за это «дело» считает советских инструкторов, в то же время замечает: Гэндэн «виноват, что как премьер не смог принять меры остановить это дело, установить контроль над деятельностью ГВО в отношении Лхумбэ»¹³. С этим нельзя не согласиться.

Сказанное дополним упоминанием о том, что в сборнике «Монголын тухай БХК(б) Н-ын баримт бичигт, II боть» (с. 22–23) содержится важный документ — сообщение Сталину из Улан-Батора от 27 июля 1933 г. об аресте Лхумбэ. Арест в целом обосновывался подозрениями о связях Лхумбэ с японцами, с «заговорщиками». Причем получается такая последовательность: советник ГВО рекомендовал Намсраю поставить перед монгольским руководством вопрос об аресте Лхумбэ. И он был арестован по решению Гэндэна, секретарей ЦК и военного министра. В общем-то, ясно, что «дело Лхумбэ» было сфабриковано, искусственно раздуто. И, очевидно, вина лежит и на советских инструкторах, и на монгольских руководителях.

«Дело Лхумбэ» имело самые отрицательные последствия. Трагедия многих семей отозвалась горькой болью в широких слоях населения. «Дело» посеяло семена недоверия (пусть временно) между халхасцами и бурятами (Б. Баабар в этом прав)¹⁴. Ухудшились отношения в руководстве, усилилась взаимная подозрительность. И самое главное — был сделан начальный, первый шаг к «большому террору», жертвами которого впослед-

твии стали и Гэндэн, и Намсрай, и многие, многие другие...

Крупнейшим политическим событием в годы премьерства П. Гэндэна стал IX съезд МНРП (28 сентября — 5 октября 1934 г.). В его работе участвовали 242 делегата от 7976 членов партии¹⁵. Прибыли гости из Москвы — члены Президиума ИККИ Б. Шмераль и В. Коларов, а также заместитель наркома иностранных дел, председатель Монгольской комиссии политбюро ЦК ВКП(б) Г.Я. Сокольников. До открытия съезда они имели беседы с П. Гэндэном, Д. Лувсаншаравом, А. Амаром. Монгольские руководители подчеркивали, что прошлые «ошибки исправлены, новая политика вполне отвечает нашим условиям, интересам народа». П. Гэндэн, касаясь отношений с Коминтерном, отметил неправильные представления отдельных товарищей, которые не проводят различий между ошибками того или иного представителя Коминтерна и позицией Коминтерна в целом. «Нет ничего, что бы затрудняло наши отношения к Коминтерну. У меня были конфликты с некоторыми работниками Коминтерна, но мы никогда не колебались в нашей вере в Коминтерн». О внутренних проблемах: «Теперь нет препятствий для хорошей совместной работы ЦК и правительства... Наше партийное и государственное руководство единое, монолитное. Такого единства никогда не было»¹⁶. (Похоже, несколько преувеличивал П. Гэндэн, говоря о «монолитном единстве»...)

С отчетным докладом ЦК на съезде выступил П. Гэндэн. Он тогда не руководил непосредственно работой ЦК, и все же отчитываться пришлось ему — по праву и обязанности первого лица в партии и государстве (впоследствии эта практика повторилась: премьер-министр Х. Чойбалсан выступал с политотчетами ЦК на X и XI съездах партии, не будучи секретарем ЦК). Докладчик подробно говорил обо всех перипетиях и потрясениях, постигших страну после VIII съезда, о преодолении ущерба, нанесенного левацкими извращениями, о развитии народного хозяйства и культуры в условиях «нового курса»,

о международной обстановке. Выделим некоторые положения доклада¹⁷. «Нашей главной задачей являлось и является, прежде всего, защита национальной независимости против иностранных захватчиков, продолжение революционной борьбы против феодалов и реакционного ламства». «Новый курс не есть какая-то особая, новая политика, это — исправление допущенных ошибок..., проведение той линии, которую партия приняла с первых дней своей революционной борьбы», это не отступление, не переход на позиции правых, «новый курс» предполагает закладывание основ для постепенного перехода на путь некапиталистического развития. Вместе с тем Гэндэн подчеркивал, что МНР — буржуазно-демократическая республика, в ней, наряду с новыми формами хозяйства, должны существовать и развиваться частное аратское скотоводство, частная торговля и кустарные промыслы. Он особо отметил значение мер по развитию частнохозяйственной инициативы, вновь вернулся к лозунгу «обогащайтесь», который, по его словам, имеет целью «неограниченный рост частного кочевого скотоводческого хозяйства», повышение благосостояния аратов. «Это является основой экономического укрепления буржуазно-демократической республики нового типа». Лозунг направлен к поднятию и обогащению «зажиточных, середняцких и бедняцких хозяйств без всякого различия». Касаясь проблемы религии и ламства, Гэндэн выступил за обеспечение полной свободы религиозных верований, за дифференцированный подход к различным слоям ламства, за постепенное привлечение лам к производительному труду. Он говорил о несовместимости «идей партии и религии» («реакционное ламство ... висит над страной политическим и экономическим грузом»), о борьбе внутри ламства, о необходимости помогать низшим ламам. При этом, отмечалось в докладе, следует запретить вмешательство работников государственных и партийных организаций в хозяйственные и административные дела монастырей (уже в 1935 г. об этом «запрете» не было речи), подтверждалось, что «члены партии, желающие испол-

нять религиозные обряды, могут их исполнять».

Докладчик не обошел молчанием «дело Лхумбэ», увязав его со сложной международной обстановкой, японской экспансией на континенте. Отмечалось, что «японские империалисты в своих захватнических действиях опираются на контрреволюционеров внутри страны». «Мы имеем ряд контрреволюционных заговоров, которые были вскрыты и ликвидированы органами ГВО. Последний заговор мы ликвидировали недавно, причем в нем участвовала группа руководящих работников, в том числе бывший секретарь ЦК Лхумбэ, этим заговором руководили фактически японцы, он ставил своей задачей ликвидировать национальное революционное правительство и восстановить власть феодалов, а фактически Японии. Эти предатели народа готовили гибель нашей свободе, нашей независимости...» (Такой была официальная трактовка — в духе того времени).

Большое место в докладе было отведено проблемам партийного строительства, роли партии, ее взаимоотношениям с правительством и другими органами государственной власти. Это понятно: то был отчет ЦК партии, а не премьер-министра о работе правительства. И другой, очень важный момент: по мнению представителей ИККИ и некоторых партийных функционеров, в последние годы наблюдалось явное снижение авторитета партии (реакция на левацкие загибы) и следовало внести ясность в вопрос о ее месте в общественной жизни в условиях нового курса. Докладчик ответил на этот вопрос так: «Партия является и будет являться и впредь руководителем монгольской национальной революции». Необходимо повышать авторитет партии, крепить ее единство. «Партия не вмешивается во внутренние дела государственных органов, а руководит ими, давая общие политические директивы». И снова та же мысль: партия должна осуществлять политическое руководство, но не командовать работой государственных органов, не подменять их. В политотчете подчеркивалась необходимость укрепления дружбы и сотрудничества с СССР. «Наша борьба, — говорил

П. Гэндэн, — проходила и проходит при неизменной дружеской помощи Советского Союза».

Для П. Гэндэна это был уже второй отчетный доклад на партийных съездах. Первый — на VII съезде, в 1930 г., — нес на себе печать давления со стороны представителей ИККИ, левацкого большинства в ЦК, и содержал обилие таких положений, с которыми Гэндэн, «новый правый», едва ли внутренне был согласен. Зачитывая отчетный доклад на IX съезде, Гэндэн, убежденный сторонник «нового курса», во многом был самим собой. Разумеется, он не был полностью свободен в построении доклада и на этот раз. Это ведь был коллективный отчет (Д. Лувсаншарав заявил в прениях, что он «в равной мере несет ответственность за этот доклад»). Приходилось учитывать разные точки зрения, те настроения, с которыми приехали гости из Москвы и которые разделялись иными партийными деятелями в МНР. И все же, полагаем, Гэндэн был основным автором отчета, его содержания, тональности. Он сумел выделить главное, что владело им больше всего, — активно продолжать принятый курс, всемерно поддерживать частное аратское производство и частнохозяйственную инициативу, не чураться лозунга «обогащайтесь», повышая роль и значение партии, в то же время не снижать авторитет правительства, умеренно, продуманно подходить к решению ламского вопроса и т.д. Вместе с тем в отчете, естественно, можно обнаружить и такие положения, формулировки, акценты, которые явились плодом компромиссов с другими составителями этого документа.

В целом съезд проходил в атмосфере доброжелательности и согласия. Все выступавшие поддерживали внутреннюю и внешнюю политику руководства, основные положения отчетного и других докладов, сообщали об обстановке на местах, о своих проблемах¹⁸. Выступили и члены президиума ЦК. Секретарь ЦК Б. Элдэв-Очир из-за болезни не смог присутствовать на съезде, его речь делегаты слушали по радио. Говоря о взаимоотношениях партии с правительством, он заметил, что

во время перегибов партия командовала, а правительство было дискредитировано, что ныне партия должна осуществлять руководящую роль, не вмешиваясь в повседневную работу правительства. О лозунге «обогащайтесь» он сказал: «политика свободного обогащения, которую мы сейчас проводим, вытекает из основных политических задач сегодняшнего дня». Другой секретарь ЦК Д. Лувсаншарав подробно говорил о ведущей роли партии, о недостатках в партийном строительстве (неудовлетворительная постановка работы по приему новых членов, слабая дисциплина и т.д.), о раскрытии «контрреволюционных заговоров». Последнему вопросу посвятил свое выступление начальник ГВО Д. Намсрай. Он, в частности, заявил: «Империалисты опираются в первую очередь на бурят, изменников Октябрьской революции, осевших в МНР. Контрреволюционные элементы все глубже проникали в партию и к власти. Они кричали о социализме, а занимались провокациями, мutilировали руководство партии и власти, вызывали споры...» (начальник ГВО исправно нес службу и знал, что говорить на съезде...). Военный министр Г. Дэвид поднял актуальные проблемы укрепления обороноспособности страны.

Общие, или сходные, оценки обсуждавшихся вопросов были налицо. И в то же время, при внимательном взгляде, нельзя не заметить, что «монолитное единство» и в руководстве, и среди делегатов отсутствовало. И это было естественно. Неизбежны разные подходы, те или иные отличия, они пока не афишировались, но они существовали. В качестве примера отметим, что трудно стыковались положения идеологически выдержанного доклада Д. Лувсаншарав о развитии культуры и выступление А. Амара, которого при желании легко можно было уличить в националистическом уклоне. Он, в частности, сказал: «Если мы забудем свой национальный язык и примем язык других народов, то погибнет монгольская нация. Если мы забудем свою национальную письменность и примем письменность другой страны, то придем в упадок и погибнем...»¹⁹. Не случайно Х. Чойбалсан

в своем приветствии съезду из Москвы заметил: «Наша партия на протяжении 13 лет, при многих трудностях и колебаниях ее руководящего ядра, в основном выполняла и в дальнейшем выполнит полностью задачи, стоящие перед трудящимися МНР»²⁰. Вероятно, говоря о «колебаниях», он имел в виду не только прошлое, но и настоящее...

На съезде выступили и представители ИККИ. Главный тезис их выступлений — укреплять роль и авторитет партии. Б. Шмераль говорил что МНРП — «руководящая, организующая сила». «Недостаточный рост авторитета партии — слабое место в общем хорошем развитии». «Партия руководит политически, правительство, на основе этого политического руководства партии, управляет страной». В. Коларов отмечал: «Необходимо укреплять и в дальнейшем авторитет МНРП и народного правительства, поддерживая правильные взаимоотношения между ними, основанные на здоровом проявлении руководящей роли партии»²¹.

Съезд закончился принятием резолюций по отчетному докладу ЦК и другим докладам. Были отменены левацкие решения VIII съезда и утверждены постановления III Чрезвычайного пленума. Предписывалось «новый курс проводить в жизнь еще более углубленно, пункт за пунктом». «Поручить ЦК осуществлять систематическое руководство государственными органами со стороны партии...» Обращалось «особо серьезное внимание на вопросы борьбы против опасности со стороны внешних империалистов и связанной с этим вредной деятельности внутренних контрреволюционных элементов». В резолюции по политотчету отражены и другие принципиальные положения, кроме, пожалуй, одного: призыв «обогащайтесь» не упоминается²². В новый состав ЦК был избран 51 человек. В президиум ЦК вошли: А. Амар, П. Гэндэн, О. Дашчирав, Г. Дэמיד, Х. Лувсандорж, Д. Лувсаншарав, Р. Мэнд, Д. Намсрай, Х. Чойбалсан, Б. Элдэв-Очир, Д. Яндаг. Секретарями ЦК были избраны Б. Элдэв-Очир, Д. Лувсаншарав, Х. Лувсандорж.

В декабре 1934 г. состоялся VII Великий народный хурал. Основными докладчиками были А. Амар и П. Гэндэн, рассмотревшие важные вопросы развития страны в свете решений IX съезда МНРП. Много внимания, в частности, уделялось вопросу о ламах. П. Гэндэн подчеркивал, что, в связи с принятием нового, более жесткого закона об отделении церкви от государства, необходимо усилить контроль за выполнением монастырями и высшими ламами этого и других законов, при этом высвободить низших лам из-под влияния церковных иерархов, предоставлять рядовым священнослужителям различные льготы. На состоявшейся после VII Великого народного хурала сессии Малого хурала П. Гэндэн был вновь избран премьер-министром и министром иностранных дел.

1934 год — пик политической деятельности П. Гэндэна, его работы как премьер-министра и члена президиума ЦК. На партийном съезде его имя, пожалуй, упоминалось чаще других, и не только потому, что он выступил с отчетным докладом ЦК, а прежде всего потому, что делегаты видели в нем главного руководителя страны и не упускали случая выразить ему свое уважение и признательность. Приведем несколько примеров. Г. Дэmid: «руководитель нашей революции уважаемый товарищ Гэндэн...». Элия (Улан-Батор): «III пленум ЦК под мудрым руководством уважаемых товарищей Гэндэна и Элдэв-Очира...» Представитель профсоюзов Норовсамбу в конце речи воскликнул: «Да здравствуют товарищи Гэндэн, Элдэв-Очир, Лувсаншпарав, Дэmid!» (знал профсоюзный деятель, кто первый в стране, а кто второй, третий...). Б. Шмераль, выразивший от имени делегации ИККИ полное согласие с содержанием доклада Гэндэна, обронил и такую фразу, что на VII съезде (в 1928 г.) «я помогал вашей борьбе против правой опасности, борьбе, которую правильно тогда, под руководством т. Гэндэна, вела хундонская оппозиция»²³.

Казалось, что положение П. Гэндэна как ведущего лидера МНР прочно, он может чувствовать себя уверенно, спокойно.

Но это только казалось... Внутренняя и внешняя обстановка была очень сложной, противоречивой. Признаки неблагополучия в личной судьбе Гэндэна постепенно, для многих незаметно, накапливалась уже тогда...

Б. Шмераль и В. Коларов по возвращении в Москву направили 29 октября 1934 г. в ИККИ свой отчет о пребывании в Улан-Баторе. Шмераль неплохо знал Монголию и ее лидеров, он, напомним, весьма активно участвовал в подготовке и проведении VII съезда МНРП и позже следил за событиями в этой стране, а теперь участвовал в работе IX съезда. Коларов до поездки в Улан-Батор тоже достаточно глубоко вникал в «монгольские дела». Наблюдения этих опытных, эрудированных политиков заслуживают внимания и доверия, хотя, возможно, в чем-то субъективны. Записка, на наш взгляд, представляет значительный интерес для понимания общей ситуации в партии и государстве, расклада сил в ЦК МНРП. Содержание ее сводится к следующему. Авторы констатируют прежде всего, что «обстановка в стране заметно улучшается», что сомнений в правильности «нового курса» не наблюдается. Внутрипартийное положение у делегатов ИККИ особой тревоги не вызвало. Вместе с тем они отмечают наличие определенных расхождений по отдельным вопросам среди членов президиума ЦК. С одной стороны — Гэндэн, Намсрай, с другой — Элдэв-Очир, Лувсаншарав, Дэмид. Эти группы не совсем одинаково понимают лозунг «обогащайтесь» (Гэндэн придает ему слишком большое значение, постоянно его подчеркивает, Элдэв-Очир и другие предпочитают более ограниченное толкование сути этого призыва). Они не едины в трактовке роли партии и органов государственной власти, их взаимоотношений (Гэндэн — за дальнейшее усиление значения правительства, государственных органов, секретари ЦК — призывают укреплять авторитет партии). У Гэндэна есть и другие «грехи» — он за то, чтобы в Улан-Баторе были полпреды не только СССР, но и некоторых иных стран, за развитие торговли с другими государствами, он выра-

жает недовольство действиями отдельных советских инструкторов, он критически отзываясь о деятельности некоторых представителей Коминтерна и т.д. Но при этом Шмераль и Коларов подчеркивают, что необходимо считаться с Гэндэном, сотрудничать с ним, влиять на него. Не подлежит сомнению, полагают они, что Гэндэн — «самая крепкая и авторитетная фигура» среди монгольского руководства. «Большинство министров и большинство членов Президиума ЦК идет за ним. Его ценят и те руководители, которые не входят в его группу. Он пользуется авторитетом среди аратских масс, он — самая популярная фигура в стране сейчас». И тут же представители ИККИ снова оговариваются, что «его отношение к СССР и Коминтерну не такое, чтобы мы могли рассматривать его как дисциплинированного исполнителя любой директивы из Москвы. Он... очень дорожит своим постом премьера независимого государства». Где же выход? Шмераль и Коларов считают, что надо иметь запасной вариант — ориентация на вторую группу, поддержка ее, если придется поправлять Гэндэна. Амара они не берут в расчет — он «на самом правом крыле партии, несмотря на ряд личных достоинств, — не может объединить партию и обеспечить нашу линию». Против Гэндэна «в случае необходимости» можно выдвинуть Элдэв-Очира, Лувсаншарава, Дэмида. По мнению авторов записки, эти деятели «способны защищать нашу точку зрения». Но разжигать рознь нежелательно. «Целесообразно, чтобы Гэндэн и дальше остался основной фигурой в партии и правительстве, но чтобы он был окружен такими лицами и обставлен такими организационными мероприятиями, которые не позволили бы ему, если бы даже он хотел, пойти вразрез с линией Коминтерна». Авторы записки отвергают подозрения в японофильстве Гэндэна. «Наше впечатление: Гэндэн как выразитель стремления аратов к национальной независимости боится как бы не стать «инструментом» в руках СССР и поэтому отношение к нему сложнее, чем к Элдэв-Очиру и Дэмиду. Но корнем этого не является сознательная японофильская ориента-

ция, а его мелкобуржуазный революционный национализм». И далее: «У Гэндэна есть качества и склонность к единоличному командованию. Его отношение к СССР и Коминтерну сдержанное, основанное на трезвом учете выгод. Но, по нашему мнению, у него нет японской ориентации и нет твердой внутренней решимости работать за осуществление единоличной диктатуры...» Общий вывод авторов записки: «Сделать все, чтобы Гэндэна притянуть ближе. Поддержать выбранное на съезде руководство... Не вводить резерв (т.е. Элдэв-Очира, Дэмида, Лувсаншарава и др.) в активную борьбу против Гэндэна и брать курс на то, чтобы в ближайшее время это не стало необходимым». И весьма примечателен другой вывод: «И вторая группа может не вполне оправдать наши надежды»²⁴.

Для 1934 г. соображения делегатов ИККИ выглядели вполне обоснованными. Но уже в 1935 г. развитие событий пошло по иному сценарию, чем они предполагали («целесообразно, чтобы Гэндэн и дальше остался основной фигурой...»). Позиции Гэндэна начали постепенно слабеть, и чем дальше, тем больше. Прежде всего, значительно усиливалась активность партийных функционеров. После IX съезда фактически руководителем партии стал Д. Лувсаншарав (Б. Элдэв-Очир по состоянию здоровья не мог работать в полную силу, а Х. Лувсандорж был слишком молод и малоопытен). Он долгое время был ламой, в светское состояние перешел в 1924 г. (ему тогда было 24 года). В 1925 г. вступил в МНРП. Учился в улан-баторской партшколе и в КУТВ'е в Москве. Делегат VII, VIII, IX съездов МНРП. Стал известен с VIII съезда (1930 г.), на котором выступал за укрепление единства, против группировок. Как человек был честолюбив, не отличался твердостью и выдержкой, был недостаточно деловит, но считался неплохим организатором, а также специалистом по ламскому вопросу. Как представляется, не был самостоятелен в своих действиях, обычно шел за главным лидером. На фоне сильного Гэндэна, «хозяина», Лувсаншарав был мало заметен. Но с IX съезда положение стало меняться. На съезде

он был весьма активен. Выступил с обстоятельным, подробным докладом о развитии национальной культуры, в котором были рассмотрены все назревшие вопросы культурного строительства, участвовал в прениях по политотчету, председательствовал на некоторых заседаниях съезда, произнес речь при его закрытии. В решениях съезда, повторим, подчеркивалась ведущая, руководящая роль партии, указывалось на необходимость повышения ее авторитета. Данную мысль настойчиво повторяли представители ИККИ Б. Шмераль и В. Коларов. Это развязало руки партийным функционерам. Многие из них и раньше были настроены против «чрезмерного» усиления государственных учреждений, в первую очередь правительства, за укрепление приоритетов ЦК и партийных организаций. Но тогда, до съезда, выступать открыто против Гэндэна, как правило, не решались. Иное дело теперь, в 1935 г. Критиковать слабеющего Гэндэна стало не только возможным, но и необходимым. Премьер, конечно, защищался, всячески отстаивал свою правоту. Споры шли по принципиальным вопросам внутренней и внешней политики. Противоречия между Лувсаншаравом и другими партийными деятелями, с одной стороны, и Гэндэном и его сторонниками, с другой, — росли. Вместе с тем ясно, что Лувсаншарав не мог быть серьезным соперником Гэндэна в иерархии власти. Он уступал премьер-министру по всем статьям — и по авторитету, популярности, и жизненному опыту, да и по человеческим качествам, силе характера.

Но надо иметь в виду, что в это время на политической сцене Монголии громко заявил о себе другой крупный деятель — Х. Чойбалсан. Вот он вполне мог соперничать с Гэндэном (а в чем-то и превосходить его), будучи сильной популярной личностью, изоциренным политиком с разносторонним опытом. Он вышел из «тени», в которой находился многие годы, и в декабре 1934 г. Малый хурал избрал его по предложению Гэндэна (полагаем, вынужденному) и при полной поддержке Москвы, первым заместителем премьер-министра.

Фактически по своему влиянию он стал вторым, после Гэндэна, лицом в государстве.

П. Гэндэн и Х. Чойбалсан знали друг друга давно, вероятно с 1924 г. Отношения между ними всегда были далекими от теплых, дружеских, оставались чисто служебными, официальными. Для Гэндэна Чойбалсан не был «своим», даже в 1929–1932 гг., когда Гэндэн стал «новым правым», а Чойбалсана считали «старым правым». Понятно, что Чойбалсан отвечал Гэндэну тем же. Хотя надо сказать, было немало такого, что их объективно сближало. Они были ровесниками, происходили из бедных аратских семей, не утратили связи с аратством, оба были умелыми практиками, хорошо знавшими жизнь. И вместе с тем Чойбалсан и Гэндэн были очень разными: и по жизненному пути (Чойбалсан — герой революции, впоследствии — сторонник Дамбадоржа, Гэндэн — «выдвиженец», лидер «худонской» оппозиции) и по уровню общей и образовательной подготовки (Чойбалсан имел школьное образование, учился военному делу, Гэндэн — самоучка, сугубо птатский человек). Да и по складу характера они не очень-то стыковались, хотя и здесь можно найти некоторое сходство: оба — властные, смелые, общительные, горячие. Но Чойбалсан — более гибок, внимателен, осторожен, чуток к суждениям других. Гэндэн же — независим и самобытен, прям и откровенен, с трудом воспринимал чужое мнение. Главное же отличие заключалось в том, что П. Гэндэн по ряду причин (о них скажем ниже) терял доверие и поддержку Москвы, а Х. Чойбалсан, наоборот, имел их в полной мере. Не оправдался прогноз Б. Шмералья и В. Коларова, что в качестве «резерва» могут выступить Д. Лувсаншарав и другие партийные деятели. В Москве уже определенно в качестве наиболее надежного «резерва» и верного союзника рассматривался именно Чойбалсан, а Лувсаншарав — это человек «второго плана», помощник.

Х. Чойбалсан в 1934 — начале 1935 г. держался по отношению к премьер-министру подчеркнуто лояльно, старался придерживаться общей линии. Выступая на сессии Малого хура-

ла в декабре 1934 г., он, в частности, заявил: «Правительство не ставит своей задачей борьбу против богатых аратов, оно не запрещает обогащаться»²⁵ (т.е. он высказался в унисон с Гэндэном, хотя отлично знал отрицательную позицию Сталина по этому вопросу). Более того, в 1935 г. он опубликовал статью в связи с 40-летием Гэндэна, в которой высоко оценивались заслуги премьер-министра перед страной²⁶. Но это была игра. Фактически отношения между Гэндэном и Чойбалсаном в 1935 г. продолжали ухудшаться. Частые споры возникали не только между Гэндэном и Лувсаншаравом, но — и это важнее — между Гэндэном и Чойбалсаном. Наверное, уже тогда Гэндэн понимал, что дело близится к развязке, что скоро Чойбалсан²⁷ или кто-то еще займет его место...

Приходится отметить еще одно обстоятельство — последствия «дела Лхумбэ». Многие из пострадавших по этому «делу» и близких им людей возлагали тогда главную вину за происшедшее на премьер-министра. Вот что говорилось, например, в письме О. Бадраха в ИККИ от 30 июля 1934 г.: «... Можно ли в революционной стране применять пытки и увечить невинных людей и заставлять их этим признаваться в тех делах, которые они не делали. В настоящее время в Монголии эти способы очень широко применяются... Сейчас трудно установить, сколько невинных людей пострадало от этих пыток, признавшись под пытками, сидят в тюрьмах... Как может Гэндэн объяснить, что большинство руководства партии оказалось японскими шпионами? Меньшинство во главе с Гэндэном приняло эту провокацию, стремясь избавиться от нас... Они, пользуясь нашими левацкими ошибками, оклеветали нас... Они всячески извращают законы...» В его же письме от 31 августа 1934 г. читаем: «Гэндэн пытается свое противозаконное деяние взвалить на русских работников. Это политическая провокация...» 17 сентября 1934 г. он же пишет: «Все это дело служит целям личного возвышения, служит целям расправы со всеми неугодными им лицам...»²⁸. Так думал в то время не один О. Бадрах. (Они еще

не могли предполагать, какие масштабы, несоизмеримые с 1933–1934 гг., приобретет «охота на ведьм» позже, уже без Гэндэна).

Внутренние причины близящейся отставки П. Гэндэна нарастали, получали все более реальные очертания. Но в тех условиях решающее значение имели факторы внешние (впрочем, тесно переплетавшиеся с внутренними). Об этом пойдет речь дальше.

Внешняя политика

Внешнее положение Монголии в годы премьерства П. Гэндэна было весьма сложным, напряженным. Как и раньше, оставались неурегулированными отношения с Китаем. Будучи независимой де-факто, Монголия де-юре считалась частью Китая. Советско-китайское Соглашение 1924 года, по которому подтверждался суверенитет Китая над Монголией, продолжало действовать. Правительство МНР, впрочем, никогда не признавало статью о Монголии этого Соглашения. Очередное заявление по этому поводу сделал А. Амар в марте 1936 г.: «Соглашение, заключенное между СССР и Китаем в 1924 г. в г. Пекине, является только советско-китайским делом этих двух сторон. Поэтому пункт относительно Монголии является соглашением, достигнутым лишь между СССР и Китаем. МНР неоднократно заявляла советскому правительству, что она никогда не сможет признать это Соглашение и в настоящее время она по-прежнему придерживается этого»²⁹.

Китайская сторона игнорировала такого рода заявления, «не замечала» их. Характерный пример. В связи с подписанием 12 марта 1936 г. советско-монгольского Протокола о взаимопомощи, министр иностранных дел Китая 7 апреля направил послу СССР ноту протеста. В ней, в частности, говорилось: «Поскольку Внешняя Монголия является интегральной частью Китайской Республики, никакое иностранное государство не может заключать с ней какие-нибудь договоры или согла-

шения. Действия Правительства Советского Союза, заключившего с Внешней Монголией вышеуказанный Протокол в нарушение своих обязательств по отношению к Китайскому правительству, несомненно составляют нарушение суверенитета Китая и постановлений Китайско-советского Соглашения 1924 года. Поэтому я обязан заявить Вашему Превосходительству строгий протест и констатировать, что заключение указанного Протокола с Внешней Монголией Правительством Союза Советских Социалистических Республик является незаконным и что Китайское правительство ни при каких обстоятельствах не может признать такой Протокол и никаким образом им не связано». Нарком по иностранным делам СССР дал следующий ответ поверенному в делах Китая: «...Советское правительство не может согласиться с содержащимся в этой ноте толкованием Советско-монгольского Протокола и не может признать поэтому обоснованным заявленный Китайским правительством протест. Ни факт подписания Протокола, ни отдельные статьи его ни в малейшей мере не нарушают суверенитета Китая, не допускают и не заключают в себе каких бы то ни было территориальных притязаний Союза Советских Социалистических Республик в отношении Китая или Монгольской Народной Республики. Подписание Протокола не вносит никаких изменений в существовавшие до сих пор как формальные, так и фактические отношения между Союзом Советских Социалистических Республик и Китаем и между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой. Союз Советских Социалистических Республик, подписывая Протокол о взаимной помощи, исходил из того, что заключенное в Пекине Советско-китайское Соглашение не потерпело никакого ущерба и сохраняет свою силу... Советское правительство считает себя вынужденным отклонить протест Китайского правительства как необоснованный...»³⁰.

Мы привели пространные выдержки из документов, чтобы показать, сколь различным было отношение трех сторон к

статье о Монголии советско-китайского Соглашения 1924 г., сколь неустоявшимся, противоречивым оставался международный статус МНР. Резко отрицательное отношение Китая к подписанному Протоколу и — шире — ко всему комплексу советско-монгольских связей было очевидным (приведенная нота протеста — далеко не первая, а всего лишь очередная). И совсем не просто было Советскому правительству объяснять, что его политика в отношении Монголии не противоречит советско-китайскому Соглашению 1924 г. Но в данном случае, применительно к Протоколу, доводы были вполне убедительными. Китай сам испытывал агрессию со стороны Японии и, казалось бы, должен был приветствовать советско-монгольский Протокол, направленный, по сути своей, против общего противника. При этом Китай, по объективным причинам, был не в состоянии защитить Монголию, свою «составную часть» от возможной агрессии. Но верх брало другое — лишний раз напомнить, что Монголия юридически входит в состав Китая. Вместе с тем, подчеркнем снова, ситуация была таковой, что Китай при всем желании не мог заняться «монгольскими делами». Внутренние противоречия, а главное — японская агрессия фактически полностью устранили опасность силового решения «монгольской проблемы» Китаем.

Для Монголии в то время первостепенное значение приобретало нарастание японской угрозы. Напомним пресловутый меморандум Танака (1927 г.), в котором говорилось: «Для завоевания всего Китая необходимо сначала захватить Маньчжурию и Монголию, а чтобы поработить весь мир, нам нужен Китай»³¹. И позже японские милитаристы не скрывали своих планов. Газета «Гоа» писала в 1935 г.: «В современной политической обстановке на Дальнем Востоке Монголия имеет важное военно-стратегическое значение. По единому мнению военных советников-специалистов, проход через Северную Монголию значительно эффективней, чем прямой проход через Маньчжурию к границам СССР»³².

Захват Маньчжурии и части Внутренней Монголии в 1931 г., образование в 1932 г. марионеточного государства Маньчжоу-го привели к тому, что японские войска вплотную оказались у восточных границ МНР. И последовали бесконечные пограничные конфликты и инциденты. В 1934 — начале 1935 гг. они резко усилились. Нарушения границы следовали одно за другим. В начале 1935 г. японцы захватили пограничный пост в районе Халхин-Сумэ с прилегающей территорией, а затем вторгались в местностях Буран-дэрс, Адан-дулан и других пунктах. Шла неприкрытая проба сил, проверка на прочность монгольской обороны и эффективности советско-монгольского военного сотрудничества. В этих условиях правительство МНР, при поддержке Советского Союза, предложило созвать монголо-маньчжурскую конференцию по урегулированию пограничных конфликтов. Такая конференция (фактически монголо-маньчжуро-японская) открылась в июле 1935 г. на ст. Маньчжурия. Сразу обнаружилось, что стороны преследуют разные цели. Монгольская делегация видела свою задачу в снятии напряженности на границе, решить пограничные вопросы, для чего образовать постоянную смешанную комиссию. Маньчжурская делегация настаивала на расширении рамок переговоров, вплоть до установления дипломатических отношений. Речь шла об официальном признании Маньчжоу-го, обмене соответствующим представителями, что отвечало интересам экспансионистской политики Японии, чего никак нельзя сказать об интересах Монголии. Соглашения не было, серьезных компромиссов — тоже, переговоры зашли в тупик и в ноябре 1935 г. они были прерваны³³.

Единственной страной, способной помочь Монголии сохранить статус-кво, обезопасить ее границы, являлся Советский Союз. Укрепление тесного сотрудничества с ним было жизненной необходимостью для Монголии. В таком сотрудничестве, чем дальше, тем больше, был заинтересован и Советский Союз. Ему нужен был надежный союзник на Дальнем Востоке, вер-

ный партнер и в отношениях с Китаем, и в борьбе против враждебных акций со стороны милитаристской Японии. Налицо была явная совместимость национальных интересов Советского Союза и Монголии. Политика СССР в отношении МНР была ясна — всемерная помощь в защите ее фактической независимости, в обеспечении развития по некапиталистическому пути. В 1932 г. был создан специальный орган на самом высоком уровне — постоянная Монгольская комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с К.Е. Ворошиловым, «для разрешения всех вопросов, касающихся Монголии»³⁴. Если раньше, в 20-е годы монгольским лидерам с трудом удавалось встретиться с высшими советскими руководителями, то теперь встречи и беседы с ними, включая И.В. Сталина, стали регулярными, частыми, что, конечно, отражало рост заинтересованности Советского Союза в укреплении связей с МНР, особое внимание к ее проблемам.

В 30-е годы первым из монгольских руководителей, убедившимся в этом, был П. Гэндэн. Это не могло не импонировать ему и его коллегам, вселяло уверенность в правильности пути, по которому шла страна. Гэндэн, как и другие монгольские руководители до него и после него, не сомневались в первостепенной значимости для Монголии тесного сотрудничества с Советским Союзом, и не только потому, что не было альтернативы, а еще и потому, что за таким сотрудничеством стояли сама история, традиции, особенно после 1911 и 1921 г. Начиная с 1924 г. и вплоть до своей отставки Гэндэн не устал повторять, что дружба и сотрудничество с Советским Союзом Монголии необходимы, как гарантия сохранения ее самостоятельности и безопасности, поступательного развития. Приведем несколько характерных высказываний Гэндэна: «Мы всегда сознавали, что не можем существовать без опоры на СССР и Коминтерн» (сентябрь 1934 г.)³⁵. «Советский Союз является нашей незаменимой опорой и искренним другом...» (декабрь 1934 г.)³⁶. «...Монгольская Народная Республика благодаря Октябрьской революции и при вашей (Советского Союза. — С.Р.) горячей

помощи за эти 14 лет беспрепятственно и без всяких опасностей развивалась как независимое государство» (июль 1935 г.)³⁷. Подобных высказываний П. Гэндэна можно привести много. И это не были пустые слова, они отражали его убеждения, сопровождались конкретными делами, действиями. П. Гэндэн, будучи премьер-министром, лично подписал свыше 20 соглашений и других документов по развитию монголо-советских связей, активно участвовал в их практическом претворении, в проведении мер в области политического, военного, экономического, культурного сотрудничества с северным соседом.

Назовем важнейшие договоренности тех лет. Это, прежде всего джентльменское (устное) соглашение о взаимопомощи от 27 ноября 1934 г., которое 12 марта 1936 г. было оформлено как Протокол о взаимной помощи между СССР и МНР, подписанный в Улан-Баторе А. Амаром, П. Гэндэном и полпредом В.Х. Таировым. В нем, в частности, говорилось: «В случае угрозы нападения на территорию Союза Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республики со стороны третьего государства Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республики обязуются немедленно обсудить совместно создавшееся положение и принять все те меры, которые могли бы понадобиться для ограждения безопасности их территории. Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республики обязуются в случае военного нападения на одну из Договаривающихся сторон оказать друг другу всяческую, в том числе и военную помощь»³⁸. Подписанию Протокола предшествовало известное заявление И.В. Сталина от 1 марта: «В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь Монгольской Народной Республике... Мы поможем МНР так же, как мы помогли ей в 1921 г.»³⁹. И протокол, и заявление имели огромное значение для сохранения статус-кво МНР, укрепления ее внешнеполитического положения.

Продолжим перечень советско-монгольских документов. 1 декабря 1934 г. подписано Соглашение о смешанных обществах («Монголтранс», «Монголшерсть», «Промкомбинат», «Монгсовбунер»), которое определяло условия их передачи в собственность МНР. Тогда же было заключено Соглашение об основах советско-монгольской торговли, которым предусматривались льготные условия проведения торговых операций между двумя странами. Одновременно состоялся обмен письмами между заместителем наркома по иностранным делам СССР Б.С. Стомоняковым и П. Гэндэном о решении Советского правительства погасить задолженность Монголбанка Внешторгбанку. Весьма важное значение имело Соглашение от 1 декабря 1934 г. о советниках, инструкторах и специалистах, командированных правительством СССР по просьбе правительства МНР. Документ регламентировал порядок приглашения и командирования советских работников, их общие задачи, права и обязанности, сроки службы. В Соглашении отмечалось, что основной задачей советников, инструкторов и специалистов является консультативная помощь в практической работе учреждений и организаций МНР и содействие в практической работе подготовке кадров монгольских работников, способных в дальнейшем вполне самостоятельно руководить участком работы. При этом советник не имеет никаких административных функций и находится в подчинении руководителя соответствующего монгольского учреждения. Инструктор подчинен соответствующему должностному лицу и инструктирует аппарат по поручению руководителя учреждения. Специалисты — непосредственные исполнители работы по своей специальности и подчиняются руководителю учреждения или предприятия. Правительство МНР, — указывалось в Соглашении, — имеет право во всякое время требовать немедленного отзыва советника или инструктора, который в своей работе уклоняется от общих директив, законов и решений правительства МНР.

9 февраля 1933 г. был заключен Договор о радиофика-

ции МНР, по которому Советский Союз принял обязательство произвести своими силами и средствами основные работы по радиостроительству и радиофикации МНР. 15 октября 1935 г. подписан Протокол о выполнении данного Договора. 19 июля 1935 г. подписаны Протокол о расширении действовавшего Соглашения о телеграфных сношениях, а также Соглашение об организации метеорологических станций на территории Монголии⁴⁰. Мы назвали, разумеется, не все советско-монгольские договоренности того времени. Но уже из этого краткого перечня видно, что правительство, возглавляемое П. Гэндэном, в полном согласии с правительством СССР, целенаправленно проводило линию на всестороннее укрепление и развитие монголо-советского взаимодействия.

П. Гэндэн делал в этом направлении все, что он считал необходимым и важным. Но, подчеркнем, П. Гэндэн, подобно Ц. Дамбадоржу, Б. Цэрэндоржу, А. Амару и другим политическим деятелям, прежде всего был монгольским патриотом, для которого на первом месте были национальные интересы страны, как он их понимал. Он лично многим был обязан Советскому Союзу, знал это и был благодарен советским людям. Он помнил, что стал председателем президиума Малого хурала в 1924 г. при активном содействии уполномоченного Коминтерна Т. Рыскулова, что был избран секретарем ЦК МНРП в 1928 г. при, опять же, действенной поддержке делегации ИККИ и советского полпредства, что стал премьер-министром в 1932 г. при негласном одобрении советского руководства. Однако, есть и другая сторона. Он никогда не был марионеткой, выше уже отмечалось, что с его твердым, властным характером, с его честностью, открытостью, смелостью столкнулись и М.И. Амагаев, и В.Н. Кучумов, другие советские и коминтерновские представители, а позже и высшие советские руководители.

При всей значимости советской поддержки Гэндэн стал первым лицом в монгольском государстве прежде всего благодаря личным качествам, завоеванному влиянию и авторитету, под-

держке соратников. С течением времени он, как и любой человек, в чем-то менялся. В 1924–1928 гг. он еще только набирался опыта и едва ли подвергал сомнению внешние советы и рекомендации, старался почти во всем следовать им. В 1929–1932 гг. он, секретарь «левого» ЦК МНРП, становится «новым правым», т.е. фактически пошел против течения, против официальной линии, хотя и вынужден был временами соглашаться на компромиссы. Став премьер-министром в 1932 г., он обрел больше властных полномочий, больше уверенности в себе, больше свободы в действиях. Он, конечно, прислушивался к мнению и советам извне, учитывал их, но понятно, что старался при необходимости вести дела все-таки по-своему, по-монгольски. Отмеченные выше замечания Б. Шмералья и В. Коларова о его «склонности к единоличному командованию», о «сдержанности» в отношениях с СССР при «трезвом учете выгод», о том, что он «очень дорожит своим постом премьера независимого государства», — эти замечания имели определенное основание.

Гэндэн, похоже, в какой-то момент переоценил свои возможности. Отсюда и пошла шероховатости в отношениях с коллегами, а главное — с Москвой, сначала шероховатости, а потом и явные разногласия. Поводов для этого было предостаточно. Советско-монгольское сотрудничество, особенно экономическое, оставалось отнюдь не идеальным. При общей официальной линии Москвы на оказание всемерной помощи Монголии на льготных началах, существовали еще ведомственные интересы, корыстные цели исполнителей, недостатки в ценнообразовании и т.д. Взять хотя бы вопрос о советских специалистах, командированных в МНР. Выше упоминалось соответствующее Соглашение 1934 г., но и до него, и после наблюдались многочисленные случаи превышения этих полномочий, вмешательства в дела монгольских организаций, подмены монгольских работников. Советской стороне такие факты были известны. Их недопустимость отмечал еще в 1931 г. С.Е. Чудцаев, член президиума ЦИК СССР, а позже, в 1933–1934 гг., — полпред

в Монголии. Он говорил: «По-старому работать в Монголии нельзя. Следует постоянно помнить, что Монголия — другое государство, граница, помогать, передавать свой опыт монгольским работникам, но не подменять их»⁴¹.

Факты нарушения согласованных норм поведения вызывали понятное недовольство монгольской стороны: и рядовых работников, и руководителей, в том числе и Гэндэна. Он выступал за ускорение подготовки национальных кадров, сокращение численности иностранных советников, инструкторов, специалистов и находил в этом понимание советского руководства. Однако были и вопросы, по которым взаимопонимание не достигалось, или достигалось с трудом. К ним относились, прежде всего проблема ламства и монастырей, особенности социальной политики, военного сотрудничества, место и роль карательных органов и некоторые другие. Это лучше всего можно проследить по характеру бесед П. Гэндэна с И.В. Сталиным. Мы постараемся подробно изложить содержание бесед, ибо они имеют ключевое значение для понимания сути и специфики советско-монгольских отношений тех лет, позиций советской и монгольской сторон по принципиальным проблемам, причин утраты доверия советского руководства к Гэндэну и его последующей отставки.

П. Гэндэн встречался с И.В. Сталиным семь раз (если считать не только по числу приездов в Москву, но и по числу встреч во время каждого приезда). Первая встреча — 30 декабря 1932 г., вскоре после избрания Гэндэна премьер-министром. В 1933 г. встреч на высшем уровне, похоже, не было (И.В. Сталин в конце беседы с монгольскими представителями Б. Элдэв-Очиром и С. Довчином 25 декабря 1933 г. сказал: «Передайте мое извинение премьеру Гэндэну, что мне не удавалось видеться с ним. Надеюсь — увидимся с ним в будущем»). В 1934 г. состоялся визит монгольской правительственной делегации во главе с П. Гэндэном с 21 октября до 2 декабря. Сталин принимал тогда делегацию трижды — 15, 24 и 27 ноября. Следующая поездка

высокой монгольской делегации проходила с 11 декабря 1935 г. по 9 января 1936 г. Встречи с И.В. Сталиным состоялись 30 декабря 1935 г. и дважды 7 января — в Кремле и затем — в монгольском полпредстве⁴².

Первая встреча — 30 декабря 1932 г. — носила, по словам Г. Цэрэндулам, ознакомительный характер. Сталин приглядывался к новому премьеру, оценивал, можно ли на него опереться, а беседовали в основном о политике «нового курса»⁴³. Судя по всему, первые впечатления Сталина о Гэндэне были в целом положительными. Ему импонировало, что Гэндэн — из простых аратов, с явными задатками вожака, лидера, «хозяин», человек с волевым характером, способный осуществлять руководство. Настораживало, правда, уже тогда, что он слишком самобытен, самостоятелен, «себе на уме», не гибок, не хватает образования. А Гэндэн, действительно, и при первых встречах и позже не испытывал особого трепета перед «вождем мирового пролетариата», не робел, держался с достоинством, спокойно излагал свое видение перспектив развития страны, ее проблемы. Конечно, он понимал с кем разговаривает, держал себя в руках, но уж очень не нравились ему нравоучения, не умел он дипломатничать⁴⁴. А главное — чем дальше, тем больше он убеждался, что понимание проблем развития Монголии и международных отношений у него и у советской стороны не всегда совпадает, что подходы к ним бывают различными. Это в полной мере проявится во время бесед в ноябре 1934 г. и особенно в декабре 1935 г. — январе 1936 г.

Но сначала хотя бы немного о беседе И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова с секретарем ЦК МНРП Б. Элдэв-Очиром и министром финансов С. Довчином 25 декабря 1933 г. Она имела важное значение, в частности, в том плане, что обозначила круг некоторых вопросов, которые интересовали советскую и монгольскую стороны, и которые были более подробно обсуждены в ходе последующих переговоров в 1934 и 1935 гг. Во время беседы речь шла в основном о положении ламства в МНР, об

отношениях между партией и органами власти, о развитии экономики и роли советских специалистов. Вот мнение Сталина, заключающееся в том, что ламство и монастыри — «это государство в государстве. Чингисхан этого не допустил бы... Надо расколоть ламство... Ламству надо противопоставить мероприятия по распространению и популяризации среди населения кино, радио и фото... Надо серьезно взяться за подготовку своих учителей...» «Без единой крепкой руководящей партии не может быть и крепкой власти... Руководство вашей партии и правительства наверху должно быть единым... Внизу партия должна быть крепко связанной с населением... Значительную часть вашего бюджета поедают служащие... Я думаю, что советских служащих в хозяйственных, кооперативных организациях надо сократить наполовину, а средства, освобождающиеся от этого, использовать на народное образование и здравоохранение... На торговлю вам надо обратить серьезное внимание... Укрепить армию». Монгольские гости внимательно слушали эти высказывания, соглашались, но в чем-то, может быть, и не очень (впрочем, это не зафиксированно). Что касается возможного сокращения численности советских специалистов, то Довчин сказал следующее: «...если сократить второстепенных служащих, не очень нужных в данный момент, плакать не будем; считаю, наоборот, целесообразным»⁴⁵.

А теперь о визите правительственной монгольской делегации во главе с П. Гэндэном в конце 1934 г.⁴⁶ Делегация находилась в Советском Союзе почти полтора месяца. За это время велись переговоры в некоторых наркоматах, ведомствах и других организациях, были подготовлены и подписаны несколько важных соглашений, достигнуты другие договоренности. Но решающее значение имели, разумеется, беседы с И.В. Сталиным и другими высшими советскими руководителями. Первая беседа состоялась 15 ноября 1934 г. В ней участвовали с советской стороны И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, А.А. Жданов, Г.Я. Сокольников, Ш.З. Элиава,

с монгольской — П. Гэндэн, Х. Чойбалсан, Р. Мэнд, О. Дашчирав. Начали с вопроса о ламстве. Гэндэн сказал, что ламство — основная опасность, оно всячески противодействует проводимым партией и правительством мероприятиям, при этом низшее ламство сочувствует новому курсу, высшее — борется открыто. Он говорил о законодательных актах, направленных на ослабление влияния ламства, о налоговых льготах для низших лам, о публикациях в газетах, об открытии школ. И все же «у ламства, пожалуй, больше влияния на аратство, чем у правительства и партии». Но есть и новые, обнадеживающие явления — например, растущая популярность национальных светских праздников. Мнение Сталина состояло в том, что поскольку ламство представляет большую силу, нужно брать его постепенно, обходным путем. Он назвал основные направления такого «окружения»: продолжать меры законодательного порядка (налоговая политика и др.), расширять сеть школ, подготовку учителей, врачей, ветеринаров, строить колодцы, за пользование которыми взимать налог с богатых лам. Проводить различные культурные мероприятия — не на тибетском, а на монгольском языке. И тогда — «вы будете сильнее ламства». Усилить активность партии и ревсомола. «Тов. Гэндэну необходимо лично более активно и непосредственно включиться в работу партии». Главная задача — укрепление нового курса.

Далее Гэндэн поднял вопрос о лозунге «обогащайтесь». Он изложил свое видение данного призыва: «Этот лозунг, вытекающий из сущности нового курса, не направлен к тому, чтобы одна группа обогащалась за счет эксплуатации другой. Этот лозунг означает неограниченный рост скота у всех слоев населения — бедняков, середняков и богатых, без помех росту богатства у зажиточной верхушки аратства. Это лозунг направлен к всемерному поднятию всего скотоводческого хозяйства страны...» Реакция Сталина была резко отрицательной. «При наличии частной собственности обогащение будет безусловно проходить за счет эксплуатации одной группы другой... Наем

рабочей силы обязательно будет, следовательно будет и эксплуатация. Надо брать больше налогов с богатых и всеми мерами помогать бедноте и середнякам». И вывод Сталина: «...неправильно говорить о лозунге “обогащайтесь”. Такой лозунг, такой призыв не нужен... Лозунг “обогащайтесь” не должен выставляться, т.к. это было бы призывом к эксплуатации». Гэндэн ответил: «Я очень рад, что Вы внесли такую ясность в этот вопрос... Ваши советы я принимаю с радостью и буду ими руководствоваться в своей работе».

Еще один вопрос, поднятый Гэндэном — о руководстве. Он говорил об итогах IX съезда МНРП, об отсутствии принципиальных разногласий. Но «съезд отметил слабое руководство со стороны ЦК партии... В этом вина не только секретарей ЦК, но и моя, как члена Президиума ЦК». Сталин немедленно откликнулся на эту самокритику: «Именно ваша вина... Вы должны принимать непосредственное активное участие в работе ЦК». Гэндэн сообщил о предстоящей сессии Великого народного хурала, о возможных изменениях в структуре правительства. Предполагается, в частности, объединить министерства просвещения и здравоохранения, упразднить министерство юстиции (в целях экономии). Сталин возразил: министерства просвещения и здравоохранения — самостоятельные органы, министерство юстиции должно остаться. А далее последовала такая рекомендация: «Государственную внутреннюю охрану следовало бы реорганизовать в министерство внутренних дел». Гэндэн согласен, кроме одного, весьма важного изменения: «Преобразовать ГВО в министерство внутренних дел считаю нецелесообразным». Сталин тогда не настаивал: «С реорганизацией ГВО, если ее сейчас провести трудно, можно обождать».

Гэндэн затронул также вопрос о своих заместителях. Их сейчас двое — Г. Дэмид и С. Довчин, оба работают по совместительству. Сталин считает, что должен быть хотя бы один освобожденный от других обязанностей заместитель. Вступает в беседу В.М. Молотов: «Кого вы предлагаете иметь в качестве

первого заместителя?» Гэндэн: «Я считаю, что для этой роли Чойбалсан является более подготовленным, чем Дэמיד». Сталин и Молотов спрашивают Чойбалсана, как он смотрит на это. Чойбалсан скромно отвечает: «Я очень интересуюсь вопросом скотоводства». Сталин и Молотов успокаивают: «От работы по скотоводству вы не отойдете и на посту зама председателя Совета Министров. В новой роли вы по-прежнему будете ею руководить». Сталин спрашивает Гэндэна: «Согласен ли ЦК партии с вашими предложениями?» Гэндэн ответил: «Думаю, что ЦК будет согласен. Имея освобожденного от другой работы заместителя, я буду в состоянии больше времени уделять партийной работе». А затем Гэндэн, словно бы зная о наличии в Москве информации о разногласиях в монгольском скотоводстве, спрашивает мнение Сталина. Сталин ответил просто: «Вы же сами сказали, что единство у вас есть и принципиальных разногласий не имеется. Разногласия по практическим вопросам могут быть...».

Последний вопрос, обсуждавшийся 15 ноября, был о независимости МНР. Гэндэн, отметив, что МНР признана только Советским Союзом и формально не отделена от Китая, заявил, что не добивался внешнего признания другими странами и ни с какими иностранными представителями бесед на эту тему не вел. Смысл разъяснений Сталина сводился к следующему: Монголия является фактически независимой. Формально независимой страна будет тогда, когда вы добьетесь международного признания. Вы его добьетесь, когда станете сильными. «Не надо забывать, что слабых бьют, а считаются только с сильными».

24 ноября И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, А.И. Микоян и другие советские руководители прибыли в монгольское полпредство, что, безусловно, свидетельствовало о важном значении, которое советское руководство придавало отношениям с МНР, приезду высокой монгольской делегации. Во время ужина был продолжен обмен мнениями по вопросам, обсуждавшимся 15 ноября. Много говорилось, в частности,

о путях защиты независимости Монголии. Подняв тост за свободную, независимую Монголию, Сталин настойчиво проводил мысль, что независимость надо уметь защищать, что угрозы со стороны Японии вполне реальны. Эта тема в тот вечер была главной и в ходе беседы в Кремле, куда советские и монгольские руководители приехали после приема в монгольском полпредстве. Сталин подчеркивал, что японская военщина приближается к границам МНР, что захватом Внутренней Монголии и других регионов Китая дело может не ограничиться. Он спрашивал: как будете защищаться, ведь у вас слишком слабая армия, какая помощь потребуется от Советского Союза? Гэндэн говорил, что они уверены в том, что Советский Союз сильнее Японии, что Япония боится Советского Союза. В случае нападения будем защищаться всеми силами, с советской помощью. Сталин переспрашивает: с какой помощью? Гэндэн отвечает, что прежде всего, техникой, а если потребуется — войсками. Снова вопрос Сталина: на какой основе? Это очень важный вопрос. На вашей территории сейчас нет советских солдат, и ввод их — это очень серьезно. Он продолжал настаивать, что должна быть определенность. Гэндэн продолжает свою мысль: мы же с вами, и ждем помощи от вас. Тогда Сталин пояснил, что в международных отношениях практикуется такая правовая форма, как договор о взаимопомощи с конкретными пунктами. Гэндэн ответил, что он готов обсудить этот вопрос. Советские и монгольские руководители условились вернуться к этой теме еще раз.

27 ноября переговоры были продолжены. Советская делегация пополнилась С.М. Кировым и Б.С. Стомоняковым, монгольская — осталась в прежнем составе. И.В. Сталин назвал три вопроса, которые следует обсудить: финансово-экономический, об армии и политические договора. По первому вопросу он сообщил, что Советский Союз списывает коммерческую задолженность МНР (30 млн. тугриков) и 50% долгов по займам (эти долги равнялись 33 млн. тугриков). Остальные 50% — по-

гашаются в течение 25 лет. Естественно, монгольская делегация выразила удовлетворение в связи с этим сообщением. Далее Сталин говорил о порядке передачи Монголии смешанных советско-монгольских обществ и предприятий, согласие тоже было достигнуто. По внешнеторговым ценам договорились, что Советский Союз продает Монголии товары на 5% дешевле, чем на ближайших восточных рынках, а покупает монгольское сырье по прежним ценам. Относительно вооруженных сил Сталин настойчиво повторял мысль, что Монголии нужна сильная армия численностью не менее 12 тыс. бойцов, сообщил о готовности Советского Союза выделять для монгольской армии ежегодно по 6 млн. тугриков в течение 5 лет (при общих расходах 16–17 млн. тугриков в год). П. Гэндэн был согласен с этими сообщениями и поблагодарил за финансовую поддержку монгольской армии. И в заключение переговоров — дипломатические и политические вопросы. Сталин сначала сказал о целесообразности заключения между СССР и МНР двух договоров — о ненападении и о взаимопомощи. Гэндэн ответил, что монгольское правительство тоже считает необходимым заключить договор о ненападении, точнее — о взаимопомощи. Беседа на этом закончилась, но в тот же день было решено на данный момент ограничиться заключением джентльменского (устного) соглашения о взаимопомощи.

Переговоры в ноябре 1934 г. в общем носили еще корректный, можно сказать — благожелательный и дружественный характер. Сталин, правда, не считал нужным воздерживаться от поучений, прямых рекомендаций, высказываний типа «вам необходимо», «вам следует» — таков был тогда стиль общения между советскими и монгольскими руководителями. Гэндэн внешне спокойно это выслушивал, сдерживал свою гордость, просил новых «советов» и с «радостью» принимал их. Может быть, Сталин тогда еще не терял надежды сохранить Гэндэна в числе своих союзников. И в то же время его истинное отношение к Гэндэну просматривается в таких словах, как «Гэндэн сказал

не все, что нужно было сказать...» и особенно в вопросе о назначении Чойбалсана первым заместителем премьер-министра. Вопрос ведь был предрешен, и «предложение» Гэндэна прозвучало как «оформление» этого решения.

Что касается самого содержания переговоров, то за внешним общим согласием обозначались расхождения по некоторым принципиальным вопросам. Подходы разные: о ламстве — умеренность (хотя и скрытая) Гэндэна и радикализм Сталина; о лозунге «обогащайтесь» (тут уже ничего не скрывалось) — его целесообразность, полезность у Гэндэна, категорическое неприятие у Сталина; о реорганизации ГВО в МВД — по Гэндэну, она нецелесообразна (он справедливо опасался усиления роли карательных органов, расширения их функций), а по Сталину она помогла бы борьбе с феодалами и ламами. К этому можно добавить, что Гэндэн был сугубо внимателен, осторожен при обсуждении экономических вопросов, быстро схватывал суть советских предложений, стремясь добиться максимального выигрыша для своей страны. Этих примеров достаточно, чтобы констатировать — неувязки в отношениях между советскими и монгольскими руководителями, признаки взаимного недоверия существовали и тогда. Но, повторим, в 1934 г. они отнюдь не определяли характер отношений, взаимные договоренности в целом достигались, а урегулирование расхождений откладывалось на «потом» (Сталин: «с реорганизацией ГВО... можно обождать»). Надо полагать, что советские руководители, помимо всего прочего, учитывали мнение компетентных деятелей о том, что Гэндэн сейчас — «самая крепкая, авторитетная, популярная фигура» в Монголии.

В 1935 г. ситуация стала быстро меняться. Позиции П. Гэндэна во властных структурах МНР слабели, его расхождения с партийными руководителями и особенно с Х. Чойбалсаном приобретали перманентный характер, а появившиеся трещины в отношениях с СССР углубились. Все это на фоне роста напряженности и внутри страны (брожение среди ламства, шпионо-

мания, пожар на промкомбинате и др.) и вне ее, на восточных и южных границах. Советские руководители все более укреплялись во мнении, что Гэндэн теряет контроль, что он — ненадежный, непрочный союзник, и все более определенно делали ставку на Чойбалсана как на главного лидера Монголии в ближайшей перспективе.

В то время тревожное состояние, беспокойство не покидало Гэндэна. Он чувствовал, что тучи над ним сгущаются. Недругов, оппонентов в окружении становилось все больше. Отношения с новым советским полпредом В.Х. Таировым, сменившим С.Е. Чудкаева, складывались не лучшим образом. Проблемы, проблемы, и внутренние, и внешние... Премьер рассчитывал, что в конце года предстоит очередная поездка в Москву, и решил объясниться заранее, в письменной форме. Письмо И.В. Сталину, В.М. Молотову, К.Е. Ворошилову от 14 октября 1935 г. получилось пространным, весьма подробным. Гэндэн пишет о проделанной за год работе. Начинает с ламского вопроса, борьба ведется активно, но влияние лам среди аратства еще очень сильное, и «мы не в состоянии прямым путем атаковать монастыри и ламство», продолжаем обходное движение. Пишет о том, что сделано в области культурного строительства, особенно о развитии народного образования, европейской медицины, об экономике, о возникающих трудностях. Много места в письме заняли вопросы внешнего положения. Он не сомневается, что японские империалисты стремятся прибрать к рукам Монголию, либо политическим путем, либо военным, силовым. Вновь заявляет, что если будет развязана война, Монголия будет бороться до конца, опираясь на поддержку Советского Союза. Очень важно поднять боеспособность монгольской армии, ее техническую оснащенность. Отсюда значение советской помощи — организационной, технической, финансовой. Прежде всего — помощь техникой (пока не имеется в виду приглашение многочисленных войск). Далее — следующее положение: «Практическая реализация нами вашей помощи весьма связана

с работой советских товарищей в Монголии. Мое искреннее мнение ... таково, что они во главе с т. Таировым помогают нам соответствующе как вашим задачам, так и нашим желаниям. Вообще могут быть мелкие недостатки, они и бывают. Но у меня нет жалоб...» Он подчеркивает свою неизменную верность советско-монгольским договоренностям, дружбе с Советским Союзом.⁴⁷

В этом послании П. Гэндэн откровенно изложил свое видение внутреннего и внешнего положения Монголии, он очень хотел, чтобы советские руководители не сомневались в его готовности и впредь прислушиваться ко всем рекомендациям. Но в то же время он не скрывает своих умеренных взглядов при решении ламского вопроса, своего отношения к советской военной помощи (прежде всего, техникой), наличие «мелких недостатков» в двусторонних связях. «Жалоб нет», но намеки на них присутствуют, просматриваются. Именно эти «особенности» и оказались в центре внимания на переговорах в Москве в декабре 1935 г. — январе 1936 г.

В Москве было получено не только указанное письмо П. Гэндэна. 4 сентября полпред В.Х. Таиров направил в Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) информацию, в которой, очевидно, опираясь на имеющиеся в полпредстве сведения и собственные наблюдения, выдвинул радикальное предложение — обсудить вопрос о рекомендациях на предмет возможного снятия Гэндэна с поста премьер-министра МНР.

25 октября Монгольская комиссия (председателем тогда был Б.С. Стомоняков) в принципе согласилась с соображениями полпреда. Надо сказать, что комиссия заседала не в полном составе, и вообще отношение к предложению Таирова не было однозначным. Среди отсутствовавших оказался бывший полпред С.Е. Чуцкаев, который решил не скрывать своего отрицательного отношения к предложению Таирова и позиции Монгольской комиссии. 28 октября он направил письмо И.В. Сталину, в котором подробно изложил свое мнение. Оно сводилось к тому, что

резкие выводы Таирова относительно Гэндэна не имеют реальных оснований. Гэндэн может наговорить лишнего в своем окружении, но он не способен на предательство в пользу Японии. Он понимает, что независимость Монголии, «новый курс» обеспечиваются советской поддержкой. С ним надо работать терпеливо, по-дружески, он очень влиятелен в народе. Чуцкаев полагал, что снятие Гэндэна, поспешное, неподготовленное, трудно объяснимое, политически опасно.⁴⁸

В декабре 1935 г. монгольская правительственная делегация во главе с П. Гэндэном прибыла в Москву. В состав делегации входили также Г. Дэמיד и Д. Намсрай. 14 декабря ее принял председатель СНК В.М. Молотов. Шли переговоры и встречи в ряде наркоматов и ведомств, а также с отдельными деятелями. Нам важно отметить беседу С.Е. Чуцкаева с П. Гэндэном 12 декабря.⁴⁹ Гэндэн рассказал об основных вопросах, которые он хотел бы поставить при встрече на высшем уровне. Он заметил, что не намерен задерживаться в Москве слишком долго: обстановка в стране и на границах — сложная. Но все-таки надо бы подлечиться, если появится возможность. На соответствующий вопрос Чуцкаева ответил, что отношения с полпредом Таириным — нормальные, деловые. Вообще Гэндэн был осторожен, обдумывал каждую фразу.

Совсем иной характер носила встреча С.Е. Чуцкаева с Г. Дэмидом, которая состоялась 21 декабря.⁵⁰ Дэמיד был внешне предельно откровенен, искренен, но, похоже, только внешне. Вот суть его высказываний. В монгольском руководстве — разногласия. Есть «тройка» — Гэндэн, Мэнд, Намсрай, которым противостоит «восьмерка» членов президиума ЦК. Основные расхождения: Гэндэн не хочет активизировать борьбу с ламами, пограничные конфликты, по его мнению, должны урегулировать Советский Союз и Япония, он полностью подчинил себе ГВО, Намсрай все делает по его указке. Общее мнение «восьмерки» — надо ставить организационный вопрос. Чуцкаев спросил об отношениях с полпредом. Дэמיד ответил, что у большинства

членов Президиума — хорошие, чего нельзя так же определенно сказать о Гэндэне. Чуцкаев заключает: эта беседа прояснила многое — и о взаимоотношениях в монгольском руководстве, и об источниках информации, поступающей из Улан-Батора. Он допускает, что на деле нет ни «восьмерки», ни «тройки» — все это непрочно, зыбко и может измениться.

Вот в такой, мягко говоря, непростой обстановке проходил визит монгольской делегации в декабре 1935 г. — начале января 1936 г. Беседы П. Гэндэна и возглавляемой им делегации с высшими советскими руководителями теперь велись уже совсем в иной тональности, носили уже совсем иной характер, чем в 1934 г. Если тогда в целом поддерживалась атмосфера дружелюбия и согласия (при наличии известных расхождений), то теперь с советской стороны высказывались неприкрытые обвинения и упреки, резкие заявления в адрес Гэндэна и его правительства.

Во встрече 30 декабря участвовали с советской стороны — И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, М.М. Литвинов, Б.С. Стомоняков, с монгольской — П. Гэндэн, Г. Дэמיד, Д. Намсрай. До беседы Гэндэн в письменном виде изложил свои соображения по вопросам просвещения, здравоохранения, животноводства, борьбы с ламством, обороны. Сталин сказал, что начать надо с вопросов обороны, как наиболее важных. При этом он заметил: «мы слышали», что Гэндэн считает пограничные инциденты и переговоры на ст. Маньчжурия делом не Маньчжурии и МНР, а СССР и Японии, и вести переговоры надо им. Гэндэн парировал: это провокация, так не говорилось. Молотов добавил, что есть достоверные данные на сей счет. Более того, «вы, Гэндэн, в пьяном виде» допускаете антисоветские высказывания, вроде того, что «через кремлевскую больницу предложат долгосрочный отпуск и отдых в Крыму по состоянию здоровья». Гэндэн снова отвечает, что это ложь. Далее Сталин перешел к вопросу о ламстве с обвинениями: «В отношении лам вы ничего не делаете... Вы, Намсрай (руководитель ГВО), наоборот,

поощряете лам». Молотов уточняет, что «если Вы не боретесь с ламами, какой интерес вам помогать, ведь вы даже не сумели предотвратить поджог промкомбината». Гэндэн дает пояснения, смысл которых — борьба с ламами ведется. В 1935 г. к судебной ответственности привлечено около 200 лам. Правда, во время маньчжурских переговоров пришлось несколько ослабить эту работу. Намсрай на критику в свой адрес ответил, что «работает по директивам правительства и партии». «У нас очень трудно работать и бороться с ламством, когда некоторые ответственные работники, партийцы веруют, молятся Богу». Сталин подвел черту, сказав, что вы, Гэндэн, впали в «правый загиб», вы хотите, «не обижая ламства, защищать национальную независимость. Они несовместимы... Или за ламство, или за национальные интересы, за независимость».

Переговоры были продолжены 7 января 1936 г. (в том же составе). На этот раз речь шла в основном о формах военной помощи Советского Союза Монголии. П. Гэндэн заявил, что требуется помощь техникой и специалистами. Г. Дэвид добавил (не совсем в унисон с премьером) — это в мирное время, но «в случае войны — помощь и вооружением, и войсками». Кроме того, — «заключить пакт о взаимопомощи». Гэндэн согласен: «если позволит обстановка, то хоть сейчас готов заключить с СССР пакт о взаимопомощи» (напомним, протокол о взаимопомощи был подписан в Улан-Баторе 12 марта). И.В. Сталин снова говорит о необходимости укрепления монгольской армии, что на ее нужды следует направлять 50% бюджета, а не 25% как сейчас, причем Советский Союз дает до 6 млн. тугриков, монгольский бюджет — 10 млн. Гэндэн говорит о трудностях работы среди ламства, сбора средств с монастырей. Сталин повторяет, что у Гэндэна «правый загиб». «Вам неприятно, когда говорят правду. Но ничего не поделаешь. Интересы Монголии выше». Гэндэн решил не возражать, ответив, что: «мы просим помощь во всех видах, в том числе и войсками... Требуется постановление правительства. Я это сделаю. В отношении ламс-

тва — я постараюсь усилить борьбу... Я не обижаюсь, а, наоборот, рад».

Судя по этим записям, П. Гэндэн, несмотря на сильное давление и резкую критику со стороны советских руководителей, на официальных переговорах сдерживал себя, в открытый спор не вступал, отметал лишь, по его мнению, клевету и ложь. Если с чем и не соглашался, по принципиальным вопросам, то осторожно, аргументированно. Сказанное подтверждается как характером приведенных записей, так и замечанием о заключительной стадии переговоров, содержащимся в письме Б.С. Стомонякова советскому полпреду в Улан-Баторе В.Х. Таирову от 10 января 1936 г.: «Он (Гэндэн), очевидно, решил не выступать с возражениями ни по каким вопросам... Гэндэн заверил, что... постарается сделать так, чтобы при следующей встрече... все были довольны его работой»⁵¹. Вместе с тем было ясно, что доверие советских руководителей к Гэндэну таяло на глазах, у них не было уверенности в том, что словесное согласие по тем или иным вопросам отразится в делах. Помимо всего прочего, сказывались и информация полпреда Таирова, и отношение к ней Монгольской комиссии. Но ведь в чем-то убедителен и Чучкаев со своим особым мнением...

Как бы то ни было, по завершении беседы 7 января 1936 г. Сталин и другие члены советской делегации сказали Гэндэну, что придут на ужин в полпредство МНР⁵². Это было большой неожиданностью. Сталин крайне редко появлялся в иностранных посольствах. Его вторичный приезд в монгольское полпредство, конечно же, не был случайностью. Как нам представляется, советский руководитель тем самым демонстрировал растущее внимание к МНР, ее проблемам. Это — во-первых. Во-вторых, он, вероятно, хотел несколько смягчить ход и результаты трудных переговоров, снять неприятный осадок. А в-третьих, — еще раз пообщаться, поговорить с Гэндэном, чтобы окончательно определить дальнейшее отношение к нему.

Гэндэн, похоже, не учитывал всей серьезности положения, недооценил значение приезда Сталина в полпредство. Во время приема он не проявил необходимой осторожности, выдержанности, изворотливости. Он явно расслабился в «праздничной» обстановке, утратил бдительность, сказались и напряжение от пребывания в Москве, от переговоров, и накопившееся недовольство от тех упреков и наставлений, которые приходилось выслушивать. Во время приема члены монгольской делегации и сотрудники полпредства, естественно, выражали удовлетворение и радость в связи с приездом высоких советских гостей. Царило приподнятое настроение, выступали монгольские артисты, очень понравившиеся гостям. Одновременно, как нетрудно предположить, шел обмен репликами по деловым вопросам. А вот затем произошел весьма неприятный эпизод, омрачивший ход приема и имевший отрицательные последствия, прежде всего, для Гэндэна. По словам его дочери Цэрэндулам, опирающейся на известную в Монголии версию и собственные представления о происшедшем, в разгар веселья Сталин вдруг обратился к Гэндэну (добавим — всего скорей полушутя) со словами, не хочет ли Гэндэн стать монгольским ханом? Гэндэн ответил, что если грузин стал русским ханом, почему бы монголу не стать монгольским ханом... Хмельной разговор перешел в открытый спор. Более того, Сталин якобы схватился за трость Гэндэна, а тот — за его трубку. «Сейчас нет людей, — пишет Цэрэндулам, — которые могли бы подтвердить, правда ли это. Возможны и домыслы... Я не знаю, был ли такой спор. Но моя мать позже горевала, что отец возражал Сталину, и поэтому русские его арестовали»⁵³.

Гэндэн тогда не был задержан, он вместе с другими членами делегации благополучно отбыл на родину.

Но в общем приходится констатировать, что после переговоров и приема в полпредстве отношение советских руководителей к Гэндэну определилось окончательно. До приема, думается, такого решения еще не было (иначе Сталин не при-

ехал бы в полпредство). Доверие иссякло, но колебания оставались, Гэндэн еще котировался. Учтем, что ведь в марте 1936 г., после его смещения, на посту премьера оказался А. Амар, не Х. Чойбалсан. Амар по своей биографии, по своим взглядам был отнюдь не ближе Гэндэна к советским руководителям и к партийным функционерам в самой МНР. Так что если бы не «слабые» результаты переговоров и «спор» в полпредстве, Гэндэн, вероятно, какое-то время оставался бы премьером и дальше.

Конечно, то, что случилось в монгольском полпредстве 7 января 1936 г., — досадный эпизод, не больше, дополнительный, последний штрих к испортившимся личным отношениям. Он был бы невозможен, если бы все было «отлично» с межгосударственными отношениями. Главное — расхождения по некоторым принципиальным вопросам, неспособность или нежелание Гэндэна, по мнению советского руководства, решать эти вопросы. Советские руководители передали Г. Дэмиду письмо для монгольского правительства, в котором содержалась информация об итогах переговоров. 10 января 1936 г. заместитель наркома иностранных дел Б.С. Стомоняков направил в Улан-Батор полпреду В.Х. Таирову подробное сообщение о состоявшихся в Кремле переговорах. Позиция советского руководства видна из следующих положений письма Стомонякова: «...Гэндэн не заинтересован в обороне своей родины... В Монголии требуется такое правительство, которое бы... укрепляло свою обороноспособность, правительство, которое бы по-настоящему боролось против ламства. Такое правительство будет нашим союзником»⁵⁴.

Для Гэндэна к внутренним трудностям прибавились внешние — неодолимые, решающие. Его отставка стала неизбежной.

П. Гэндэн так и не превратился в изоциренного политика, цепляющегося за власть. Он так и остался, по сути своей, простым, гордым, со всеми достоинствами и слабостями аратом, вознесенным волею судеб на вершину власти и не удержавшимся на ней.

¹ Хорьдугаар зууны Монгол. Туухийн тойм. УБ., 1995, с. 64; Монгол улсын туух. Тавдугаар боть (XX зуун). УБ., 2003, с. 188.

² Девятый съезд Монгольской народно-революционной партии. УБ., 1934, с. 198.

³ АВП РФ, ф. 111, оп. 16, д. 8, п. 12, л. 7–16.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 145, л. 114.

⁵ Девятый съезд МНРП, с. 41.

⁶ Монгол ардын хувьсгалт намын туухэн товчоон. УБ., 2001, с. 81.

⁷ Современная Монголия, 1934, №2(5), с. 21.

⁸ АВП РФ, ф. 111, оп. 16, д. 8, п. 12, л. 7–16.

⁹ МАХН-ын туухэн товчоон, с. 87; Монгол улсын туух. Тавдугаар боть, с. 199–200; Б. Баабар. XX зууны Монгол. Нуудэл, суудал. Гарз, олз... Боть 1. УБ., 1996, с. 418. Баабар отмечает, что судебную комиссию возглавлял Д. Намсрай, который лично вел заседание суда. (Там же).

¹⁰ Б. Баабар. Указ. соч., с. 422. См. также D. Dashpurev, S.K. Soni. *Reign of Terror in Mongolia. 1920–1990*. New Delhi, 1992, с. 29.

¹¹ См.: С. Ичинноров. Указ. соч., с. 56; Т. Лхагваа. Сталиныг алгасан хун. УБ., 1991, с. 36. Монгол улсын туух. Тавдугаар боть, с. 199.

¹² См.: D. Dashpurev, S.K. Soni. Указ. соч., с. 29. Б. Баабар отмечает роль не только инструкторов, но и Гэндэна, Намсрая. (Указ. соч., с. 418, 421).

¹³ С. Ичинноров. Указ. соч., с. 58.

¹⁴ См.: Б. Баабар. Указ. соч., с. 420.

¹⁵ Девятый съезд МНРП, с. 174.

¹⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 149, л. 14–15, 16–19.

¹⁷ Девятый съезд МНРП, с. 26–76.

¹⁸ Некоторые делегаты с мест затрагивали тему «заговоров» и в связи с этим касались и «дела Лхумбэ» — примерно в той же трактовке, что и в отчетном докладе.

¹⁹ Девятый съезд МНРП, с. 152.

²⁰ Там же, с. 25.

²¹ Там же, с. 13, 15, 164, 166.

²² Там же, с. 303–304.

²³ Там же, с. 14, 117, 129, 278.

²⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 149, л. 31–39.

²⁵ «Современная Монголия», 1935, №2(9), с. 5–37.

- ²⁶ См.: Г. Цэрэндулам. Указ. соч., с. 52.
- ²⁷ Подробно о Х. Чойбалсане см.: С.К. Роцин. Маршал Монголии Х. Чойбалсан. Штрихи биографии. М., 2005.
- ²⁸ РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 540, письма Бадраха в ИККИ от 30 июля, 31 августа, 17 сентября 1934 г.
- ²⁹ Цит. по: Лузянин С.Г. Россия—Монголия—Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2000, с. 178. Обстоятельства появления статьи о Монголии в советско-китайском Соглашении изложены в данной работе С.Г. Лузянина. См. также: С.К. Роцин. Политическая история Монголии (1921–1946 гг.). М., 1999.
- ³⁰ Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы, т. 1. 1921–1940. М., 1975, с. 341–344.
- 4.
- ³¹ Цит. по: История советско-монгольских отношений. М., 1981, с. 65.
- ³² Там же, с. 68.
- ³³ См.: Лузянин С.Г. Указ. соч., с. 173–175. В мае—сентябре 1937 г. конференция возобновляла работу и опять безрезультатно — на фоне непрекращающихся провокаций. Финал известен — 1939 год, война на Халхин-Голе, закончившаяся убедительной победой советско-монгольских войск.
- ³⁴ Шепелев В. «Монгольский вопрос» на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б): РЦХИДНИ, Научно-информационный бюллетень, выпуск №8, М., 1996, с. 63–64.
- ³⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 153, л. 16.
- ³⁶ Советско-монгольские отношения. 1921–1974, т. 1, с. 299.
- ³⁷ Там же, с. 326–327.
- ³⁸ Там же, с. 339–340.
- ³⁹ Там же, с. 337.
- ⁴⁰ Там же, с. 273–340.
- ⁴¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 119, л. 127.
- ⁴² Были еще и письменные обращения, но, судя по всему, редкие, эпизодические. Гэндэн обращался к Сталину 10 января 1934 г. Сталин ответил 7 марта. Советский руководитель выразил удовлетворение по поводу достижений МНР и отметил, в частности, что работа будет идти еще лучше при следующих условиях: полное единство среди руководства, обеспечение народной поддержки правительства, укрепление армии, ее преданность правительству. Сталин подтвердил, что Советский Союз и впредь готов оказывать необходимую помощь МНР (Монголын тухай БХК(б) Н-ын баримт бичигт, II боть,

с. 75–76). Следующие письма Гэндэна Сталину и другим советским руководителям датируются 14 октября 1935 г. и 27 октября 1936 г. В последнем обращении Гэндэна (Л.И. Шинкарев. Указ. соч., с. 146–147) упоминается письмо Сталина, полученное 20 июня 1932 г., но, возможно, в данном случае имеется в виду письмо Сталина, Мануильского, Куусинена в адрес ЦК МНРП, накануне III Чрезвычайного Пленума.

⁴³ Г. Цэрэндулам. Указ. соч., с. 39. Д. Дашпурэв и С.К. Сони добавляют, что беседа проходила с участием В.М. Молотова на его квартире и что уже тогда Сталин сформулировал основные задачи, стоящие перед новым монгольским правительством, в частности речь шла о жесткой политике в отношении ламства (D. Dashpurev, S.K. Soni. Указ. соч., с. 30–31).

⁴⁴ Д. Дашпурэв и С.К. Сони утверждают, что уже после той первой беседы у Гэндэна, по возвращении в Улан-Батор, при разговоре в узком кругу вырвались неосторожные слова о «красном империализме» (Указ. соч., с. 31).

⁴⁵ Изложение содержания этой беседы, а также бесед между советскими и монгольскими руководителями в ноябре 1934 г. и в декабре 1935 г. — январе 1936 г. (кроме встречи 24 ноября 1934 г.) дается по книге: Леонид Шинкарев. Цеденбал и его время. Документальное повествование в двух томах, т. 2, М., 2006, с. 113–141. О встрече 24 ноября 1934 г. см.: Монголын тухай БХК(б) Н-ын баримт бичигт, II боть, с. 111–116.

⁴⁶ Поездка не обошлась без печальных приключений. Следовавший в Москву поезд, в котором находилась делегация, в районе ст. Зима потерпел аварию. Гэндэн снова повредил больную ногу. Пришлось побыть в иркутской больнице (Г. Цэрэндулам. Указ. соч., с. 122).

⁴⁷ Монголын тухай БХК(б) Н-ын баримт бичигт, II боть, с. 399–417.

⁴⁸ Там же, с. 143–145.

⁴⁹ Там же, с. 148.

⁵⁰ Там же, с. 155–158.

⁵¹ Леонид Шинкарев. Указ. соч., с. 146.

⁵² Там же, с. 141.

⁵³ Г. Цэрэндулам. Указ. соч., с. 43. Не обходят молчанием этот прискорбный эпизод и другие авторы. Д. Дашпурэв и С.К. Сони пишут, со ссылкой на материалы мартовского (1936 г.) пленума ЦК МНРП, что в Москве, на приеме, Гэндэн, захмелев, поднял шум... (Указ. соч., с. 34). Отмечает это и Ж. Болдбаатар (Указ. соч., с. 147). Наиболее подробно рассказывает о происшедшем Т. Лхагваа (тоже с упоминанием материалов мартовского пленума и свидетельства очевидцев). Он даже озаглавил свою работу «Сталиныг алгасан хун» («Человек, давший пощечину Сталину»). Полагаем, что «пощечи-

на» — все же литературная гипербола, домысел, легенда. Гэндэн мог наговорить лишнее, пуститься в жаркий спор, горячо жестикулировать, наконец. Но не больше... Думается, он, даже будучи хмельным, взвинченным, никак не мог до такой степени утратить контроль над собой. И потом — случись такое («пощечина»), Гэндэн уже тогда застрял бы в Москве на неопределенное время...

⁵⁴ Цит. по: Леонид Шинкарев. Указ. соч., с. 141, 143.

Глава четвертая Гибель

Отставка

В середине января 1936 г. правительственная делегация МНР вернулась из Москвы на родину. Возвращение было нерадостным. П. Гэндэн понимал, что неутешительные итоги поездки будут рассмотрены партийным и государственным руководством, ощущал нависшую угрозу. Но устранить ее уже был не в силах.

20 января состоялось заседание президиума ЦК МНРП, заслушавшее отчет делегации. Гэндэн доложил о состоявшихся в Москве переговорах, сообщил о достигнутых договоренностях и выявившихся трудностях, не избегая самокритики. Г. Дэмид не скрывал своих разногласий с главой делегации по вопросам военного сотрудничества, критиковал Гэндэна. Д. Намсрай колебался, он не хотел подводить премьера, но и не мог полностью поддержать его позицию, его поведение.

Члены президиума отмечали положительное значение советских предложений, имеющих договоренностей, но работу делегации в целом оценивали критически. Выступивший на заседании Х. Чойбалсан подчеркивал, что пора перейти от пустых разговоров к решительным мерам, что надо следовать советам советских руководителей. Президиум постановил рассматривать советские предложения, высказанные на переговорах, как программу дальнейших действий, в частности, увеличить военные расходы, усилить борьбу с контрреволюционным ламством. Обсуждался и вопрос о политической линии Гэндэна, но в полной мере он был вынесен на рассмотрение пленума ЦК МНРП¹.

Заседание президиума ЦК, как и последовавший за ним пленум ЦК МНРП, проходили, конечно же, с непремен-

ным учетом полученного письма от советских руководителей. Продолжались, надо полагать, постоянные контакты с советским полпредством, которое, как выше отмечалось, тоже имело свою информацию.

Второй пленум ЦК МНРП длился 10 дней, с 11 по 20 марта 1936 г. Были заслушаны и обсуждены доклады о внешнем и внутреннем положении (А. Амар), об укреплении обороны (Г. Дэמיד), о партийно-массовой работе (Д. Лувсаншарав и Х. Лувсандорж). Формально вопрос о Гэндэне не стоял, но фактически он был главным. Независимо от обсуждавшегося вопроса, выступавшие, как правило, считали своим долгом подвергнуть критике деятельность премьер-министра. Главными критиками стали Чойбалсан, Лувсаншарав, Дэמיד. Особенно остро прозвучало выступление Чойбалсана. Он говорил, что Гэндэн допустил много ошибок, особенно в последний период, что он ослабил работу, оторвался от масс, искажил «новый курс» и т.д. Соответственно были настроены и члены ЦК из аймаков — партийная дисциплина обязывала... В целом, Гэндэн обвинялся в попытках принизить руководящую роль партии, в выдвижении лозунга «обогащайтесь», в нерешительности и непоследовательности в вопросе о ламах, в снижении обороноспособности. Говорилось и о нарушениях законности, об использовании ГВО в личных целях. Упоминались и появившиеся трудности в отношениях с Советским Союзом, споры со Сталиным и другими советскими руководителями.

П. Гэндэн держался на пленуме достойно, не был пассивен, явную клевету отметал. Он понял, что обречен, что решение будет жестким, но свою гордость, свою честь не уронил. Все ждали его выступления, и в конце пленума он выступил. Речь была не спонтанной, продуманной, речь человека, трезво оценивающего сложившуюся вокруг него ситуацию². Гэндэн признал критику обоснованной, сказал, что за ошибки он несет личную ответственность, никто другой не виноват, в партии нет никаких группировок; дал пояснения по всем вопросам. Он на-

звал пять своих основных ошибок. Это, во-первых, лозунг «обогащайтесь», выдвинутый им самостоятельно в интересах, как ему представлялось, повышения жизненного уровня аратства, роста животноводства. Но не учел, что на деле этот призыв ведет к эксплуатации одних другими. Вторая ошибка — неправильно понял суть отношений между партией и органами власти, не заметил опасности снижения роли партии. Однако, как известно, все важнейшие решения правительства принимались с участием ЦК, а постановления ЦК выполнялись органами власти. И нелепо думать, что он, Гэндэн, стремился убрать партию и стать ханом. Третья ошибка касается путей и способов укрепления обороны. Не все вопросы прорабатывались основательно, не форсировал увеличение численности армии, считал, что важнее качество вооруженных сил, был слишком осторожен в расходовании средств на оборону. Четвертая ошибка связана с политикой в отношении ламства. Не хотел повышать внутреннюю напряженность перед лицом внешних угроз, не проводилась должным образом линия на «окружение» лам. Пятая ошибка допущена в ходе переговоров с японо-маньчжурской стороной. Требовалось больше твердости, больше последовательности, больше самостоятельности.

Далее Гэндэн отверг, как необоснованные, обвинения в стремлении ослабить отношения с СССР. Наоборот, говорил он, неизменно проводилась и проводится линия на всемерное укрепление нашего сотрудничества. Недостатки при этом имеются, но они устранимы. Гэндэн напомнил участникам пленума о своем послужном списке, о своей работе на высших постах в течение последних 12 лет. Надо было бы учиться, заметил он, но не пришлось, жаль. Отсюда «неустойчивость моих взглядов», о чем говорил Лувсаншарав. «Я ведь никакого специального образования не получил». В заключение Гэндэн повторил, что признает свою вину, свои ошибки и что он надеется на понимание товарищей. Но понимания, снисхождения не последовало. О проявлениях «правого оппортунизма» в политике Гэндэна

подробно говорилось в решении пленума по докладу А. Амара. Более того, пленум принял специальное постановление «О Гэндэне», в котором осуждались его «политические ошибки». Пленум вывел П. Гэндэна из состава ЦК, предрешив и снятие его с поста премьер-министра (членом партии, строго предупредив, пока оставили)³.

Официальное освобождение П. Гэндэна от обязанностей премьер-министра и министра иностранных дел состоялось на 20-й сессии Малого хурала 22 марта 1936 г.

Показательно, что в первый момент в открытой информации для печати о работе пленума ЦК и сессии Малого хурала освобождение П. Гэндэна от всех постов мотивировалось его «тяжелой болезнью». В сообщении о пленуме говорилось: «Пленум удовлетворил просьбу члена Президиума ЦК Гэндэна об освобождении его от занимаемого партийного поста ввиду его тяжелой болезни, предоставив ему отпуск на лечение». Далее приводится «заявление Гэндэна» участникам сессии Малого Хурала: «Я, Гэндэн, в течение многих лет занимая важную государственную должность, в особенности в последнее время стал тяжело больным. Согласно медицинскому акту, моя болезнь без долгосрочного отпуска и лечения ни в коем случае неизлечима... Тяжелая болезнь... препятствует моей повседневной работе в правительстве. Поэтому у меня не остается другого выхода, как получить долгосрочный отпуск для лечения... Убедительно прошу окончательно освободить меня от должности премьер-министра и министра иностранных дел и предоставить мне соответствующее лечение сроком на один год». И вот постановление Малого хурала: «Ввиду того, что премьер-министр и министр иностранных дел Гэндэн действительно в последнее время заболел тяжелой болезнью, — освободить его, согласно медицинскому акту и его просьбе, от должности премьер-министра и министра иностранных дел и предоставить ему лечение... сроком на один год»⁴.

Премьер-министр Гэндэн, оказывается, «добровольно» ушел в отставку. Почему рядовых граждан вводили в заблужде-

ние? Видимо, из «высших соображений», а проще говоря, учитывали широкую известность, высокую популярность, авторитет Гэндэна в народе. Хотели предупредить лишние вопросы, недоумение, возможное недовольство, ропот. Приходилось учитывать и внешние факторы — нецелесообразно было афишировать подробности смещения премьер-министра в условиях растущей напряженности на восточных и южных границах. Более поздние публикации о работе II пленума ЦК и 20-й сессии Малого хурала были уже свободны от этих соображений, и постепенно все, кто хотел, узнали, как было в действительности. Полный текст постановления ЦК МНРП «О Гэндэне» содержится в сборнике документов «Резолюции съездов, конференций и пленумов ЦК МНРП» (на монгольском языке), выпедшем в 1956 г.

Надо сказать, что решение о продолжительном «отпуске» и «лечении» Гэндэна давалось, по-видимому, непросто и не сразу. 19 марта, т.е. за день до окончания работы пленума ЦК МНРП из Москвы в Улан-Батор была направлена телеграмма, текст которой утверждался на заседании политбюро ЦК ВКП(б). В телеграмме содержалась рекомендация мотивировать отставку Гэндэна его просьбой в связи с болезнью, не публиковать сведений о его ошибках, а также отмечалась целесообразность оставить Гэндэна в составе ЦК МНРП и предложить ему должность Полномочного Представителя Монголии в СССР⁵. Однако Гэндэн отказался от предложенного поста, возможно сгоряча, поддавшись тягостному настроению. Хотя по своему был прав — не с руки тогда был ему этот пост. Пленум, как известно, все-таки вывел его из ЦК. Тогда, наверно, и возникло решение о длительном (на целый год) отпуске для «лечения» в Советском Союзе (подальше от Монголии). И тут уж Гэндэну пришлось согласиться и подчиниться. Собственно, выбора не было, решение состоялось. К тому же, нетрудно предположить, что какая-то доля истины насчет «болезни» была обоснованной. Удар ведь был очень сильным. Перенести падение с верши-

ны власти вниз — это тяжкое испытание для любого человека. И Гэндэн не был исключением. После всех потрясений и переживаний, перенесенных в последнее время, особенно в январе-марте 1936 г., отдых, конечно, требовался. Даже ему, 40-летнему, физически крепкому... Лучше бы в худоне, в родных местах, среди друзей и знакомых. Но посылают «лечиться» в Советский Союз, причем с семьей, что ж — можно и так. Знал бы он, чем кончится это «лечение»... Может быть, и предчувствовал, кто ведает...

Последние полтора года

В конце марта 1936 г. П. Гэндэн по решению ЦК МНРП и правительства отбыл в годичный отпуск из Улан-Батора в Советский Союз. Вместе с ним — его жена Д. Донжид, их 9-летняя дочь Г. Цэрэндулам и младшая сестра жены 16-летняя Д. Пэлжээ.

Гэндэн и Донжид поженились в 1926 г. Донжид родилась в 1907 г. в семье арата, была красива, умна, скромна. Быстро освоилась с городскими условиями, хотя и не просто было (мужто — во главе государства), вступила в партию, стала активной общественницей. В 1934 г. окончила учительский техникум, работала воспитательницей в детском саду. Гэндэн и Донжид жили дружно, счастливо, она была верной опорой мужу, помогала во всем. Цэрэндулам — их единственная дочь, она тогда была мала, но образ отца — сильного, ласкового, навсегда запечатлелся в памяти, помнила его наказ — быть честной, правдивой, постоянно учиться, брать пример с ученых людей. Свои воспоминания об отце она опубликовала в 2000 г. Ее книга — незаменимый источник, обширный свод достоверных сведений о жизненном пути П. Гэндэна. Выше мы неоднократно ссылались на нее. Последний, трагический период жизни Гэндэна будем рассматривать, опираясь главным образом на воспоминания Цэрэндулам.

П. Гэндэн и его семья приехали в Москву 9 апреля 1936 г. Их встретили полпред Л. Дарьзав и сотрудники НКВД СССР. Поселили в центральной гостинице «Националь», в которой Гэндэн останавливался и раньше. Гэндэн был приятно удивлен, растроган, он не ожидал, что встретят с уважением, достойно. Затем — обследование в Кремлевской больнице, врачи ничего серьезного не нашли. Между тем, вопрос о том, куда и как определить бывшего премьера Монголии обсуждался в Москве на самом высоком уровне. Политбюро ЦК ВКП(б) еще 4 апреля приняло решение направить его вместе с семьей в один из курортных пунктов Крыма⁶. Выбор пал на Форос. Конкретные вопросы организации его лечения и отдыха также рассматривались и позже, в феврале 1937 г.⁷ В середине апреля 1936 г. выехали из Москвы и через несколько дней были в Форосе. Условия для отдыха были благоприятные, комфортные. Район этот и тогда предназначался для отдыха высших советских руководителей. Семью Гэндэна разместили в двухэтажном доме. (Поблизости была дача Г.К. Орджоникидзе). В распоряжении бывшего премьера — врач, повар, переводчик, два охранника, обслуга.

Создается впечатление, что в начальный период годовичного отпуска Гэндэна советские и монгольские руководители еще не решили, что ждет его в будущем. Похоже, вовсе не исключался вариант возвращения Гэндэна на родину, «отдохнувшего, подлечившегося». Советские руководители еще считались с ним, допускали, что в отношении Гэндэна еще не все потеряно (ведь очень заметной фигурой был он в Монголии). Иначе трудно понять подчеркнуто вежливую, почтительную встречу в Москве, размещение в «Национале», направление на престижный курорт с полным обеспечением в течение длительного срока. И первое время было хорошо. Ласковое, теплое море, просторный пляж, красивые горы... Гэндэн любил конные прогулки, играл в шахматы, волейбол, увлекся фотографией. И, конечно, экскурсии. Монгольские гости побывали в Севастополе, Ялте, Алушке, Массандре, Бахчисарае. Гэндэн интересовался историческими

памятниками, с удовольствием беседовал с местными жителями — русскими, татарами.

И все же это была ссылка, почетная, комфортная, но ссылка. По меткому замечанию Цэрэндулам — «золотая клетка». Надзор охраны и услуги был очевидным, все передвижения надо было согласовывать. Информации с родины почти не поступало — лишь редкие письма, газеты только советские, монгольские не доходили. Поблизости, в Гурзуфе, лечился секретарь ЦК МНРП Б. Элдэв-Очир. Он был тяжело болен (в автоаварии сильно повредил шейные позвонки). Гэндэну разрешили навестить его, они беседовали. К Элдэв-Очиру часто приезжали посетители из Монголии, привозили прессу, рассказывали о новостях, но к Гэндэну путь гостям был заказан.

Постепенно тоска по родине, по друзьям все больше давала знать о себе. Он всегда был очень занят, окружен людьми, всегда было много работы, забот, а здесь дел не было. Очень томила неопределенность, что будет потом, как жить дальше, после окончания срока «отдыха». И он решает послать письмо советским руководителям. В конце концов, он их гость, хотя и опальный, и может быть что-то прояснится. 27 октября 1936 г. письмо в адрес И.В. Сталина, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова было отправлено⁸. П. Гэндэн пишет, что после визита в Москву отстранен от всех должностей и никакой другой работы не имеет. Причина — его политические ошибки. «Я по своей неосознанности... своевременно не выправил своих ошибок и за это обвиняю только себя и свою неосознанность... Монгольские товарищи, взяв эти ошибки основным поводом и связав с этим вопросы личного порядка, немножко нажимали, и я был этим обижен, но все это уже прошло...» Далее Гэндэн благодарит за «исключительную заботу», «предоставление мне всевозможных удобств», за то, что в течение шести с лишним месяцев проживания в Советском Союзе он не ощущает ни в чем никаких недостатков. И вот самое главное: «Прошу дорогих товарищей помочь мне Вашими дружескими советами и поставить меня

на правильный путь... Мое политическое сознание определяю в том, чтобы взаимная дружба Монгольского народа и Великого Советского Народа все более укреплялась. Чтобы Монгольская Народная Республика при содействии Вашего Великого Народа еще более укрепила свою независимость. Чтобы монгольский народ в своем дальнейшем развитии с корнем вырвал остатки феодализма. Решительно отстаивал свою неприкосновенность от японских устремлений, развивал свое культурное и хозяйственное строительство. Ликвидировав до основания распространение буддийского учения и постепенно освободившись от капиталистической зависимости, перешел на путь некапиталистического развития страны. 20 июня 1932 г. получив Ваше письмо, дорогой товарищ Сталин, я по своему доброму желанию воспринял его как должное и заверяю Вас, что других политических побуждений у меня не было. Все те извращения, допущенные мною при дальнейшей работе, были результатом моей несознательности и головокружением от моего скудного ума. Я вышел из самых отсталых низов монгольской бедноты и батрак в прошлом. Благодаря Монгольской революции, благодаря Вашим товарищам, при содействии... своих монгольских товарищей приходилось работать и черпать силы. Других познаний у меня никаких нет... В заключение еще раз прошу... указать мне, отсталому, соответствующий путь».

Оставим в стороне налет самоуничтожения и самобичевания. Отметим основное. Гэндэн напоминает о себе советским руководителям, вспоминает даже давнее письмо Сталина от 1932 г. Признает, что допустил политические ошибки — но они от «несознательности», от «скудости ума». Подтверждает неизменность своего кредо — укрепление независимости Монголии, развитие ее культурного и хозяйственного строительства при содействии Советского Союза. Не выражает никаких просьб, кроме одной — «помочь дружескими советами», указать «правильный путь». Сквозит надежда, пусть и невысказанная, на понимание, на поддержку. Однако ответа на письмо Гэндэна, по-

видимому, не последовало.

Наступил 1937 г., приближалось окончание годовичного отпуска Гэндэна. 24 февраля он направил письмо А. Амару, Х. Чойбалсану, Г. Дэмиду, Д. Лувсаншараву, Д. Догсому (копию Б. Элдэв-Очиру). Бывший премьер сообщал, что отдохнул хорошо и хотел бы в середине марта выехать в Москву, а в апреле вернуться в Монголию. Началась переписка. Полпред МНР известил, что в Форос прибудет представитель наркомата здравоохранения, его надо ждать. Но никто не приехал. 6 марта полпред сам прибыл в Крым — навестить Элдэв-Очира. Гэндэн приехал в Гурзуф, полпред на его вопросы ответил, что из Улан-Батора разрешения на возвращение не получено, то же — и относительно приезда в Москву, что не следует торопиться. Через некоторое время Гэндэн снова послал запрос полпреду, тот на сей раз ответил более определенно — возвращение временно откладывается, вас переводят на отдых в Кисловодск.

Гэндэн, терзаемый догадками и подозрениями, 6 июня пишет полпреду, что он крайне обеспокоен, что хочет знать причину отказа в разрешении вернуться в Монголию. Отдыхающий или преступник, он должен знать свой срок. Полпред молчал. Амар, находившийся в то время в Москве, уклонился от каких-либо контактов с Гэндэном.

Вскоре все стало ясно. В середине июня полпред сообщил Гэндэну неприятную весть: из Улан-Батора пришла правительственная телеграмма — Гэндэну воздержаться от возвращения в Монголию. Гэндэн тут же (14 июня) послал большое, выстраданное письмо А. Амару, которое оказалось последним. Он пишет о любви к родине, для которой жил и работал, что тает надежда на возвращение, но надо же знать, что теперь вменяется в вину, какова дальнейшая судьба его и родственников. Закончил призывом — да здравствует национальная независимость Монголии. Амар на обращение Гэндэна не ответил.

Запрет на возвращение в Монголию, на наш взгляд, означал, что решение относительно Гэндэна определилось. Первый

вариант, благожелательный, который вначале, повторим, не исключался, был отброшен. Верх взял другой вариант — карательный, гибельный. Шел ведь 1937 год с его политическими процессами и репрессиями в Советском Союзе, начинались они и в Монголии.

В середине июля Гэндэн и его семья покинули Форос, с двумя сопровождающими в Ялте погрузились на теплоход «Абхазия» и 17 июля прибыли в Сочи, с тем чтобы в дальнейшем, как предписывалось, отправиться в Кисловодск. Казалось, ничто не предвещало худшего. В Сочи их встречали руководители города как почетных гостей, отвезли в гостиницу «Кавказская Ривьера», организовали экскурсию по городу. И в тот же день Гэндэн был арестован сотрудниками НКВД. Его последние слова семье: быстрее возвращайтесь домой, со мной ничего не случится, встретимся дома... Его доставили в Москву самолетом, а семью — поездом.

Гэндэна поместили во внутреннюю тюрьму НКВД. Началось следствие, допросы. Вовсю фабриковалось «дело контрреволюционной организации Гэндэна-Дэмида». В Монголии оно оказалось далеко не единственным, но это «дело» — наиболее шумное, вызывающее град законных, гневных вопросов. Еще бы — обвиняли в тяжких политических преступлениях П. Гэндэна — бывшего председателя президиума Малого хурала, секретаря ЦК МНРП, премьер-министра, и Г. Дэмида — бывшего военного министра, маршала МНР, людей широко известных, популярных, уважаемых. Гэндэн и Дэמיד в жизни не были столь уж близки, а вот теперь оказались главными фигурантами «дела». В качестве их «сообщников» погибли, пострадали многие видные работники партийного и государственного аппарата. 23 августа не стало Дэмида — он умер от отравления в поезде, следовавшем в Москву. 26 ноября состоялось закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР — с обвинительным заключением по делу Гэндэна. Бывший премьер-министр МНР обвинялся в том, что он

с 1932 г. являлся агентом японских разведывательных органов, по заданиям которых проводил шпионскую деятельность и создал в МНР широкую сеть повстанческо-террористических организаций, ставивших своей целью разрыв политических и экономических отношений с СССР, совершение государственного переворота и создание феодального государства под протекторатом Японии⁹. П. Гэндэн был осужден к высшей мере наказания — расстрелу, с конфискацией имущества. В тот же день приговор привели в исполнение.

Ответственность советских органов за гибель П. Гэндэна очевидна. Следствие длилось около четырех месяцев — сравнительно долго. Нелегко было уличить человека в тех тяжких грехах, которых он не совершал. Обвинение ведь и тогда выглядело надуманным, искусственным. Получалось, что премьер-министр страны плел заговор против своего же государства, против самого себя. Гэндэн оказался не угоден кому-то и в Советском Союзе, и в Монголии, причем в бурное, беспощадное время, — в этом его трагедия.

Имеющиеся публикации свидетельствуют, что советские спецслужбы, творившие суд над Гэндэном, действовали в контакте с монгольскими. Г. Цэрэндулам отмечает, что Д. Лувсаншарав, находившийся в те дни в Москве, фактически дал согласие на казнь Гэндэна. В своем письме Х. Чойбалсану от 30 ноября он сообщает, что встречался с Ежовыми и Фриновским. Последний спрашивал — не перевезти ли Гэндэна в Монголию и там исполнить приговор. Смысл ответа Лувсаншарава — перевозить необязательно, нежелательно...¹⁰ Об этом пишет и С. Ичинноров¹¹.

...В 1991 г. родственникам П. Гэндэна удалось установить, что его тело было кремировано на кладбище Донского монастыря. Прах захоронен в общей могиле №1 кладбища. Там теперь сооружен памятник. Памятник есть и в Улан-Баторе на кладбище Алтан-Олгий: в 1998 г. горсть земли с могилы Гэндэна перевезли на родину.

...Реабилитация П. Гэндэна в Советском Союзе состоялась 15 декабря 1956 г. Военная коллегия Верховного суда СССР отменила свое прежнее решение и прекратила дело за отсутствием состава преступления. В Монголии Верховный суд реабилитировал П. Гэндэна 13 февраля 1962 г. Официальное уведомление об этом родственники получили лишь 26 января 1989 г.¹² (Реабилитировали, но всенародно сообщать — долго не решались, вероятно — из каких-то «особых соображений». Как тут не вспомнить март 1936 г., когда смещение Гэндэна объяснили его «болезнью» и «личной просьбой»).

* * *

Как дальше сложилась судьба семьи П. Гэндэна? По приезде из Сочи в Москву в июле 1937 г. Д. Донжид, Г. Цэрэндулам, Д. Пэлжээ разместили на этот раз в гостинице «Новомосковская», где они жили свыше трех месяцев, фактически под домашним арестом. Разрешение на выезд в Монголию было получено только в конце октября. В Улан-Батор добрались уже зимой, в декабре. Дом Гэндэна был конфискован, пришлось ставить юрту. Начались невзгоды, лишения. «Семья врага народа». Донжид долго искала работу, наконец, удалось устроиться медсестрой в больнице. Из партии ее исключили. Цэрэндулму в прежнюю школу не взяли, поступила в другую. Ни в пионерскую организацию, ни в Ревсомол не принимали. В 1943 г. удалось поступить в Монгольский университет, на медицинский факультет, в 1948 г. окончила его, стала врачом. В 1945 г. вышла замуж за студента физико-математического факультета Н. Соднома, который впоследствии стал крупным ученым, академиком. В 1956–1957 г. Г. Цэрэндулам совершенствовалась по своей специальности в Москве, в 1965–1967 гг. — в Чехословакии, Югославии. В 1948–1956 гг. и в 1973–1993 гг. работала в центральных лечебных учреждениях Улан-Батора. В 1967 г. ее муж Н. Содном был направлен на руководящую работу в международный ядерный центр в Дубне, Цэрэндулам работала там врачом. В Дубне они находились до 1973 г. Мать Д. Донжид жила с ними, помогала,

семья разрасталась — внуки, внучки. Известными деятелями стали ее братья — Д. Ишцэрэн на протяжении 13 лет работал министром просвещения, Д. Цэрэндондов — видный дипломат, работал послом в Англии, Японии. Д. Донжид умерла в 1981 г., после тяжелой болезни, так и не узнав официально от властей о реабилитации мужа.

С начала 90-х годов Г. Цэрэндулам основное внимание стала уделять общественной деятельности. Она очень многое сделала по полному восстановлению доброго имени отца, правды о нем. И не только о нем, но и о других необоснованно репрессированных. Это по ее инициативе, благодаря ее энергии и настойчивости, в доме, где с 1931 по 1936 г. жили П. Гэндэн и его семья, был создан музей в память жертв политических репрессий. Музей был торжественно открыт в сентябре 1996 г. Г. Цэрэндулам — первый директор этого музея. Одно из центральных мест занимают экспонаты, посвященные П. Гэндэну. Собрано также множество редких и неизвестных ранее документов, фотографий, рассказывающих о других политических деятелях, о жизни страны с 1921 до 50-х годов. Значение этого уникального музея для всех, изучающих историю Монголии XX века, невозможно переоценить.

Монгольскую общественность, всех знавших Н. Соднома и Г. Цэрэндулам недавно постигло большое горе — в 2002 г. умер Н. Содном, а в 2003 г. ушла из жизни и Г. Цэрэндулам. Потери тяжкие — это были яркие, талантливые личности, энтузиасты, блестящие организаторы, крупные специалисты. Прекрасные люди, внимательные, чуткие. И до конца сохранившие верность и преданность своим корням...

Семья П. Гэндэна, его жена, дочь, зять, внуки и другие родственники оказались достойными памяти главы семьи, который в течение 12 лет был одним из ведущих руководителей Монголии. Они делали все возможное, чтобы восстановить историческую правду. Но они были бы бессильны, если бы в том же направлении не действовали влиятельные обществен-

ные силы, новые государственные структуры. Главное — изменилось само время, идет переосмысление многих явлений недавнего исторического прошлого. Но это уже другая тема, выходящая за рамки данной работы.

¹Ардын эрх, 1991, XI, 21–30, №10 (58).

²Выступление П. Гэндэна на II пленуме ЦК МНРП опубликовано в книге Г. Цэрэндулам, с. 47–52. См. также С. Ичинноров. Указ. соч., с. 38–39.

³Материалы II пленума ЦК МНРП см.: МАХН-ын их бага хурал, ТХ-ны буда хураудын тогтоол шийдвэр, I хэсэг, с. 564–579.

⁴Современная Монголия, 1936, №2(15), с. I–V.

⁵Монголын тухай БХК(б) Н-ын баримт бичигт, II боть, с. 181.

⁶Там же, с. 189.

⁷Там же, с. 228–229.

⁸Письмо опубликовано Л.И. Шинкаревым в книге «Цеденбал и его время», т. 2, с. 146–147.

⁹РЦХИДНИ. Научно-информационный бюллетень. Выпуск №8, М., с. 72.

¹⁰Г. Цэрэндулам. Указ. соч., с. 80–81.

¹¹С. Ичинноров. Указ. соч., с. 60.

¹²Г. Цэрэндулам. Указ. соч., с. 103–105.

Послесловие

Всего 42 года прожил П. Гэндэн. Первые 28 с лишним лет — детство, юность, молодость — обычная жизнь рядового аратакочевника. Затем 12 лет — Улан-Батор, на вершинах власти. И последние трагические полтора года — Советский Союз, арест, гибель. Сколько же всего — и радостного, и тягостного — вместила его короткая жизнь. Конечно же, он сильно изменился за 12 лет пребывания у власти, не мог не измениться. Не было уже простого арата, был руководитель государства, партийный лидер. Но в главном, в том, что составляет суть человека, он, по большому счету, оставался самим собой. Он всегда помнил о своих корнях, о том, что обязан, оказавшись наверху, заботиться об аратах, отстаивать интересы Монголии. Думается, что не лукавил, не кривил душой, когда возглавил «худонскую» оппозицию в 1926 г. — полагал, что правда за коминтерновцами, что тогдашние руководители ошибаются. А когда в 1929–1930 гг. у него, лидера «левого» руководства, появились серьезные сомнения в правильности проводимой политики, он не стал их скрывать и тотчас прослыл «новым правым». Он с воодушевлением принялся в 1932 г. за реализацию «нового курса», но потом пришло разочарование — его подходы к решению назревших проблем не всегда находили поддержку в Москве.

С годами он приобрел политический опыт. Его представления о тех или иных вопросах не оставались застывшими. В 1932 г. и позже он, вероятно, критически оценивал и некоторые свои действия на VII съезде МНРП (1928) и свои доклады на VIII съезде (1930).

Он оставался сыном своего времени, которое подняло его на самый верх, а затем безжалостно раздавило.

Не будем идеализировать Гэндэна, это личность сложная, противоречивая, со своими слабостями и недостатками. Ему не хватало образования, знаний, эрудиции, не хватало выдержки, гибкости... Слабости его с лихвой перекрывались природной

интуицией и умом, добрыми человеческими качествами — простота, отзывчивость, смелость, твердость..., а главное — тем большим вкладом, который он внес в укрепление и развитие своей Родины.

Подведем краткие итоги:

— П. Гэндэн — прямое порождение своей эпохи. «Кто был никем, тот станет всем». Путь наверх открыла ему, рядовому арату, национально-демократическая революция 1921 года. Но он не стал бы крупным государственным деятелем, если бы не обладал сильным, независимым характером, ярко выраженными чертами вожака, лидера. Подлинный народный самородок, он был замечен в 1924 г. и быстро приобрел большой авторитет и влияние. Гэндэн не был редким исключением, сходный путь проделали тогда многие, но Гэндэн среди них — фигура наиболее знаковая.

— П. Гэндэн — истинный патриот своей Родины. Больше всего он любил Монголию, своих друзей-аратов и его основные усилия были направлены на развитие страны, укрепление ее независимости, улучшение жизни народа.

— П. Гэндэн в значительной мере влиял на все сферы политического, экономического, культурного развития Монголии в 1924—1936 гг. Но особенно весом его вклад в разработку и осуществление «нового курса», направленного на устранение левацких извращений, на обеспечение подъема экономики, повышение благосостояния аратов и всего народа.

— П. Гэндэн не получил систематического образования и не был теоретиком. Он был практиком, прекрасно знавшим аратское хозяйство, экономику страны, был отменным организатором, «хозяином». Его взгляды демократа, прагматика формировались самой жизнью, определялись политической деятельностью в рядах МНРП — партии национально-демократического толка, находившейся под огромным влиянием Коминтерна и ВКП(б).

— П. Гэндэн хорошо понимал объективную необходимость для Монголии сотрудничества с Советским Союзом.

Этого требовали задачи обеспечения независимости страны, ее экономического и культурного роста. Подпись Гэндэна стоит под многими договоренностями, регламентировавшими советско-монгольские отношения в тот период. Он не был против учета советского опыта, но и не был его слепым приверженцем. Его подходы к проблемам внутреннего развития Монголии, к некоторым вопросам сотрудничества, в частности в военно-технической сфере, не всегда совпадали с советскими.

— Отставка П. Гэндэна была вызвана рядом причин — и внутренними и особенно, внешними. Его гибель можно объяснить только одним: шел 1937 год — разгар политических процессов и репрессий. Гэндэн разделил тяжкую судьбу других необоснованно осужденных. Он, конечно же, не был «контрреволюционером», «заговорщиком», «антисоветчиком» (впоследствии сказано: «отсутствовал состав преступления»). А был он честным, прямым человеком, имевшим собственное мнение о происходившем, достойным руководителем своего государства. Его гибель — тяжелая трагедия, которую невозможно забыть. Горько сознавать, что она произошла в нашей стране.

...С тех пор в Монголии (как, впрочем, и во всем мире) произошли крутые перемены. Она стала совсем другой страной по сравнению с той, какой была при П. Гэндэне, Х. Чойбалсане, Ю. Цеденбале. В начале 90-х годов утвердилась новая модель развития, основанная уже не на социалистических принципах, а на иных — либеральных, капиталистических. Монголия теперь — парламентская республика с многопартийной системой, открытостью, гласностью. В экономике — разные формы собственности, но с опорой на частную, действуют рыночные отношения. Во внешней политике — многовекторный курс, сотрудничество не только с соседями — Россией и Китаем, но и со всеми другими странами, особенно с Японией, США, Южной Кореей, государствами Евросоюза. Время покажет степень эффективности тех или иных элементов нового общественного и экономического устройства.

Нам в заключение важно отметить, что в Монголии XXI века доброе имя Гэндэна пользуется широкой известностью, правду о нем может узнать каждый из различных публикаций, материалов научных конференций, многочисленных музейных экспонатов. Его чтут как патриота, борца за национальные интересы, отдавшего жизнь за лучшее будущее страны.

Основные даты жизни и деятельности Пэлжидийн Гэндэна

1895, июль	родился Пэлжидийн Гэндэн, в аймаке Сайн-ноен-хан Уйзэн-гүний хошуне (ныне Убурхангайский аймак, Тарагт сомон).
1920–1921	участвует в столкновениях с отрядами китайских милитаристов и русских белогвардейцев.
1922, июль	вступил в Революционный союз молодежи, стал одним из руководителей местной ячейки.
1923, июль—август	делегат II съезда Ревсомола в Урге.
1923–1924, начало	участвует в создании новых органов местного самоуправления.
1924, март	вступил в Монгольскую народную партию, избран председателем ячейки в хошуне.
1924, сентябрь	участвует в работе аймачного хурала. Избран депутатом I Великого народного хурала.
1924, ноябрь	депутат I Великого народного хурала в Улан-Баторе. Избран председателем президиума Малого хурала.
1925, сентябрь	IV съезд Монгольской народно-революционной партии. Избран членом президиума ЦК (оставался им вплоть до 1936 г.).
1926–1927	председатель Центрального бюро профсоюзов (по совместительству).
1926, апрель—май	визит в Москву парламентской делегации МНР во главе с П. Гэндэном.
1926	женитьба на Д. Донжид.
1926	зарождение «левой» («худонской») оппозиции «правому» руководству. П. Гэндэн — один из ее лидеров.
1927, ноябрь	освобожден от обязанностей председателя президиума Малого хурала.
1927–1928	председатель правления Монголбанка.
1928, октябрь—декабрь	VII съезд МНРП. Победа «худонской» оппозиции. П. Гэндэн избран секретарем

- ЦК МНРП.
- 1929, февраль визит П. Гэндэна и Х. Чойбалсана в Москву в связи с подготовкой Соглашения об основных принципах взаимоотношений между СССР и МНР.
- 1929–1932 левацкий эксперимент в МНР. П. Гэндэн — «новый правый».
- 1930, февраль—март VIII съезд МНРП. П. Гэндэн выступает с двумя докладами — политотчет ЦК и о пятилетнем плане.
- 1932, февраль—март переговоры П. Гэндэна и З. Шижээ в Москве.
- 1932, апрель—сентябрь повстанческое движение в МНР, вызванное левацкой политикой.
- 1932, июнь—июль III Чрезвычайный пленум ЦК и ЦКК МНРП и 17-я сессия Малого хурала. «Новый курс». Доклад П. Гэндэна на пленуме. Избрание его на сессии премьер-министром и министром иностранных дел.
- 1934, сентябрь—октябрь IX съезд МНРП. П. Гэндэн выступает с отчетным докладом ЦК.
- 1934, октябрь—ноябрь визит в Москву монгольской правительственной делегации во главе с П. Гэндэном. Переговоры с И.В. Сталиным и другими советскими руководителями.
- 1934, декабрь VII Великий народный хурал. П. Гэндэн — премьер-министр, Х. Чойбалсан — первый вице-премьер.
- 1935, декабрь — 1936, январь П. Гэндэн во главе монгольской делегации в Москве. Переговоры с И.В. Сталиным и другими советскими руководителями.
- 1936, март участие П. Гэндэна в подписании Протокола о взаимной помощи между СССР и МНР.
- 1936, март II пленум ЦК МНРП и 20-я сессия Малого хурала. П. Гэндэн освобожден от всех постов в связи с «политическими ошибками». Ему предоставлен годичный отпуск «для лечения и отдыха» в Советском Союзе.
- 1936, апрель прибытие П. Гэндэна и его семьи в Москву.

- 1936, апрель — 1937, июль — пребывание в Форосе (Крым).
- 1937, 17 июля — П. Гэндэн арестован сотрудниками НКВД в Сочи (на пути в Кисловодск).
- 1937, июль—ноябрь — П. Гэндэн во внутренней тюрьме НКВД СССР.
- 1937, 26 ноября — Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила П. Гэндэна к расстрелу за «контрреволюционную деятельность».
- 1956, декабрь — реабилитация П. Гэндэна в Советском Союзе. Военная коллегия Верховного суда прекратила «дело» — «за отсутствием состава преступления».
- 1962, февраль — Верховный суд МНР реабилитировал П. Гэндэна.
- 1981 — скончалась Д. Донжид, вдова П. Гэндэна.
- 1992 — в Арвайхээр, центре Убурхангайского аймака, установлен памятник П. Гэндэну.
- 1993 — в Улан-Баторе на доме, где жил П. Гэндэн, установлена памятная доска, одной из улиц присвоено имя П. Гэндэна.
- 1995 — научная конференция в Улан-Баторе, посвященная 100-летию со дня рождения П. Гэндэна.
- 1996 — в Улан-Баторе в доме, где жили П. Гэндэн и его семья, открыт музей памяти жертв политических репрессий. Первый директор музея — Г. Цэрэндулам, дочь П. Гэндэна.

Библиография

Источники

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ): фонд 111, описи 4–22.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ): фонды 144 (опись 1), 495 (описи 16, 19, 20, 74, 152, 154), 532 (описи 1, 2), 533 (опись 10), 534 (описи 6, 7), 535 (опись 2).

Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921–1924 гг. Документы. Пер. с монг. М., 1960.

Протоколы I Великого народного хурала Монгольской Народной Республики. УБ., 1925.

IV съезд Монгольской народно-революционной партии. УБ., 1925.

IX съезд Монгольской народно-революционной партии. УБ., 1934.

Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы, т. 1, 1921–1940. М.-УБ., 1975.

БНМАУ-ын их, бага хурлуудын тогтоол, унасан хууль, тунхгууд (Постановления Великого и Малого Хуралов МНР, Конституция, воззвания). УБ., 1956.

МАХН-ын их, бага, ТХ-ын будг хурлуудын тогтоол шийдвэр. I хэсэг. 1921–1939 (Резолюции съездов, конференций, пленумов ЦК МНРП. Часть I). УБ., 1956.

МАХН-ын гуравдугаар их хурал (Третий съезд МНРП). УБ., 1964.

МАХН-ын долдугаар их хурал (Седьмой съезд МНРП). УБ., 1980.

Коминтерн ба Монгол. Баримтын эмхэтгэл (Коминтерн и Монголия. Сборник документов). УБ., 1996.

Монголын тухай БХК(б) Н-ын баримт бичигт (1920–1952). Баримтын эмхэтгэл. I боть. 1920–1932 (Монголия в документах ВКП(б) (1920–1952). Сборник документов, т. I. 1920–1932). УБ., 2002. II боть, 1933–1940 (т. II, 1933–1940). УБ., 2005.

Литература

На русском языке

Амагаев Г.М. Матвей Иннокентьевич Амагаев: годы жизни и испытаний (1897–1944). Иркутск, 1997.

Бат-Очир Л., Дамжамц Д. Дамдины Сухэ-Батор. Биография. М., 1971.

Бурдуков Н.В. В старой и новой Монголии. М., 1969.

- Жабаева Л.Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ, 2001.
- Златкин И.Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957.
- История Монгольской Народной Республики. Издание третье, переработанное и дополненное. М., 1983.
- История Монголии. XX век. М., 2007.
- История советско-монгольских отношений. М., 1981.
- Каллиников А.Д. Национально-революционное движение в Монголии. М.-Л., 1926.
- Капица М.С., Иваненко В.И. Дружба, завоеванная в борьбе (советско-монгольские отношения). М., 1965.
- Кунгуров Г.Ф., Сороковиков И.А. Аратская революция. Исторический очерк. Изд. 2-е. Иркутск, 1957.
- Лузянин С.Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2000.
- Лхагва Т. Что же думал Сталин о монголах (Перевод и послесловие В.В. Грайворонского). — Проблемы Дальнего Востока, 1991, №3.
- Матвеева Г.С. Монгольский революционный союз молодежи. История и современность. М., 1983.
- Надиров Ш.Г. Цеденбал. 1984 год. М., 1995.
- Очерки истории Монгольской народно-революционной партии. Пер. с монг. М., 1971; изд. 3, УБ., 1987.
- Першин Д.П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак. Самара, 1999.
- Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М., 2001.
- Роцин С.К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М., 1999.
- Роцин С.К. Маршал Монголии Х. Чойбалсан. Штрихи биографии. М., 2005.
- РЦХИДНИ. Научно-информационный бюллетень, вып. №8. М., 1996.
- Советы И. Сталина монгольскому премьеру — Азия и Африка сегодня, 1991, №6 (пер. с монг. Н. Очирова).
- Старицина П.П. Маршал Чойбалсан. М., 1940.
- Хашбат А. Международный статус Монголии: историко-правовые аспекты. УБ., 2001.
- Цеденбал Ю. Из воспоминаний. Подготовил Зориг Цеденбал. — Восток, 1994, №4, 5.
- Цибиков Б.Д. Разгром унгерновщины. Улан-Удэ, 1947.

- Цибиков Б.Д., Чимитдоржиев Ш.Б. Цыбен Жамцарано. Улан-Удэ, 1997.
- Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М., 1987.
- Шинкарев Л.И. Цеденбал и его время. Документальное повествование в двух томах. Том 1 — Любовь, власть, трагедия. Том 2 — Документы, письма, воспоминания. М., 2006.
- Ширендыб Б., История Монгольской народной революции 1921 г. Пер. с монг. М., 1971.
- Элбек-Доржи Ринчино. О Монголии. Улан-Удэ, 1998.
- Юсупова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности. 1925–1953. СПб., 2006.
- Хозяйство Монголии. Экономический журнал. УБ., 1926–1931.
- Современная Монголия. Политико-экономический журнал. УБ., 1933–1942.

На монгольском языке

- Баабар Б. (Б. Батбаяр). XX зууны Монгол. Нуудэл, суудал. Гарз, олз. Боть 1. (Монголия XX века. Кочевье, оседлость. Потери, приобретения. Том 1). УБ., 1996.
- Батбаяр Ц. Монгол ба их гурнууд XX зууны эхний хагаст — (Монголия и великие державы в первой половине XX в. УБ., 2006.
- Бат-Очир Л. Бодоо сайд. Узэл ба уйлс (Министр Бодо. Взгляды и деятельность). УБ., 1991.
- Бат-Очир Л. Туухийн унэний эрэлд (В поисках исторической правды). УБ., 1999.
- Бат-Очир Л. Чойбалсан (Намтрын нь балархайг тодруулахуй). — (Чойбалсан. Неизвестные страницы биографии). УБ., 1996.
- Батсайхан О. Монгол ундэстэн бүрэн эрхт улс болох замд (1911–1946). — (Монголия по пути государства-нации). УБ., 2005.
- Болдбаатар Ж. Амар сайд (Министр Амар). Булган хот, 1993.
- Болдбаатар Ж. Монгол улсын засгийн газрын тэргүүн (Главы правительств Монголии). УБ., 2003.
- Буруугуй «буруутнууд». Эмхэтгэж, редакторлосон С. Идшинноров (Без вины «виноватые»). Составитель и редактор С. Идшинноров). Зуунмод хот, 1993.
- Дамдинсүрэн С. Монголын тусгаар тогтнол: эрин зууны баталгаажилт (Независимость Монголии, ее гарантии). УБ., 2001.
- Даш Д. Монгол түмний толоо зүтгэсэн анд ноход (Они боролись за свободу и независимость монгольского народа). УБ., 1967.

- Даш Д. Солийн Данзан. УБ., 1990.
- Дашдаваа Ч. Улаан туух. Коминтерн ба Монгол (Красная история. Коминтерн и Монголия). УБ., 2003.
- Дашдулам Д. Золбингийн Шижээ. УБ., 1995.
- Дашцэвэг Б., Манууш Ч. Эгшигт ээж (Д. Сухбаатарын Янжмаагийн тухай туухэн найруулал). (Исторический очерк о С. Янжме). УБ., 1994.
- Ичинноров С. Пэлжидийн Гэндэн. Узэл баримтлал, уйл ажиллагаа (Взгляды и деятельность). УБ., 1994.
- Ичинноров С. Санжийн Довчин сайдын эдийн засаг, улс торийн байр, суурь (Экономические и политические позиции министра Санжийн Довчина). УБ., 1994.
- Лхагваа Т. Сталиныг алгасан хун. БНМА-ын Бага хурлын анхны дарга, Еронхий сайд хэлмэгдсэн Пэлжэдийн Гэндэн (Человек, давший пощечину Сталину. Первый председатель Малого Хурала, премьер-министр МНР репрессированный Пэлжидийн Гэндэн). УБ., 1991.
- Магсаржав Х. Бат-Очирын Элдэв-Очир. УБ., 1974.
- Монгол ардын хувьсгалт намын туухэн товчоон. Еронхий редактор Ч. Дашдаваа (Краткая история Монгольской народно-революционной партии. Главный редактор Ч. Дашдаваа). УБ., 2001.
- Монгол улсын туух. Тавдугаар боть (XX зуун) (История Монголии. Том пятый. XX век). УБ., 2003.
- Санждорж М. Монгол торийн туухээс. Тэргүүн дэвтэр, дэд дэвтэр. (Из истории Монгольского государства. В двух томах). УБ., 2007.
- Улс торийн талаар хэлмэгдэгсдийн дурсгал Цагаан ном. Эрхэлсэн М. Ринчин (Белая книга. Памяти жертв политических репрессий. Отв. ред. М. Ринчин). УБ., 1993.
- Хорьдугаар зууны Монгол. Туухийн тойм Доктор М. Санждоржийн удирдлагаар туурвисан хамтын бүтээл (Монголия двадцатого века. Очерк истории. Коллективный труд, подготовленный под руководством доктора М. Санждоржа). УБ., 1995.
- Цэрэндулам Г. П. Гэндэн. Эцгийн тухай дурьтгал. Редактор Н. Содном. (Воспоминания об отце). УБ., 2000.
- Ширэндэв Б. Хичээнгүй сайд Цэрэндорж (1868–1928) (Неутомимый министр Цэрэндорж). УБ., 1965.
- Ширэндэв Б. Монгол ардын хувьсгалын туух. Залруулсан хоёр дахь хэвлэл (История Монгольской народной революции. Издание второе, исправленное). УБ., 1999.

На английском языке

Dashpurev D., Soni S.K. Reign of Terror in Mongolia. 1920–1990. New Delhi, 1992.

Lattimore O. Nationalism and Revolution in Mongolia. N.Y. 1955.

Mongolia in the Twentieth Century: Landlocked Cosmopolitan. Edited by Stephen Kotkin and Bruce A. Elleman. N.Y., 1999.

Rupen R. Mongols of the Twentieth Century. Parts 1–2. Indiana University. Bloomington, 1964.

Именной указатель

- Агваан Ш. — 9
- Амагаев М.И. (Амгаа) — 27, 28, 32–35, 42, 46, 48, 50, 51
- Амар А. — 9, 20, 27, 29, 41–43, 47, 50, 52, 52, 55, 57, 70, 73, 77, 81, 84, 88, 89, 90, 92, 97, 102, 14, 122, 128, 130, 136
- Баабар Б. (Батбаяр Б.) — 8, 82, 83, 123, 151
- Бавасан — 15
- Бадрах О. — 17, 10, 27, 28, 31, 35–40, 42–45, 48, 50, 52–54, 56, 57, 59, 61, 65–70
- Бат-Очир Л. — 9, 149, 151, 152
- Батхаан Э. (Батуханов Н.Ф.) — 20
- Баянчулган — 25
- Берзин Я.К. — 63
- БОГДО-ГЭГЭН (БОГДО-хан, Жавзан-Дамба-хутухта) — 12, 14
- Бодо Д. — 151
- Болдбаатар Ж. — 8, 9, 125, 151
- Бурнээбаатар — 20
- Бухарин Н.И. — 30, 33, 34, 37
- Ванданов — 68
- Васильев А.Н. — 17
- Ворошилов К.Е. — 63, 101, 107, 108, 111, 115, 118, 134
- Гиваабалжир — 20
- Гэлэгсэнгэ Г. — 17, 27, 42
- Гэндэн Г. — 43
- Дамбадорж Ц. — 15, 17, 20, 22, 27, 28, 30, 33–43, 55
- Дамдинсүрэн Ж. — 43, 57, 151
- Дангаа — 20
- Данзан С. — 15, 27, 29, 152
- Дарьзав Л. — 133
- Даш Д. — 151, 152
- Дашдаваа Ч. — 8, 152
- Дашдулам Д. — 9, 152
- Дашчирав О. — 89, 109
- Догсом Д. — 136

- Донжид Д. — 132, 139, 140, 146, 148
Дорлигжав В. — 27, 28, 43
Дугаржав Б. — 38, 42
Дугаржанцан — 17
Дэндэв — 56, 57, 68
Ежов Н.И. — 138
Ербанов М.Н. — 17
Жабаева Л.Б. — 150
Жадамба Н. — 20, 22, 27, 42, 43, 73
Жамцарано Ц. — 23, 29, 30, 151
Жданов А.А. — 108
Жигжиджав Ц. — 43, 52, 56, 61, 62, 70, 82
Загд Р. — 43
Ичинноров С. — 8, 9, 72, 83, 123, 138, 141, 152
Каганович Л.М. — 108
Калинин М.И. — 17, 26
Киров С.М. — 112
Коларов В. — 84, 89, 91, 92, 94, 95, 105
Куусинен О.В. — 67, 125
Кучумов В.Н. — 32, 51, 52–58, 60, 68, 69, 104
Лааган Л. — 28, 39, 52, 54–56, 68, 70
Ламжав — 20
Литвинов М.М. — 118
Лосол Д. — 42
Лувсаншарав Д. — 56, 67, 70, 84, 86, 88–90, 92–96, 128, 136, 138
Лузянин С.Г. — 7, 124, 150
Лхагваа Т. — 8, 26, 123, 125, 152
Лхумбэ Ж. — 56, 70, 81–83, 86, 96, 123
Магсаржав С. Хатан-батор — 9, 20, 152
Мануильский Д.З. — 67, 125
Миш П.А. (Фортус П.А.) — 37, 39, 50, 63
Молотов В.М. — 108, 110, 111, 115, 117, 118, 119, 125, 134
Мэнд Р. — 43, 70, 89, 109, 117
Наваан-Нэрин — 20

- Найдансүрэн — 20
Намсрай Д. — 70, 82–84, 88, 89, 91, 117–119, 123, 127
Нанзад Г. — 43
Нацов С. (Шойжелов С.А.) — 68
Норовсамбуу — 90
Охтин А.Я. — 44, 48, 50, 51, 53, 55, 56, 58, 61
Петров Ф.Ф. (Раскольников Ф.Ф.) — 36, 37
Полонский С. — 68
Пэлжээ Д. — 132, 139
Пятницкий И.А. — 63, 64
Равдан О. — 70
Ринчино Э. (Элбэгдорж) — 15, 27
Рыскулов Т. — 16, 17, 20, 27, 104
Санждорж М. — 8, 73, 152
Содном Г. — 43, 59, 139, 140, 152
Сокольников Г.Я. — 84, 108
Сталин И.В. — 8, 26, 32, 67, 83, 96, 101, 102, 106–116, 118–121, 123, 124, 128, 134, 135
Старицина П.П. — 150
Стомоняков Б.С. — 103, 112, 116, 118, 120, 122
Таиров В.Х. — 102, 115–117, 120, 122
Фриновский М.П. — 138
Цеденбал Ю. — 7, 125, 141, 144, 150, 151
Цэрэндорж Б. — 9, 17, 18, 20, 22, 27, 29, 34, 37, 73, 104
Цэрэндулам Г. — 8, 26, 40, 71, 107, 121, 124, 125, 132, 134, 138–141, 148, 152
Цэрэнлхам Д. — 43
Черномордик М.Б. — 54, 60–63, 68, 69
Чингисхан — 108
Чигчерин Г.В. — 17, 25
Чойбалсан Х. — 9, 20, 27, 42, 43, 46, 50, 52, 55, 62, 70, 84, 88, 89, 94, 95, 96, 109, 111, 114, 115, 122, 124, 127, 128, 136, 138, 144, 147, 150, 151
Чойжил З. — 43
Чуцкаев С.Е. — 105, 115–118, 120

- Шижээ З. — 9, 43, 50, 52, 54, 56, 57, 59–65, 67–70, 72, 147, 152
- Шинкарев Л.И. — 7, 125, 126, 141, 151
- Ширендыб Б. (Ширэндэв Б.) — 8, 9, 151, 152
- Шмераль Б. — 41, 44, 84, 89, 90–92, 94, 105
- Шотман А.В. — 34, 35
- Элдэв-Очир Б. — 9, 43–45, 52, 53, 56, 59, 70, 87, 89–993, 106, 107, 134, 136, 152
- Элнава Ш.З. — 67, 108
- Элия (Элээ Н.) — 90
- Эрэнцэв Ш. — 70
- Яндаг Д. — 89

Summary

“P. Genden. Mongolian National Leader. Biographical Glimpses” is a first Russian study on Mongolia’s outstanding statesman P. Genden. A commonplace herdsman he was appointed in 1924 Chairman of the Presidium of the Little khural, in 1928–1932 was Secretary of the ruling People’s Revolutionary Party and in 1932–36 Prime Minister of Mongolia. In 1937 he was, however, stripped of all his posts and in 1937 shot by firing squad following a fabricated “case”. For decades to come his name was being associated with “right-wing opportunism” and “anti-party activities”, etc. Archival materials and modern publications by Mongolian historians convincingly show a different picture — that P. Genden was a worthy representative of his people, a steadfast champion of Mongolia’s national resurrection and, given his capabilities, defender of his country’s interests.

P. Genden, along with other Mongolian leaders of renown, favored close cooperation with the Soviet Union. He realized that Soviet support was a trustworthy guarantee of Mongolia’s independence and strengthening of its economy and culture. But he was a man of a peculiar character, firm and full of dignity. His views on the Mongolian problems did not always coincide with the Soviet ones. By 1934–1935 P. Genden’s discord with I. V. Stalin and other Soviet leaders gained momentum. There was a growing opposition to P. Genden inside Mongolia too. All these factors were responsible for his fall.

Nowadays P. Genden’s reputation has been restored, he has been fully rehabilitated.

The monograph describes main stages of P. Genden’s career and briefly analyses his multi-faceted activities under the complicated conditions of his epoch. It is based upon official documents and archival materials along with a wide range of research literature in Russian and Mongolian languages.

Содержание

Предисловие	5
Глава первая. Председатель президиума Малого хурала (1924–1927)	11
Начало общественной деятельности.....	11
Депутат I Великого народного хурала. Избрание Председателем президиума малого хурала.....	15
Деятельность на высоком государственном посту	22
Глава вторая. Секретарь ЦК МНРП (1928–1932)	27
Формирование «левой», «худонской» оппозиции. П. Гэндэн — один из ее лидеров.....	27
VII съезд МНРП. Победа оппозиции. П. Гэндэн — секретарь ЦК МНРП.....	36
Левацкий эксперимент. Позиция П. Гэндэна.....	46
Глава третья. Премьер-министр (1932–1936)	73
«Новый курс» и П. Гэндэн	73
Внутренняя политика правительства П. Гэндэна	76
Внешняя политика.....	97
Глава четвертая. Гибель	127
Отставка.....	127
Последние полтора года	132
Послесловие.....	142
Основные даты жизни и деятельности Пэлжидийн Гэндэна.....	146
Библиография	149
Именной указатель	154
Summary.....	158

Научное издание

Роцин Сергей Константинович
П. Гэндэн, монгольский национальный лидер
Штрихи биографии

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Редактор М. С. Баландина
Корректор Л. В. Хохлова
Верстка А. В. Ельцева

Изд. лиц. ИД № 04697 от 28.04.2001.

Подписано в печать . . . 2008

Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5 Уч.-изд. л. 7. Тираж экз. Заказ №

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Зайцев